ПРИЧИНЫ
и
я ПРОЯВЛЕНІЯ ОППОЗИЦІИ
КАТОЛИЦИЗМУ
ЧЕХІИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ
въ концѣ XIV и началѣ XV в.

Сочиненіе Кандидата-Педагога

В. Надлера.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.

1864.

ПРИЧИНЫ
и
первыя проявленія оппозиціи
КАТОЛИЦИЗМУ
ВЪ ЧЕХІИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ
въ концѣ XIV и началѣ XV в.

Сочиненіе Кандидата-Педагога
В. Надлера.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1864.

Напечатано по опредѣленію Попечительскаго Совѣта и по одобренію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Харьковскаго Университета.

I.

Большая часть историковъ, останавливавшихся на великомъ національномъ и религіозномъ движеніи Чехіи въ XV в., смотрѣла на него какъ-то односторонне и выводила его изъ мелочныхъ, часто вовсе случайныхъ обстоятельствъ. Изслѣдуя ближайшія причины и первые симптомы этого движенія, одни изъ нихъ, какъ напримѣръ Палацкій [1], видѣли его зародыши въ спорахъ нищенствующихъ орденовъ съ свѣтскимъ духовенствомъ и въ иноземномъ вліяніи Виклефа, и рѣшительно отвергали вліяніе на него восточно-византійскихъ преданій, жившихъ еще въ странѣ и находившихъ себѣ опору въ самой глубинѣ національнаго духа; другіе, какъ Новиковъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи о Гуссѣ и Лютерѣ [2], выводили все дѣло именно изъ вліянія этихъ преданій и мало обращали вниманія на воздѣйствіе другихъ факторовъ; третьи, какъ большая часть нѣмецкихъ изслѣдователей, выводили все изъ одного Виклефа и вліянія и-

[1] *Палацкій,* Geschichte von Bœhmen. Dritten Bandes erste Abtheilung. *Его*-же по-чешски.

[2] «Гуссъ и Лютеръ». Критическое изслѣдованіе *Новикова.* Москва. 1859.

иноземнаго германо-латинскаго запада; и, наконецъ, четвертые, Гельфертъ и Гильфердингъ[1], писатели прямо противоположные другъ другу по своимъ взглядамъ, придавали наиболѣе значенія развитію и вліянію народнаго начала, и его энергической оппозиціи иноземному нѣмецко-католическому элементу.

Всѣ эти мнѣнія, не исключая и третьяго, никакъ нельзя прямо и категорически объявить ложными и несостоятельными; во всѣхъ нихъ, хотя и не въ одинаковой степени, заключается своя извѣстная доля истины. Дѣло только въ томъ, что, при внимательномъ разсмотрѣніи фактовъ, открывается, что всѣ эти вліянія и факторы, по своей силѣ и значенію, далеко не равны между собою, и что нѣкоторые изъ нихъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны причинами и руководящими двигателями всего движенія, а развѣ только первыми симптомами его, однимъ звеномъ въ громадной цѣпи причинъ и слѣдствій.

Каждое изъ этихъ мнѣній въ отдѣльности, особливо три первыя, далеко не рѣшаютъ всего вопроса, но всѣ вмѣстѣ значительно подвигаютъ его къ рѣшенію. И въ самомъ дѣлѣ, на вопросъ — что было причиною народно-религіознаго волненія Чехіи, начиная съ конца XIV в., надобно искать отвѣта не въ томъ или другомъ отдѣльномъ рядѣ явленій, а въ совокупности ихъ всѣхъ, въ цѣлой исторической судьбѣ народа. Эта-то исторія и покажетъ намъ не только законность и естественность движенія, но даже и его необходимость и неизбѣжность; покажетъ, что самое положеніе чешскаго народа, на занимаемой имъ землѣ, что вся его предъидущая историческая жизнь неизмѣнно вели его къ

[1] Соч. *Гельферта:* Mistr Jan Hus, aneb počatkove cirkevního rozdvojení v Čechach, въ Новочешской Библіотекѣ. Статьи *Гильфердинга* объ исторіи, въ газетѣ «День» за 1862 г.

этому, и что народу наконецъ оставалось что-нибудь изъ двухъ— или броситься, очертя голову, въ потокъ революціоннаго движенія, или же погибнуть и исчезнуть, подобно многимъ несчастнымъ своимъ собратамъ.

Славянскому племени выпала на долю, при первомъ же его появленіи на историческомъ поприщѣ, не совсѣмъ завидная участь. Сила обстоятельствъ и склонность къ разъединенію, къ общинному раздробленному быту, отсутствіе организующей, объединяющей силы съ самаго-же начала поставили славянъ въ высшей степени въ невыгодное положеніе. Занявъ громадное пространство европейскаго материка и проникнувъ широкими клиньями въ самую глубь чужеземныхъ территорій, они тѣмъ самымъ лишили себя всякаго средоточія и принуждены были вступить въ роковую борьбу съ племенными врагами своими, по частямъ, безъ сознанія единства, безъ взаимной помощи и поддержки. Потерявъ удобное къ тому время, они, послѣ, напрасно старались организовать и создать что-либо подобное Франкской монархіи и Западной имперіи Карла В. У германо-латинскаго міра, съ самаго же начала, были два центра, къ которымъ тяготѣли и близъ которыхъ сгруппировались наконецъ всѣ ихъ національныя стремленія. Этими центрами были, въ религіи, всемірный Римъ и авторитетъ его первосвященника; въ политикѣ— Франкская монархія и вышедшая изъ нея имперія Запада. У славянъ была, одно время, возможность подобнаго-же объединенія и сосредоточенія. Тѣмъ, чѣмъ былъ для германцевъ Римъ, могла и должна была сдѣлаться для нихъ Византія; а политическое единство могли бы они найдти въ Восточной имперіи, какъ нашли его германцы въ Западной. Одно время и казалось, что славяне достигнутъ той и другой цѣли, хотя и инымъ болѣе мирнымъ путемъ, нежели ихъ воинственные сосѣди. Византія не

отставала отъ Рима въ дѣятельной христіанской пропагандѣ; она выбрала поприщемъ своихъ усилій преимущественно славянскія земли и дѣйствовала соображаясь несравненно болѣе съ потребностями народовъ и истиною евангельскаго ученія, нежели съ интересами и желаніями господства. Въ то-же время въ Моравіи и Чехіи начала организоваться могущественная славянская держава, обѣщавшая, своимъ быстрымъ возрастаніемъ и энергіею своихъ представителей, сдѣлаться для славянъ чѣмъ-то въ родѣ монархіи франковъ. Но роковой погромъ мадьяровъ разомъ разрушилъ всѣ эти надежды. Паденіе Моравскаго царства было только однимъ изъ гибельныхъ слѣдствій этого внезапнаго событія; гораздо важнѣе и рѣшительнѣе были другіе его результаты. Имъ отнята была у славянъ, на долгое время, всякая возможность политическаго и религіознаго единства. Часть ихъ племенъ подпала подъ власть варварскихъ пришельцевъ, другая была отрѣзана широкою непріятельскою страною отъ всякаго общенія съ духовною митрополіею своею, Византіею, всѣ вмѣстѣ наконецъ славяне были отторгнуты отъ центровъ единенія своего и отданы на жертву прежней раздробленности и враждѣ.

Тяжелыя послѣдствія мадьярскаго нашествія вскорѣ начали отражаться и на судьбѣ славянскихъ племенъ, не застигнутыхъ непосредственно этимъ несчастіемъ. Западныя отрасли ихъ—чехи, поляки и поморскіе славяне принуждены были вступить теперь въ борьбу съ энергическими сосѣдями своими — нѣмцами, отдаленные и отрѣзанные отъ своихъ юго-восточныхъ соплеменниковъ, разъединенные и слабые въ средѣ своей, не просвѣщенные и не одушевленные свѣтомъ евангельской истины. Племена эти, не колеблясь, приняли борьбу, но притомъ, согласно своей натурѣ, каждое изъ нихъ избрало себѣ особенный путь, каждое искало спасенія отъ угрожающей гибели въ различныхъ, часто

діаметрально противоположныхъ другъ другу, средствахъ. Славяне прибалтійскіе ухватились, какъ за единственное средство спасенія, за свой религіозный языческій бытъ, завѣщанный имъ предками. Отстаивая его, они развили всю дикую энергію и непреклонное упорство, свойственныя первобытнымъ народамъ; но пали наконецъ, послѣ вѣковой борьбы, подъ ударами стройно-организованной и просвѣщенной силы нѣмецкаго народа. Инымъ не менѣе роковымъ путемъ пошли поляки. Для сохраненія своей политической автономіи, они отказались отъ существеннѣйшихъ основъ національнаго славянскаго быта, перенесли и водворили у себя, въ цѣлости, весь общественный и религіозный бытъ своихъ противниковъ. Католицизмъ, со всею своею исключительностью и фанатизмомъ, феодальный бытъ, съ своими привилегіями и рабствомъ, проникли, въ теченіи времени, всю польскую націю, и если они не въ силахъ были изгладить окончательно ея славянской натуры, то тѣмъ не менѣе далеко удалили ее отъ остальныхъ славянскихъ соплеменниковъ и дали совершенно превратное направленіе ея исторіи. — Чешскій народъ, по самой натурѣ своей, далекой отъ непобѣдимаго упорства поморянъ и отъ легкомысленной воспріимчивости поляковъ, казалось, съ самаго начала, понялъ свое великое назначеніе и пошелъ дорогою, равно отличною и отъ тѣхъ и отъ другихъ своихъ сосѣдей. Занимая землю, глубоко вдавшуюся въ нѣмецкую территорію, и окруженный со всѣхъ сторонъ, подобно острову, волнами чуждыхъ народностей, народъ чуялъ, что для него одинаково опасно слѣпое упорное сопротивленіе и безусловная покорность и рабская подражательность. Удерживать все-цѣло за собою разъ занятую, драгоцѣнную по историческимъ воспоминаніямъ и естественнымъ богатствамъ, страну; заимствовать у иноземцевъ лишь существенно необходимое и благотворное, а прежде всего свѣтъ

евангельскаго откровенія и организующую творческую силу государственности; но вмѣстѣ съ тѣмъ и свято сохранять основы своего народнаго быта, общинную свободу, равноправность предъ судомъ и чистоту національнаго сознанія; служить въ то-же время щитомъ и передовымъ стражемъ всего славянства, быть для него проводникомъ и посредникомъ западно-европейской цивилизаціи и хранить въ своей средѣ идею все-славянскаго единства— таковы были задачи, возложенныя Провидѣніемъ на чешскій народъ, и около этого средоточія вращается главнымъ образомъ и вся его исторія. Не легко было выполнить подобную задачу народу, малому числомъ, охваченному, со всѣхъ сторонъ, врагами. Тяжело приходилось чехамъ въ борьбѣ за великій залогъ, ввѣренный ихъ охранѣ Провидѣніемъ; часто бывали они близки не только къ утратѣ его, но даже и къ потерѣ своей національной самостоятельности, но прирожденная энергія и изумительная упругость славянскаго характера каждый разъ спасала ихъ отъ гибели и съ свѣжими силами выводила на новый бой.

Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, у чешскаго народа, скорѣе нежели у какого-либо другаго, должно было зародиться и развиться національное чувство и стремленіе. Средневѣковая жизнь германо-латинскаго міра была не такого рода, чтобы могла выдвинуть на первой планъ народное начало. Разъединенные внутри своими феодальными и сословными привилегіями, скованные въ то-же время одною цѣпью іерархіи, западно-европейскіе народы, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ скорѣе теряли, нежели развивали національное сознаніе. При внѣшней безопасности и обезпеченности своей народности отъ чуждыхъ на нее посягательствъ, они, естественно, мало дорожили этою народностью. Ихъ вниманіе поглощалось совсѣмъ другими интересами—іерархическими, сословными, корпоративными.

У нихъ все скоро распалось на безчисленное количество классовъ, общинъ, корпорацій, гильдій, цеховъ, духовныхъ и свѣтскихъ братствъ. Дворянство, не довольствуясь своимъ упроченнымъ сословнымъ положеніемъ, начало дробиться въ средѣ своей на множество мелкихъ подраздѣленій и обществъ, на князей и высокихъ вассаловъ, на дворянъ и мелкихъ рыцарей. Города также развили у себя въ скоромъ времени цѣлую общественную лѣстницу, цѣлую массу корпорацій и ремесленныхъ цеховъ. Духовенство и ученое сословіе также не отставали отъ общаго стремленія и наводняли своими монашескими и рыцарскими орденами, своими учеными общинами и университетами всю западную Европу. Также раздроблены и спутаны были и отношенія простаго класса, земледѣльцевъ и крестьянъ.—И тутъ наблюдателя поражаетъ та-же многосложность и разнообразіе общественныхъ обязанностей и правъ, и то-же отсутствіе національно-индивидуальнаго, какъ и въ другихъ сословіяхъ. При такомъ положеніи дѣлъ не могло быть и рѣчи въ запад. Европѣ о сознаніи и проникновеніи чувства народности въ массы. Это чувство, это сознаніе могло зародиться только тамъ, гдѣ народъ долговременными опытами и страданіями, цѣлымъ рядомъ чуждыхъ посягательствъ и насилій, научился любить и уважать свою народность, и гдѣ вопросъ о ней связанъ былъ для него съ вопросомъ о жизни и смерти. Чешскій народъ, какъ мы уже сказали, и былъ такимъ народомъ, въ средѣ котораго неминуемо должно было развиться національное начало и подчинить себѣ остальныя отношенія и интересы. Сознательное провозглашеніе и осуществленіе этого начала относится безспорно къ болѣе позднѣйшей эпохѣ чешской исторіи, но первые зародыши и зачатки его, часто еще безсознательные, мы встрѣчаемъ уже въ древнѣйшей эпохѣ. Рано началъ угрожать враждебный нѣмецъ всему, что

было столь дорого чеху; уже въ давнюю пору велъ онъ противъ него борьбу не однимъ оружіемъ, но и другими болѣе опасными и дѣйствительными средствами. Нѣмецкій бытъ, съ своими привилегіями и аристократизмомъ, съ своимъ правомъ первородства, не могъ не прельщать тѣхъ изъ чеховъ, общественное положеніе и состояніе которыхъ хотя сколько-нибудь выдѣлялось изъ массы простаго и равноправнаго народа. Стремленіе къ достиженію правъ и привилегій нѣмецкаго аристократа рано сдѣлалось цѣлью всѣхъ желаній родовитыхъ и богатыхъ чеховъ. Но столь-же ранній, какъ и это противонародное стремленіе возникающей аристократіи, былъ и отпоръ, противопоставленный ему народною партіею. Въ миѳическомъ судѣ Любуши[1] высказались въ первой разъ, со всею рѣзкостью, голоса противниковъ и защитниковъ народности, и борьба, начатая тогда, не умолкаетъ уже съ тѣхъ поръ въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія. Въ исторіи возникновенія и развитія народнаго начала можно явственно различать два періода. Въ первомъ изъ этихъ періодовъ, гранью котораго можно поставить царствованіе Пшемысловца Оттокара II, народное чувство было уже сильно и дѣятельно въ массахъ, но еще не сознавалось, не возводилось въ политическій принципъ. Во второй періодъ, на первой планъ выступило сознательное проникновеніе и укрѣпленіе этого принципа, какъ въ передовыхъ людяхъ націи, такъ и въ самыхъ массахъ.

Несознанная невыясненная идея, скрытая еще въ оболочкѣ темнаго хотя и вѣрнаго чувства, можетъ привлекать уже подъ свое знамя много защитниковъ и приверженцевъ. Такъ было и

---

[1] Это знаменитое стихотвореніе имѣетъ весьма много изданій. Мы пользовались 11 стереотипнымъ изданіемъ Ганки, Rukopis Kralodvorský. Vydánie Wáceslava *Hanky*. Прага. 1853.

въ Чехіи. Еще передовые люди націи не сознавали всей опасности, грозившей народу отъ проникновенія въ среду его могучаго иноземнаго элемента; а уже народъ чуялъ и былъ на-сторожѣ.

Долговременная борьба съ жестокимъ и воинственнымъ врагомъ, борьба, бравшая свое начало еще изъ временъ сѣдой древности, разжигала въ массахъ постоянную антипатію и недовѣріе къ чужеземцу вообще и къ нѣмцу въ-особенности. Съ восторгомъ стекался народъ, по первому же призыву князей своихъ, по первому возгласу самоотверженнаго патріота, подобнаго мифическому Забою или Бенишу Германовичу [1], на защиту родной земли отъ исконнаго врага. Но въ этой вооруженной оппозиціи, въ этихъ взрывахъ народной энергіи и негодованія и не доставало именно того, что было всего нужнѣе для сопротивленія такой громадной и организованной силѣ, какою была сила нѣмецкая, не доставало системы и сознанія. Этимъ недостаткомъ и объясняется, почему, не смотря на постоянную антипатію народа, на его всегдашнюю готовность охранять свою политическую и общественную самостоятельность, нѣмецкій элементъ, въ продолженіи почти цѣлыхъ 4-хъ вѣковъ, пріобрѣталъ въ странѣ все больше и больше вліянія. Рѣдко одерживая рѣшительныя побѣды на полѣ битвы, нѣмцы тѣмъ не менѣе дѣйствовали съ успѣхомъ противъ чеховъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Они проникали въ Чехію то въ видѣ горожанъ и ремесленниковъ, то простыхъ работниковъ и рудокоповъ, селились въ ней повсюду, вносили въ нее свой языкъ, свой обычай и свое право. Успѣхомъ этимъ они были впрочемъ обязаны не столько самимъ се-

[1] Два героя пѣсень Краледворской рукописи. Существованіе одного изъ нихъ, Забоя, не можетъ быть доказано исторически. Бенишъ же Германовичъ совершенно историческое лице: подвигъ его относится къ первымъ годамъ Оттокара I.

бѣ и своей ловкости, сколько противонародной политикѣ послѣднихъ государей дома Пшемысловцевъ, политикѣ, стремившейся къ расширенію монархической власти, во чтобы то ни стало, и часто во вредъ и ущербъ своимъ прирожденнымъ подданнымъ, чехамъ. Чешскіе князья еще въ XI и XII вв. старались всѣми силами препятствовать возникновенію новой могущественной аристократіи, въ родѣ нѣмецкой. Безъ сомнѣнія, они находили при этомъ, особливо въ первое время, сочувствіе народныхъ массъ, и этимъ объясняется та легкость, съ которою, напримѣръ, Болеславъ Жестокій истребилъ почти всѣхъ знатныхъ людей своего королевства. Но эта оппозиція царствующаго дома возникновенію аристократіи была на долгое время парализована долгими смутами и усобицами, начавшимися между самими членами фамиліи Пшемысловцевъ и продолжавшимися почти весь XI и XII вѣка. Когда смуты эти прекратились и королевская власть снова начала укрѣпляться и сосредоточиваться въ рукахъ послѣднихъ энергическихъ Пшемысловцевъ; то нечего уже было и думать о подавленіи окончательно организовавшейся уже аристократіи прежними насильственными средствами. Надо было королямъ стараться ослабить ее другими путями и создать въ самой странѣ силу, которая съ успѣхомъ могла бы противостать ея вліянію. Но откуда-же было взять эту силу въ самой Чехіи? Древнее земское устройство, основавшееся на равноправности всѣхъ гражданъ и всегда упрочивавшее князю его вліяніе и силу, было уже давно подкопано самими королями и приходило къ полному упадку.

Древнее славянское право не знало никакихъ исключеній изъ-подъ общаго земскаго начала; никакихъ частныхъ юрисдикцій, никакихъ привилегій. Короли первые нарушили это право. Они начали вырывать изъ земскаго права цѣлые участки и раз-

давать ихъ, проникавшимъ тогда въ Чехію, монашескимъ орденамъ и вообще духовенству. Этимъ новымъ владѣльцамъ давали они не только право пользованія землею; но и свою собственную юрисдикцію, свободу отъ податей и другихъ земскихъ повинностей. Въ короткое время число такихъ привилегированныхъ владѣній возрасло необыкновенно. О громадности [1] ихъ можно судить по актамъ и дарственнымъ записямъ, не упуская притомъ изъ виду, что почти всѣ безчисленные монашескіе и рыцарскіе ордена, наводнявшіе западную Европу въ средніе вѣка, проникли также и въ Чехію и получили тамъ права и собственность. Трудно допустить, чтобы одна набожность побуждала чешскихъ князей къ основанію и богатому надѣлу монастырей и другихъ церковныхъ учрежденій. Но если ими при этомъ и руководило еще политическое соображеніе—создать и организовать преданную себѣ силу, то во всякомъ случаѣ этотъ разсчетъ оказался ложнымъ. Католическое духовенство всегда было и оставалось въ странѣ, принявшей и облагодѣтельствовавшей его, чѣмъ-то чуждымъ и самостоятельнымъ. Почувствовавъ свою силу, оно тотчасъ-же стало на собственныя ноги и заботилось гораздо болѣе объ интересахъ своего высшаго главы—папы и духовнаго сословія, нежели о преданности владѣльцу, о земскомъ благѣ. Эти отношенія не могли укрыться отъ зоркаго взгляда Премысла Оттокара I, стремившагося всю жизнь свою къ поднятію интересовъ своего дома и къ внѣшнему объединенію и возвеличенію своего государства. Какъ ни замѣчателенъ былъ Оттокаръ I во многихъ другихъ отношеніяхъ, но, съ точки зрѣнія поднятія и заступничества народнаго начала, онъ не можетъ заслуживать нашего со-

[1] Приблизительное исчисленіе всѣхъ чешскихъ монастырей можно найдти у *Палацкаго,* въ его исторіи.

чувствія. Это былъ человѣкъ, окончательно оторвавшійся отъ народнаго сознанія и родимой почвы, человѣкъ насквозь пропитанный феодальными западными понятіями. Мы и не думаемъ ставить ему этого въ вину; мы допускаемъ даже, что онъ стремился всѣми своими силами къ устройству и возвеличенію своего государства, но стремился, къ сожалѣнію, ложными, противонаціональными путями. Проведя, по несчастнымъ обстоятельствамъ, свою молодость вдалекѣ отъ родины, на нѣмецкой чужбинѣ, онъ присмотрѣлся и привыкъ къ нѣмецкому образу мысли и къ нѣмецкому складу жизни. По возвращеніи на родину, онъ не могъ удовлетвориться жалкими остатками національной организаціи, составлявшими не такъ давно стройное политическое и общественное цѣлое и потерялъ надежду возстановить съ помощію ихъ могущество и значеніе королевской власти.

Онъ отказался или не умѣлъ взяться за тяжелую работу обновленія и укрѣпленія этой народной организаціи, и предпочелъ возвысить королевскую власть другимъ, какъ казалось, болѣе легкимъ и успѣшнымъ путемъ. Время Оттокара было на западѣ, а особливо въ Германіи, временемъ всеобщаго возникновенія и распространенія городскихъ общинъ и ихъ правъ [1]. Уже по самой натурѣ вещей, города должны были явиться противовѣсомъ феодальной аристократіи, прибѣжищемъ промышленной и свободолюбивой части народонаселенія. Короли и великія князья, давно уже утратившіе власть свою надъ феодальными вассалами, не упустили случая ухватиться за городскія общины, какъ за послѣднее средство возвышенія и обновленія своей власти. Они

---

[1] Исторія развитія городскихъ общинъ обстоятельно и на основаніи подлинныхъ актовъ изложена у *Гюльмана*, Städtewesen des Mittelalters. 4 B.

начали покровительствовать старымъ городамъ, увеличивать ихъ права и вольности, основывать новыя общины и надѣлять ихъ широкими привилегіями.

Вскорѣ по всей Германіи рядомъ съ имперскими городами, получившими свои привилегіи отъ самого императора, появилось не меньшее количество княжескихъ и епископскихъ городовъ. Между этими общинами и ихъ свѣтскими и духовными покровителями появилась вскорѣ самая тѣсная связь и полнѣйшая солидарность интересовъ. Имѣя одного общаго врага — феодальную аристократію, и одинъ главный интересъ — поддержаніе порядка и благоустройства въ странѣ, монархическое и общинное начало въ зап. Европѣ надолго осталось въ союзѣ и дружбѣ между собою, и только совершенное измѣненіе обстоятельствъ и исчезновеніе общаго врага прервали наконецъ ихъ долговременную связь. Вотъ эти-то отношенія имѣлъ передъ глазами своими Оттокаръ I, когда онъ помышлялъ объ утвержденіи и возвышеніи королевской власти въ Чехіи. Весьма естественно было ему ухватиться при этомъ за городское начало, позаботиться прежде всего объ основаніи городскаго класса въ Чехіи и на немъ опереть свою власть и свой авторитетъ. Но откуда было взять жителей для новыхъ городовъ, какими правами и вольностями слѣдовало надѣлить ихъ? Чехи, какъ и всѣ славяне, не любили и не знали городской жизни. Народъ въ высшей степени свободолюбивый и не терпящій принужденія, склонный въ то-же время къ мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ, они естественно избѣгали тѣсныхъ, душныхъ городовъ и, по примѣру предковъ, вели разсѣянную, одиночную жизнь. У нихъ были, правда, города, но они служили только мѣстомъ судебной и торговой сходки въ мирное, убѣжищемъ и защитою въ военное время.

Въ противоположность этимъ укрѣпленнымъ городамъ или

замкамъ (hrad), у Чеховъ появились въ послѣдствіи и другія многолюдныя поселенія или мѣстечка, но эти чешскія mėsta были далеки отъ того, что называлось на западѣ городомъ (civitas, Stadt). Это были просто большія населенныя мѣстечка, средоточія возникающей торговли и промышленности; но отнюдь не политическія и гражданскія общины, съ особымъ правомъ и извѣстнаго рода самоуправленіемъ. Внимательное изученіе склонностей и характера своего народа должно было съ-разу показать королю трудность его предпріятія, создать въ Чехіи сильный и хорошо организованный городовой классъ населенія. Ему предстоялъ выборъ между тремя различными дорогами: или стараться заохотить и пріучить чеховъ къ новой жизни, или же вовсе отказаться отъ своей мысли и стараться поднять королевскую власть иными средствами, и прежде всего—возстановленіемъ по возможности стариннаго земскаго строя, или же, наконецъ, обратиться къ сосѣдямъ нѣмцамъ и у нихъ искать средствъ и людей для выполненія желаннаго плана.

Второй путь былъ бы наиболѣе законенъ и сходенъ съ народными привычками и нравами; но онъ слишкомъ противорѣчилъ всему ходу вещей и всѣмъ требованіямъ времени въ тогдашней Европѣ, въ среду которой втиснута была и Чехія. Первый былъ, можетъ быть, самымъ и продолжительнымъ и невѣрнымъ, но въ случаѣ удачи предвѣщалъ богатый плодъ и истинно національное развитіе. Наконецъ, третій былъ самымъ легкимъ и скорымъ навидъ, но пагубнымъ и противонароднымъ, по самой сущности дѣла. Король Оттокаръ I не долго задумывался надъ роковымъ выборомъ: онъ пошелъ по послѣдней дорогѣ, и тѣмъ посѣялъ въ странѣ своей сѣмена вѣковаго раздора и вражды.

Первыя нѣмецкія поселенія въ странѣ относятся къ 1203 г.,

слѣдовательно къ первымъ годамъ царствованія Оттокара I [1]. Поселенія эти не могли быть случайною прихотью чешскаго властителя, а ясно указываютъ намъ на то, съ какою ревностью взялся онъ немедленно, по вступленіи на престолъ, за исполненіе своего любимаго плана. Поселенія эти сначала были, разумѣется, крайне незначительны и походили на острова нѣмецкаго права и языка, посреди моря чешской народности. Они сосредоточивались главнымъ образомъ въ лютомышльскомъ округѣ, гдѣ городъ Лютомышль былъ первымъ, получившимъ магдебургское городское право; вслѣдъ за тѣмъ они распространились въ хебскомъ (Эгеръ), и затечкомъ округахъ. Нѣмцы, поселившіеся здѣсь, были по преимуществу выходцы изъ западной и нижней Германіи, и покинули свою родину, для дальней Чехіи, только подъ условіемъ полнаго охраненія и утвержденія всѣхъ своихъ правъ, привилегій и вольностей. Вскорѣ открылось, какимъ обоюдоострымъ оружіемъ воспользовался король для своихъ цѣлей. Города и нѣмецкія поселенія должны ему были служить орудіемъ противъ могущественной аристократіи; но аристократія не упустила случая воспользоваться тѣмъ-же орудіемъ для утвержденія своей силы и вліянія. Многіе чешскіе паны, слѣдуя примѣру своего короля, начали также призывать въ свои владѣнія колонистовъ-нѣмцевъ и надѣлять ихъ собственностью и привилегіями. Еще не могло вполнѣ обнаружиться вліяніе новыхъ колонистовъ и ихъ иноземнаго права, какъ уже скончался король Оттокаръ I и на престолъ вступилъ сынъ его Вячеславъ I (1237). Перемѣна правителя впрочемъ не измѣнила характера и направленія правительства. Съ настойчивостью преслѣдовалъ Вячеславъ стремленія своего отца, и даже превосходилъ его во многихъ отно-

---

[1] См. *Палацкаго*, Geschichte von Boehmen. T. 2, стр. 93.

шеніяхъ. Связь, начавшаяся съ Германіею при отцѣ его, сдѣлалась теперь еще тѣснѣе. Ни одно право, ни одно политическое и гражданское устройство заимствовались теперь отъ нѣмцевъ, а ихъ нравы, ихъ языкъ, ихъ обычаи. Королевскій дворъ принялъ теперь пышныя, незнакомыя до тѣхъ поръ простому славянскому міру, формы нѣмецкой придворной жизни. Король и его окружающіе усвоивали себѣ нѣмецкій языкъ и нѣмецкую поэзію миннезингеровъ. Между тѣмъ приливъ въ страну иноземцевъ не прекращался. Король основывалъ, то и дѣло, монастыри и институты для новыхъ монашескихъ орденовъ и наполнялъ ихъ нѣмцами; нѣмецкіе ремесленники, рудокопы и горожане толпами шли въ страну, по его призыву. Эти противународныя стремленія правительства не оставались безъ подражанія и со стороны аристократіи, пановъ. Любовь къ нѣмецкому языку и нравамъ начала распространяться въ средѣ ихъ все болѣе и болѣе. Отказавшись отъ своихъ древнихъ славянскихъ именъ, бывшихъ личными, они начали прилагать себѣ теперь наслѣдственныя фамиліи и называться по своимъ замкамъ. Послѣ татарскаго нашествія, этихъ замковъ появилось въ Чехіи огромное количество. Они строились теперь, по примѣру нѣмцевъ и подъ руководствомъ нѣмецкихъ строителей, на скалахъ и вершинахъ горъ, вообще на мѣстахъ неприступныхъ. Имъ придавались модныя названія—Штернбергъ, Лёвенбергъ, Розенбергъ и т. п., и вскорѣ, дѣйствительно, ихъ владѣльцы изъ чешскихъ пановъ, бывшихъ не болѣе какъ первыми между равными, сдѣлались полнымъ подобіемъ нѣмецкихъ феодаловъ. Чешскіе паны не остановились на усвоеніи одного имени и внѣшности нѣмецкихъ феодаловъ, они вскорѣ приняли и всѣ другія ихъ особенности и проникнулись вполнѣ ихъ духомъ. Со всею страстностью восприимчивой славянской натуры ухватились они за рыцарство съ его пышными турнира-

ми, вялою романтическою любовью, водянистою поэзіею и страстью къ сумазброднымъ похожденіямъ. Не успѣлъ еще королевскій любимецъ Огеръ познакомить дворянство съ турнирами и другими рыцарскими потѣхами [1], какъ уже вся чешская аристократическая молодежь въ-запуски начала гоняться за этимъ новымъ удовольствіемъ. Прошло немного времени и чешскіе рыцари могли уже соперничать не только въ этомъ отношеніи, но даже и въ томъ, что составляло высшее призваніе рыцаря — въ любви и обожаніи дамъ, съ мастерами этого дѣла французами. Не довольствуясь исканіемъ приключеній и подвигами на турнирахъ въ своей собственной землѣ и сосѣдней Германіи, они вскорѣ начали появляться и въ отдаленной Франціи, въ самомъ Парижѣ и другихъ мѣстахъ и удивлять всѣхъ иностранцевъ своею ловкостью и безукоризненностью своего рыцарскаго поведенія. На дѣйствительную войну эти рыцари начали являться также со всею пышностью западнаго феодала. Въ этомъ отношеніи они даже далеко оставили за собою учителей своихъ, нѣмцевъ. Великолѣпному убранству ихъ позлащенныхъ панцырей и шлемовъ, шелковыхъ чапраковъ ихъ лошадей, съ гербами, вышитыми жемчугомъ, не могли не дивиться иноземцы. Къ сожалѣнію, съ этою внѣшностью очень часто не совсѣмъ согласовалось внутреннее достоинство. Далимилъ, извѣстный патріотъ чешскій временъ Яна люксенбургскаго, съ которымъ мы будемъ встрѣчаться не разъ въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи, не находитъ словъ

[1] *Далимилъ*, чешскій хронистъ XIV в., временъ короля Яна; онъ написалъ исторію Чехіи, по тогдашнему обычаю, риемованными стихами. См. изданіе *Ганки*, въ Прагѣ, 1853 г., стран. 168. Вотъ какъ говорится тутъ о введеніи въ Чехію турнировъ: Oger klanie do Čech přinese, Tiem chůdobu v zemiu vnese; Jechu se v turnej jesditi, a neužitečne stravy činiti. . . .

въ порицаніи и обличеніи этихъ рыцарей [1]. Онъ упрекаетъ ихъ въ ихъ роскошной, развратной жизни, въ безплодной тратѣ времени охотою и увеселеніями, тогда какъ предки посвящали его на благоразумные совѣты о благѣ страны, на судъ и защиту невинно-гонимыхъ. Чешскіе паны не только утратили отъ пышной и развратной жизни тѣлеспое и нравственное здоровье, но даже сдѣлались нерадивы и безпечны къ своему главному дѣлу, защитѣ родной страны. Въ три дня собиралось прежде чешское войско и готово было выступить противъ врага; теперь потребно было цѣлой четверти года, чтобы поднять его на ноги.

Онѣмеченіе высшихъ классовъ и правительства, наплывъ въ страну чуждаго нѣмецкаго городоваго элемента, начавшіеся съ такимъ успѣхомъ при Оттокарѣ I и Вячеславѣ I, продолжались еще съ большею силою и при ихъ великомъ преемникѣ Пшемыслѣ II. При немъ иноземщина достигла въ Чехіи крайней точки своего развитія, при немъ чешская земля сложилась и организовалась окончательно въ форму западно-европейскаго феодальнаго государства, со всѣми его принадлежностями, высокими вассалами и баронами, городовыми общинами и духовными иммунитетами, внѣшнимъ лоскомъ и бѣдностью содержанія.

Король Оттокаръ II самъ считалъ цѣлью своей жизни окончательный подрывъ жупнаго устройства и утвержденіе организаціи государства на новыхъ нѣмецкихъ началахъ. То и другое одинаково должны были повлечь за собою паденіе аристократіи и утвержденіе королевскаго авторитета. Древне жупное устройство,

---

[1] *Далимилъ.* 159 ст. Cesie na rozkos se dachu, O dobrem jmeni ne tbachu I jechu se stari týti, Mládi s ohari honiti; Slechtici sé toho přijechu, jezto holoty jemechu. А потомъ далѣе: Dzieve ve trech dnech (na vojnu) vstanechu Tehdy před čtvertiu lèta Zapovedechu, Tiem dobreho jimene zbychu.

въ теченіи времени, подъ вліяніемъ нѣмцевъ и аристократіи, почти вовсе утратило свой исконный славянскій характеръ. Жупаны превратились мало-по-малу изъ правителей и судей, поставляемыхъ самимъ народомъ, сначала въ правительственныхъ чиновниковъ, а потомъ, съ усиленіемъ феодальныхъ отношеній, почти въ независимыхъ бароновъ, носившихъ нѣмецкій титулъ бургграфовъ. Оттокаръ II понялъ опасность этихъ жупановъ для королевской власти и рѣшился парализовать ихъ вліяніе двумя способами. Во-первыхъ, онъ раздробилъ всѣ прежнія большія жупы на множество мелкихъ и поставилъ въ нихъ независимыхъ бургграфовъ; во-вторыхъ, освободилъ города отъ власти жупановъ, далъ имъ собственную юрисдикцію и самоуправленіе и право посылать своихъ выборныхъ на сеймъ. Что касается до самыхъ городовъ, то Оттокаръ II, по справедливости, считается если не основателемъ, то распространителемъ и покровителемъ ихъ въ чешской странѣ. То, что предпринимаемо было Оттокаромъ I и Вячеславомъ I только по частямъ и какъ-бы случайно, было задумано и приведено имъ въ исполненіе въ огромномъ масштабѣ и по заранѣе обдуманному плану.

Цѣлые участки земли отводились, по приказанію короля, на постройку новыхъ городовъ. Участки эти отдавались частнымъ предпринимателямъ; а тѣ уже вызывали и селили на нихъ колонистовъ. Въ короткое время не только эти новые, но даже и всѣ старые чешскіе города наполнились пришлецами-нѣмцами, и повсюду водворились вмѣстѣ съ магдебургскимъ городовымъ правомъ—нѣмецкій языкъ, нѣмецкія имена и права. Но король Оттокаръ не ограничивался одною организаціею городоваго быта: онъ вскорѣ началъ селить нѣмцевъ и въ остальной странѣ. Цѣлыми массами призывалъ онъ новыхъ колонистовъ въ страну. Однихъ онъ употреблялъ на горное, рудокопное дѣло, и образовалъ

изъ нихъ цѣлыя общины, какъ напримѣръ Кутную гору, названную нѣмцами Кутенбергъ, другихъ же селилъ въ огромномъ количествѣ по деревнямъ и селамъ. Эти послѣднія нѣмецкія селенія также получили отъ короля значительныя права и привилегіи. Въ противуположность чешскому крестьянину, нанимавшему свою землю у помѣщика и платившему за нее опредѣленный оброкъ, нѣмецкіе крестьяне получили свои земли въ собственность и могли продавать ихъ, кому хотѣли. Далѣе, они имѣли своихъ собственныхъ старостъ или Schulzen, съ правомъ низшей юрисдикціи, были избавлены отъ земскихъ повинностей и круговой поруки, такъ стѣснявшихъ остальныхъ жителей края, и въ уголовномъ отношеніи подлежали суду магистратовъ сосѣднихъ городовъ.

Короля Оттокара нельзя обвинять въ излишней любви къ нѣмцамъ и въ презрѣніи къ своей народности. Его стремленія вытекали болѣе изъ политическихъ, нежели національныхъ побужденій; имъ руководило не желаніе онѣмечить Чехію, а создать твердо организованное государство, съ сильною королевскою властью и преданнымъ городскимъ сословіемъ. Правда, путь, выбранный имъ для этого, грозилъ гибелью чешской народности, но его можетъ оправдывать то, что не онъ первый вступилъ на него и что, какъ единичный человѣкъ, онъ не могъ избѣжать общаго противо-народнаго направленія и духа своего вѣка.

Смертью Оттокара II, послѣдняго изъ Пшемысловцевъ, кончается періодъ безпомощнаго и страдательнаго состоянія чешской народности, ея безсознательнаго сопротивленія напору нѣмецкой стихіи, и начинается, если не сознательная народная оппозиція, то по крайней-мѣрѣ переходъ и подготовка къ ней. Неслыханныя бѣдствія обратились на Чехію вмѣстѣ съ гибелью могучаго ея короля. Правительство ея сдѣлалось теперь чисто иноземнымъ, нѣмецкимъ, страшная анархія и междоусобная война раздирали

страну; опустошительныя вторженія нѣмцевъ, приходившихъ то подъ видомъ враговъ, то друзей, не давали ей покоя извнѣ, страшный голодъ и повальныя болѣзни довершали бѣдствіе. Такое безвыходное положеніе дѣлъ должно было наконецъ раскрыть глаза народу. Сами паны рядомъ тяжелыхъ опытовъ убѣдились, къ чему привело ихъ противонародное стремленіе и какой разладъ внесенъ былъ въ страну подавленіемъ народнаго элемента и поднятіемъ на его счетъ чуждаго нѣмецкаго начала. Какъ бы то ни было, но именно въ это самое время, въ малолѣтство короля Вячеслава II и еще болѣе въ послѣдующихъ годахъ его управленія, начинаютъ обнаруживаться первые хотя и слабые признаки оппозиціи. Оппозиція эта, по странному, хотя и естественному ходу вещей, проявилась изъ среды дворянства, того класса, который болѣе всѣхъ другихъ стремился прежде къ онѣмеченію Чехіи. Тутъ-то именно и открылась ясно вся ошибочность политики послѣднихъ Пшемысловцевъ, обнаружилась вся непрочность государственнаго организма, воздвигнутаго ими. Стремясь къ униженію аристократіи, они жестоко ошиблись въ выборѣ средствъ къ достиженію своей цѣли. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться противонародными стремленіями пановъ, стать на сторону народнаго дѣла, пытаться всѣми силами поддержать въ странѣ падающій народный бытъ и привлечь такимъ образомъ на свою сторону громадное большинство націи; они ухватились за ложную мысль — подавить туземную, хотя и онѣмеченную аристократію введеніемъ въ страну враждебнаго нѣмецкаго элемента, созданіемъ чуждаго народному духу городоваго быта. Король Оттокаръ II подъ конецъ жизни началъ пожинать горькіе плоды своей ошибки. Онъ увидѣлъ, какъ ловко начала аристократія перемѣнять свою позицію, какъ изъ противника народнаго интереса она вдругъ прикинулась его защитникомъ и какъ

на его голову обрушилась вся отвѣтственность за введеніе въ страну нѣмцевъ и за покровительство имъ. Всѣ интриги и измѣнническій образъ дѣйствій аристократіи, направленные къ погибели короля, имѣли успѣхъ лишь потому, что постоянно прикрывались заступничествомъ земскихъ интересовъ и національною оппозиціею. При поверхностномъ взглядѣ на исторію правленія Оттокара II, мы почти ничего не слышимъ о самомъ чешскомъ народѣ, о его желаніяхъ и стремленіяхъ. На первомъ планѣ стоятъ и дѣйствуютъ король и высшія сословія. За ихъ интересами и борьбою, за пышною феодальною обстановкою и за стремленіями новыхъ нѣмецкихъ горожанъ, мы, на первый разъ, не замѣчаемъ даже и присутствія самаго народа. Народъ этотъ казался тогда близкимъ къ полному паденію и исчезновенію; но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ силенъ и живучъ, и если еще и не высказывался, то лишь по недостатку сознанія. Сила его была велика, и паны не обманулись, подобно королю Оттокару, на-счетъ этой силы; они поняли хорошо, что побѣда не возможна безъ содѣйствія массъ, и что одного имени не достаточно для пораженія противника. Начавъ дѣйствовать еще при Оттокарѣ въ пользу и во имя народности, они еще съ большею энергіею выступили съ тѣмъ-же характеромъ въ смутахъ, начавшихся послѣ его смерти. Мы вовсе не станемъ доказывать, чтобы аристократія дѣйствительно боролась за права народа. Она не дѣлаетъ и не дѣлала этого и въ Чехіи. Но прикрываться народнымъ знаменемъ, отстаивать подъ видомъ народности свои собственныя привилегіи, отъ этого аристократія никогда и нигдѣ не прочь. И чешскіе аристократы въ смутное время правленія Оттона, маркграфа бранденбургскаго, опекуна малолѣтняго Вячеслава II, заговорили объ интересахъ земли и народности, объ невыносимыхъ притязаніяхъ иноземцевъ, наводнившихъ Чехію, объ упадкѣ старин-

наго мирнаго устройства. Правда, дѣйствія ихъ весьма часто не согласовались съ словами, правда, подъ землею и народностью понимали они прежде всего самихъ себя, и въ возстановленіи жупъ видѣли богатый источникъ вліянія и силы; но тѣмъ не менѣе у нихъ не было недостатка въ звучныхъ словахъ и фразахъ, всегда льстящихъ народному уху, и въ непримиримой ненависти противъ общаго народнаго врага, нѣмцевъ. Эта ненависть не должна намъ казаться странною непослѣдовательностью аристократіи; она ни чуть не находится въ противорѣчіи съ ея прежними нѣмецко-рыцарскими замашками и склонностями. Дѣло въ томъ, что эти склонности, при всѣхъ усиліяхъ чешскихъ пановъ—казаться истинными феодалами, все-таки оставались пока внѣшностью. Употребленіе нѣмецкаго языка, одежды и обычаевъ не могло еще съ разу задушить въ нихъ исконной славянской натуры; она часто прорывалась сквозь иноземную кору, и слова— „врагъ и нѣмецъ", по прежнему, оставались синонимами даже и у чешской знати. Можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ, аристократія и скорѣе бы переродилась въ нѣмцевъ, но мы уже видѣли, какъ собственные интересы побудили ее снова ухватиться за отброшенную уже народность. Аристократамъ естественно было видѣть въ нѣмцахъ главныхъ враговъ своихъ. Они, при королѣ Оттокарѣ, своимъ городовымъ бытомъ болѣе всего содѣйствовали упадку жупнаго устройства, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и ихъ вліянія въ странѣ. Нѣмцы же получили право участвовать въ сеймахъ, находившихся до того почти исключительно въ рукахъ пановъ. Если и не всѣ бароны были проникнуты подобными чувствами, то по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, а нѣкоторые дошли въ своей ненависти къ нѣмцамъ даже до фанатизма. И эти-то люди въ-особенности обратили на себя вниманіе народа и пріобрѣли величайшую популярность. Не то, чѣмъ

же другимъ, какъ не этою національною популярностью, можно объяснить то обаяніе, которое производили на современниковъ люди, подобные рыцарю Завишѣ изъ Розенберга [1]. Безспорно, замѣчательныя качества этого человѣка, его военный и правительственный талантъ, безукоризненная рыцарская ловкость и поэтическое дарованіе, могли ему пріобрѣсть любовь его королевы, уваженіе двора и высшихъ сословій. Извѣстность и расположеніе народа онъ пріобрѣлъ лишь своею заклятою ненавистью къ исконнымъ врагамъ чешскаго имени, нѣмцамъ. Ненависть эта побуждала его бороться до послѣдней минуты то съ королемъ Оттокаромъ, слывшимъ покровителемъ нѣмцевъ, то съ маркграфомъ бранденбургскимъ, то съ вліяніемъ могущественнаго Рудольфа, короля римскаго; эта же ненависть привела его и къ жестокому тюремному заключенію и къ позорной смерти на висѣлицѣ. Не менѣе популярности пріобрѣлъ въ то-же время другой чешскій баронъ, Гинекъ изъ Дубы [2]. Грозою своего имени онъ наводилъ ужасъ на нѣмцевъ. На полѣ битвы онъ былъ непобѣдимъ, и могучая рука его не знала другихъ враговъ, кромѣ ихъ.

---

[1] Объ этой личности смотри у *Палацкаго*. Многое можно также почерпнуть изъ хроники *Далимила*.

[2] Хроника *Далимила*, 184 ст. Hynek slovutny rytier Rojensky, čuzozemce velmi mnoh șbiche tak rany davaše ot razóv jak hrom hricmaše, mlatem helmy jich kovaše, z nich svetly ohen prchaše; vzdy bez přestanie křičeše «vrtnete se na ne spieše Hrdinstvem (jeho) zvitezovachu, jemu vsickni chvalu vzdavachu; pak kde še s Čechy potkachu, hned mezi sobu vztazachu: ‹Viditeli z Dube Hynka›. Proti jeho razóm naši helmi jusu jako dynka». A jakž jej brzo uzrechu, Tak se na beh otdadéchu: Tak se ho Némci bojechu, az jej Berunskym Détřichem zovèchu. Baby České se smejechu, neb kdez je koli uzrechu, Hynkem Dubským je strašichu, vsikni se na beh otdachu.

Уже въ XIV в. въ хроникѣ Далимила онъ представляется какимъ-то фантастическимъ баснословнымъ героемъ. Панцыри и шлемы непріятельскіе разсыпаются подъ его ударами, нѣмцы зовутъ его Дитрихомъ изъ Берна, чешскія женщины пугаютъ ихъ однимъ его именемъ.

Въ такихъ явленіяхъ выразилась оппозиція чешской аристократіи чуждому нѣмецкому элементу въ малолѣтство короля Вячеслава; она не прекратилась съ вступленіемъ его на престолъ и съ прекращеніемъ междоусобной войны, а только приняла другія формы и высказалась въ другихъ отношеніяхъ жизни. Не довольствуясь выраженіемъ своего неудовольствія на нѣмецкихъ любимцевъ короля, національная партія вскорѣ оказала явное сопротивленіе въ другихъ несравненно важнѣйшихъ вопросахъ. На сеймѣ 1294 г., король Вячеславъ II предложилъ собравшимся чешскимъ сословіямъ два въ высшей степени важныхъ проэкта новыхъ учрежденій. Первый изъ нихъ былъ — устройство въ Прагѣ университета, второй — изданіе законодательнаго кодекса. То и другое предложеніе было встрѣчено національною партіею съ большимъ недовѣріемъ. Новыя учрежденія, по ея мнѣнію, должны были только усилить перевѣсъ иностранцевъ въ странѣ и повредить народному интересу. Мнѣніе не совсѣмъ невѣрное, если мы только сообразимъ самую сущность дѣла. Для составленія новаго кодекса, король, по совѣту одного кардинала, пригласилъ въ Прагу ученаго итальянца, доктора Гозія Urbevitanus [1].

Уже одно это приглашеніе ручалось за духъ и содержаніе новаго кодекса. Имъ предполагалось, ни болѣе, ни менѣе, какъ полная отмѣна національнаго права и введеніе въ судоустройство и

[1] Смотри *Палацкаго*, Geschichte von Boehmen. T. 2.

судопроизводство чуждыхъ, непонятныхъ народу римскихъ юридическихъ формъ и отношеній. Чешскія сословія съ полнымъ сознаніемъ вреда, могущаго произойдти отъ подобнаго неестественнаго нововведенія, воспротивились ему всѣми силами и отклонили проэктъ. То-же сдѣлали они и со вторымъ предложеніемъ относительно университета [1]. Университетъ этотъ, по плану короля, долженъ былъ быть устроенъ по подобію парижскаго, то есть съ раздѣленіемъ на четыре націи и съ преобладаніемъ богословскаго факультета надъ всѣми остальными. При такомъ устройствѣ, новое учрежденіе неизбѣжно должно было попасть въ руки духовенства и иностранцевъ, а этого и не хотѣла допустить чешская народная партія. Духовенство давно уже и безъ того завладѣло въ Чехіи не только обширною поземельною собственностью, но и множествомъ правъ и привилегій: увеличивать эти права и это богатство чехи были нерасположены. Недовольные распространеніемъ въ странѣ иноземныхъ корпорацій и общинъ и преобладаніемъ нѣмцевъ въ городахъ, они не хотѣли учреждать еще новую привилегированную общину для иностранцевъ, какими были всѣ тогдашніе университеты, и настойчиво воспротивились и другому проэкту. Мы не имѣемъ никакого права, даже съ нашей точки зрѣнія, порицать этотъ послѣдній поступокъ національной партіи и говорить, что этимъ она хотѣла препятствовать распространенію просвѣщенія и научнаго образованія въ странѣ. Не наукѣ и праву противилась она, а только той противонародной формѣ, въ которой хотѣли навязать ей и науку и право. Въ римскомъ правѣ и университетѣ врядъ-ли нуждалась тогда Чехія, и не безъ основанія выражали сословія ко-

---

[1] См. *Томка* исторію пражскаго университета, сочиненіе, основанное на подлинныхъ актахъ и документахъ.

ролю, что прежде, нежели браться за такія дѣла, слѣдовало бы подумать объ утвержденіи порядка и прочнаго мира въ странѣ.

Какъ бы то ни было, но національная партія, при этомъ случаѣ, достаточно выразила свою силу. Съ тѣхъ поръ она не вымирала уже болѣе въ чешскомъ народѣ, и, постепенно усиливаясь, дѣлалась изъ аристократической уже чисто народною. Вліяніе ея замѣтно и въ смутахъ, происшедшихъ по смерти Вячеслава III, въ 1306 г., но въ это время она удерживаетъ еще свой аристократическій характеръ. Австрійскіе герцоги, ближайшіе сосѣди, а слѣдовательно и враги чеховъ, никогда не пользовались расположеніемъ этихъ послѣднихъ.

Понятно поэтому то ожесточеніе, съ которымъ возстала на сеймѣ 1306 г. значительная часть дворянства противъ избранія королемъ сына короля Альбрехта, Рудольфа. Правда, на этотъ разъ попытка ея не удалась, но съ новою и большею силою поднялась она послѣ скорой смерти Рудольфа, противъ притязаній его отца и братьевъ.

Генрихъ, герцогъ хорутанскій (каринтійскій), имѣвшій также право на чешскую корону, сдѣлался теперь средоточіемъ всѣхъ противниковъ Габсбурговъ, и въ короткое время, благодаря энергической поддержкѣ народной партіи, пріобрѣлъ рѣшительный перевѣсъ въ странѣ. Но безхарактерность и слабость Генриха вскорѣ снова измѣнила положеніе партій въ Чехіи. Въ этихъ смутахъ выразилось впервые вліяніе городскихъ общинъ, состоявшихъ преимущественно изъ нѣмцевъ [2]. Въ борьбѣ партій, они, естественно, стремились прежде всего къ охраненію и

---

[2] Объ этомъ и вообще о смутахъ этого времени см. прекрасную статью *Томка,* помѣщенную въ журналѣ чешскаго музея: Pražane za Jindřicha korutanského, за 1843 г., 3 книга.

увеличенію своихъ правъ и привилегій. Въ этихъ стремленіи согласно были все населенія городовъ, и преимущественно Праги, какъ нѣмцы такъ и чехи. Соединенная сила городскихъ общинъ въ Чехіи была въ то время такъ велика, что онѣ могли отважиться на отчаянную попытку—захватить въ плѣнъ всѣхъ вождей аристократической партіи и тѣмъ самымъ принудить ее къ уступкамъ. Но какъ-только попытка эта удалась, то тотчасъ-же и обнаружилось раздвоеніе между горожанами—нѣмцами и чехами. Первые, не довольствуясь своимъ успѣхомъ и мирными предложеніями запуганныхъ пановъ, требовали немедленной казни плѣнниковъ; вторые не хотѣли идти такъ далеко и запятнать руки кровью своихъ соотечественниковъ. Чувство народности было уже въ нихъ такъ сильно, что они рѣшились пожертвовать выгодами своего отдѣльнаго сословія и примириться съ панами. Обѣ партіи долго боролись еще послѣ этого въ самой Прагѣ, но соединенной силѣ чешскихъ пановъ и горожанъ нашлись вскорѣ вынужденными уступить и нѣмцы и король Генрихъ, склонявшійся все болѣе и болѣе на ихъ сторону. Послѣ такой измѣны народному дѣлу, тщетны были всѣ дальнѣйшія попытки каринтійца удержаться на чешскомъ тронѣ. Союзъ съ маркграфомъ мейссенскимъ и другими нѣмецкими владѣтелями, призывъ въ страну новыхъ шаекъ нѣмецкихъ наемниковъ—раздражали только сильнѣе народонаселеніе и повели къ окончательному изгнанію не-

Новый король съ самаго начала не скрывалъ своего нерасположенія къ чехамъ и смотрѣлъ на свое королевство, какъ на источникъ хорошихъ доходовъ.

Страстный любитель войны, турнировъ и рыцарскихъ похожденій, онъ рѣдко показывался въ Чехіи. Его непостоянство, охота къ скитательству и страсть вмѣшиваться въ чужія дѣла вошли въ пословицу. Онъ появлялся то на Рейнѣ, то въ другой какой-нибудь сторонѣ Германіи, то въ Парижѣ и Франціи, то въ отдаленной Ломбардіи, то въ Польшѣ и Литвѣ. Безъ него не дѣлалось ничего въ цѣлой Европѣ. Ни одинъ турниръ, ни одна война не обходились безъ его участія. Онъ принималъ дѣятельное участіе и въ войнѣ Людвига баварскаго и Фридриха австрійскаго за нѣмецкую корону, и въ спорахъ мелкихъ князей съ епископами и городами на Рейнѣ, и въ борьбѣ Гфельфовъ и Гибеллиновъ въ Италіи [1], и въ походѣ нѣмецкихъ рыцарей на литовскихъ язычниковъ. Всюду являлся онъ блистательнымъ рыцаремъ и щедрымъ королемъ, вездѣ сыпалъ онъ вокругъ себя чешскими деньгами. Въ Чехію являлся онъ только для сбора податей и не брезгалъ никакими средствами для добыванія денегъ, нужныхъ ему для удовлетворенія его роскоши и уплаты громадныхъ долговъ. Его свита состояла исключительно изъ нѣмцевъ; ими наполнялъ онъ свою боевую дружину, имъ-же ввѣрялъ лучшія и доходнѣйшія мѣста въ управленіи. Нелюбовь его къ чехамъ доходила до того, что въ народѣ ходили слухи о намѣреніи Яна истребить всѣхъ природныхъ жителей страны и заселить ее нѣмцами. Подобное сумазбродство, разумѣется, не могло прійдти въ голову королю, хотя онъ и не прочь былъ промѣнять свою Чехію на болѣе сподручное ему нѣмецкое

---

[1] Объ этомъ см. *Leo*, Geschichte von Italien, Томъ 3, отдѣлъ 2.

княжество и съ этою цѣлью дѣлать даже формальное предложеніе Людвигу баварскому.

Такой образъ мыслей и такіе поступки вскорѣ ожесточили противъ короля не только дворянство и народъ, но даже и его собственную жену, Елисавету, послѣднюю отрасль Пшемысловцевъ. Въ странѣ вспыхнула открытая междоусобная война, и Янъ вскорѣ увидѣлъ себя въ необходимости сдѣлать уступку справедливымъ народнымъ требованіямъ. Онъ обязался не требовать болѣе излишнихъ и чрезвычайныхъ податей, не раздавать правительственныхъ должностей нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ, и назначать, на время своего отсутствія, намѣстникомъ природнаго чешскаго пана, а не майнцскаго епископа и другихъ нѣмецкихъ князей, какъ дѣлалъ онъ это прежде. Не въ однихъ, впрочемъ, этихъ, чисто государственныхъ событіяхъ выразилась, со времени короля Яна, возникающая оппозиція чешскаго народнаго духа нѣмецкому началу. Для этой оппозиціи настало теперь время сознанія и внутренняго дѣйствія, какъ на умы отдѣльныхъ патріотическихъ дѣятелей, такъ и на цѣлую массу народа. Любовь къ народности и желаніе поддержать ее всѣми силами, ненависть къ нѣмцамъ и ихъ притязаніямъ не оставались теперь болѣе однимъ темнымъ чувствомъ, безсознательнымъ инстинктомъ. Въ умѣ передовыхъ людей націи эти чувства начали возводиться теперь въ политическій принципъ; они сдѣлались мало-по-малу главнымъ мѣриломъ общественной оцѣнки для дѣятелей, они-же начали выражаться теперь въ письменномъ словѣ, въ хроникахъ и лѣтописяхъ чешскаго народа. На такой путь вступилъ прежде всѣхъ другихъ извѣстный чешскій хронистъ Далимилъ. Жизнь этого замѣчательнаго человѣка относится къ времени между 1280 и 1324 год.[1], на сколько по-

[1] *Объ этомъ* смотри предисловіе къ изданію хроники *Ганкою.*

крайней мѣрѣ можно это видѣть изъ его собственной хроники, такъ-какъ другихъ извѣстій о немъ не сохранилось. Что Далимилъ принадлежалъ къ рыцарскому сословію, можно сказать почти съ достовѣрностью. Вся его хроника написана риѳмованными стихами; вниманіе въ ней постоянно сосредоточено на дворянствѣ и его интересахъ. Авторъ обнаруживаетъ постоянно самое полное знаніе всѣхъ отношеній чешской шляхты и заботливо различаетъ ея фамильныя имена и гербы. Многочисленныя поученія и обращенія къ читателю, испещряющія всю хронику, постоянно обращаются къ ней, ея вражда къ мѣщанскому сословію переходитъ и на самаго автора — онъ раздѣляетъ съ шляхтою даже и ея презрѣніе къ простому народу, называя его постоянно хлопами, т. е. холопами. Въ этомъ отношеніи рыцарь Далимилъ стоялъ нисколько не выше понятій своего времени. Его мы можемъ считать вообще представителемъ того періода чешской народной оппозиціи, когда она еще сосредоточивалась главнымъ образомъ въ сословіи шляхетскомъ. Но эта была уже оппозиція сознательная и послѣдовательная.

Далимиломъ, правда, руководили столько-же сословные, какъ и народные интересы, но во всякомъ случаѣ у него замѣтно уже преобладаніе послѣдняго начала. Взглядъ на судьбу, постигшую славянъ поморскихъ, на ихъ безплодную борьбу съ нѣмцами и постепенное вымираніе ихъ — не могъ не поразить чешскаго патріота начала XIV в., подобнаго Далимилу, не наполнить его души смутнымъ предчувствіемъ такой-же участи и его родины. Отъ внимательнаго взгляда его не могло укрыться, что народныя отношенія въ Чехіи начинаютъ принимать оборотъ, слишкомъ сходный съ положеніемъ дѣлъ въ земляхъ бывшихъ поморскихъ славянъ. И здѣсь и тамъ вооруженныя попытки нѣмцевъ долго не приводили ни къ какимъ результатамъ, и тамъ и тутъ славя-

намъ вредило гораздо болѣе проникновеніе въ страну нѣмецкихъ колонистовъ, нѣмецкихъ государственныхъ и церковныхъ учрежденій, нѣмецкаго языка, обычаевъ и нравовъ. Далимилъ видѣлъ, что Чехія переполнена уже нѣмецкими поселенцами, что города ея управляются уже нѣмецкимъ правомъ и нѣмецкими магистратами, что чешское дворянство заимствуетъ уже отъ нѣмцевъ и имена, и гербы и языкъ, и обычаи, что при дворѣ и въ управленіи страны господствуютъ уже нѣмецкія начала; онъ видѣлъ и ясно понялъ, къ чему поведетъ все это въ послѣднемъ результатѣ. Онъ хорошо понялъ отношенія обѣихъ народностей въ странѣ, понялъ, что между ними немыслимы обоюдное соглашеніе, мирная жизнь и равноправное сліяніе, что въ такомъ вліяніи слабѣйшая народность должна уступить и исчезнуть во второй, и что только борьба, борьба на жизнь и на смерть, можетъ спасти слабаго. Къ этой борьбѣ онъ рѣшился подготовить и вооружить своихъ земляковъ, а средствомъ для этой цѣли онъ избралъ исторію чешскаго народа, полную славныхъ воспоминаній, но и грозныхъ симптомовъ, способную ободрить и утѣшить народъ представленіемъ ему его силы и величія, но въ то-же время могущую предостеречь его отъ прежнихъ ошибокъ и гибельныхъ заблужденій. Далимилъ воспользовался исторіею какъ человѣкъ партіи, не пренебрегающій никакимъ средствомъ для зачерненія противника, считающій позволительнымъ противъ него всякую ложь и клевету. Сквозь каждое слово хроники просвѣчиваетъ его тенденція. Читая ее, такъ и кажется, что читаешь какой-нибудь революціонный памфлетъ нашего времени, такъ полна она ѣдкими выраженіями и намеками, рѣзкими приговорами и ненавистью къ одной сторонѣ, желаніемъ представить въ другой все въ прекрасномъ видѣ и свѣтѣ.

Не ограничиваясь справедливыми похвалами своему народу,

правдивымъ изображеніемъ его подвиговъ, Далимилъ обнаруживаетъ на каждомъ шагу безконечную любовь и преданность къ ней. Онъ преувеличиваетъ подвиги чеховъ до-нельзя, прибавляетъ очень часто новыя, небывалыя и умалчиваетъ о ихъ несчастіяхъ и неудачахъ. Изъ одного пораженія нѣмецкаго короля Лотара [1] онъ дѣлаетъ два, и говоритъ, что второе было такъ велико, что изъ нѣмцевъ, не исключая и императора, не спасся почти никто и что въ нѣмецкой землѣ съ трудомъ могли собрать послѣ него какихъ-нибудь двѣсти рыцарей. Первое пораженіе императора Генриха III въ Чехіи [2] онъ описываетъ самыми яркими красками, о второмъ его удачномъ походѣ не говоритъ ни слова. О взятіи Милана чехами, при императорѣ Генрихѣ IV, у него есть довольно подробная исторія; имъ-же приписывается взятіе въ плѣнъ папы Пасхалиса при Генрихѣ V [3]. Всѣ несчастія и неудачи чешскаго народа, всѣ бѣдствія, все зло въ Чехіи происходятъ у него отъ нѣмцевъ. Они постоянно изображаются самыми заклятыми врагами чеховъ, готовыми не на одно открытое насиліе, но и на всякую измѣну и подлость. Не щадитъ Далимилъ также, при случаѣ, и своихъ собственныхъ соотечественниковъ, склонившихся по чему-либо къ нѣмцамъ, не находитъ словъ для порицанія нѣмецкихъ обычаевъ и нравовъ, проникнувшихъ въ Чехію. Чувство народное превозмогаетъ въ немъ въ такихъ случаяхъ и сословную честь и рыцарскій духъ, которымъ такъ полна его „хроника“ въ другихъ отношеніяхъ. Когда онъ порицаетъ, напримѣръ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ тур-

---

[1] Хрон. *Далимила*, стр. 135 и слѣд., потомъ 141 и слѣд.

[2] *Далимилъ*, глава 44, стр. 931. Вмѣсто Генриха III въ изданіи Ганки—Генрихъ II. Это не вѣрно; Генрихъ II никогда не предпринималъ походовъ въ Чехію.

[3] Тамъ-же, пѣснь 44, ст. 100; пѣснь 64, ст. 128.

нирныя игры и выводитъ отъ нихъ чуть не все зло въ Чехіи, то въ немъ говоритъ уже не дворянинъ и рыцарь, а оскорбленное народное чувство природнаго чеха. Съ не меньшимъ рвеніемъ возстаетъ онъ противъ появившейся въ его время игры въ кости и говоритъ, что за игрою и другими подобными забавами чешскіе паны тратятъ все свое время и предоставляютъ свою отчизну на произволъ нѣмцамъ [1]. Ненависть къ этимъ послѣднимъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до фанатизма подобнаго тому, который проявился послѣ въ гусситскую эпоху. Не довольствуясь собственными выходками противъ нихъ, Далимилъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ грозныя тирады противъ нихъ. Чешскій князь Собеславъ говоритъ у него, что онъ лучше бы согласился утопить дѣтей своихъ въ Влътавѣ, нежели видѣть въ нихъ друзей нѣмцамъ. Въ словахъ: „когда подымется въ странѣ нашей языкъ нѣмецкій, тогда упадетъ честь нашего рода, уничтожатъ они землю и князей, возьмутъ нашу корону къ себѣ" — слышится уже не голосъ древняго чешскаго князя, а современника Генриха каринтійскаго и Яна люксенбургскаго, когда страна дѣйствительно была близка къ подобной участи [2]. Явленіе Далимила важно для насъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, его „хроника" ясно показы-

[1] Вотъ образчики его ожесточенныхъ выходокъ. Пѣснь, 102. Čěsti páni zlych obyčejov se priechu, O penieze w kostky jhrajechu, sobe za dvorstvo přijechu. Z niehož lotrom za zle jemechu.... Na svoj jazýk nic netbaju, v kostky jhrati Za čest jmaju. J jechu se bez popruhov klati, panny jim v dar chrustov slati: pani svu kratochvil jmechu, i Nemci zemiu hubechu.

[2] Тамъ-же. Пѣснь 70. Když nemecky jazyk vstane (v zemi), našeho roda čest stane. Z radieť zemiu i kniežata, bude koruna naše do Nemce wzata. Némcií se najprvie krotie, ale jakožse rozplodu o svej hospode netbaju, Z swej zeme si pana ptaju.

ваетъ намъ, до какой степени сознанія и силъ поднялось въ началѣ XIV в. національное стремленіе, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ личностяхъ, и какъ находило оно себѣ оправданіе и смыслъ въ самой исторіи чешскаго народа. Во-вторыхъ, его „хроника“ имѣла, по всей вѣроятности, не малое вліяніе на современниковъ и ближайшее потомство. Написанная простымъ народнымъ языкомъ, одѣтая притомъ въ любимую тогда стихотворно-риѳмованную форму, эта книга должна была непремѣнно проложить себѣ доступъ по-крайней-мѣрѣ къ высшимъ слоямъ чешскаго народа, для котораго она собственно и предназначалась, и тѣмъ не мало содѣйствовать къ укрѣпленію въ немъ національнаго сознанія и стремленія.

Въ такомъ положеніи застало чешскій народъ вступленіе на престолъ короля Карла I (IV). Его правленіе, на первый взглядъ, не обѣщало хорошихъ послѣдствій для чешскихъ патріотовъ. Одно обстоятельство особливо должно было пугать ихъ. Карлъ былъ одновременно и чешскимъ королемъ и нѣмецкимъ императоромъ. Никто, правда, не могъ сомнѣваться въ его правительственномъ талантѣ, въ его любви къ чешской странѣ и народу: то и другое доказалъ онъ, будучи еще наслѣднимъ принцомъ; но никто не могъ также отрицать, что его императорское достоинство не мало можетъ усилить сношенія и связь съ Германіею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе нѣмцевъ въ странѣ. Прежніе императоры имѣли обыкновеніе отказываться, при избраніи, отъ личнаго управленія своими родовыми землями и посвящать себя исключительно дѣламъ имперіи; Карлъ, хорошо понимая шаткость положенія своего въ имперіи, не рѣшался жертвовать ей своею любимою Чехіею и выпускать изъ рукъ вѣрное для невѣрнаго и непрочнаго. Въ противоположность прежнимъ нѣмецкимъ королямъ, проводившимъ всю свою жизнь въ разъѣздахъ и путешествіяхъ по Герма-

ніи, Карлъ утвердилъ свое постоянное мѣстопребываніе въ Прагѣ и лишь на-время покидалъ ее для другихъ областей имперіи. Такое положеніе Праги вскорѣ сдѣлало ее центромъ для всей Германіи и чрезвычайно усилило въ нее приливъ иноземцевъ. Уже самый санъ императора не позволялъ Карлу обходиться безъ нѣмецкихъ совѣтниковъ и придворныхъ. Имперская канцелярія постоянно находилась при его особѣ; курфирсты, имперскіе князья и графы, депутаты, городовое дворянство, то и дѣло, являлись къ его двору. Одни изъ нихъ искали подтвержденія своихъ леновъ и привилегій, другіе хлопотали по процессамъ и тяжбамъ въ имперскихъ судахъ, третьи наконецъ добивались какой-либо милости у короля, многіе изъ нихъ оставались на цѣлые годы въ Прагѣ. Но и независимо отъ этихъ лицъ, приходившихъ ко двору по своимъ или имперскимъ дѣламъ, обычный блескъ императорскаго двора привлекалъ постоянно цѣлыя массы иноземцевъ въ Чехію. Матеріальное благосостояніе страны, а особливо столицы, извлекало немалую выгоду такого положенія дѣлъ; размѣнъ идей и проникновеніе въ страну новыхъ понятій было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ столкновенія столь разнородныхъ элементовъ. Для страны, съ плотнымъ народнымъ населеніемъ, подобный оборотъ дѣла могъ бы принести только пользу; въ Чехіи, давно проникнутой и разрозненной чуждыми элементами, эта польза не могла не смѣшиваться съ чувствительнымъ вредомъ. Для Чехіи никогда не было недостатка въ общеніи и треніи съ другими сосѣдними народностями, особливо нѣмцами. Въ ея предѣлахъ жило уже достаточно иноземцевъ; она успѣла уже проникнуться и иноземнымъ образованіемъ и иноземными нравами и обычаями. Усиленіе чуждыхъ элементовъ могло при такихъ обстоятельствахъ повести только къ новому ущербу въ народности, а такое усиленіе и заключалось именно въ перенесеніи императорской ре-

зиденціи въ Прагу и въ новомъ соединенномъ съ нимъ наплывѣ иноземцевъ въ Чехію.

Странное, противорѣчивое чувство должно было овладѣть чешскимъ патріотомъ, при взглядѣ на положеніе своего отечества, въ первые годы правленія Карла I. Съ одной стороны, его національной гордости не могла не льстить мысль, что корона западно-европейскаго императора, славнѣйшая во всемъ христіанствѣ, украшаетъ голову его природнаго короля, что Прага, его родимый городъ, малоизвѣстный прежде всему остальному міру, дѣлается центромъ и средоточіемъ всего запада; но, съ другой стороны, его не могло не смущать усиливающееся чрезъ то самое вліяніе нѣмцевъ въ странѣ, а отдаленное будущее грозило ему полнымъ исчезновеніемъ послѣднихъ остатковъ его народности, превращеніемъ Праги въ дѣйствительный центръ нѣмецкаго міра. Это смѣшеніе противорѣчивыхъ чувствъ, эта борьба національнаго тщеславія съ чувствомъ народнаго самосохраненія должны были усилиться еще болѣе новымъ важнымъ событіемъ, случившимся вскорѣ по прибытіи короля Карла въ чешскую землю, открытіемъ пражскаго университета [1]. Какой смыслъ и какое значеніе имѣло это событіе для Чехіи? Въ какое отношеніе могъ стать университетъ къ чешской народности и какое значеніе могъ онъ имѣть для нея? Чтобы правильно рѣшить эти вопросы, надо прежде всего уяснить себѣ смыслъ и значеніе средневѣковыхъ университетовъ вообще и ихъ различіе отъ подобныхъ-же учрежденій нашего времени. Университеты, въ своемъ первоначальномъ видѣ, были созданіемъ западно-европейскаго феодальнаго міра и были вполнѣ запечатлѣны его особенностями. От-

---

[1] Главнѣйшею основою, тамъ, гдѣ это будетъ касаться университета, будетъ уже приведенное нами сочин. *Томка* «Исторія унив.».

сутствіе національнаго и личнаго сознанія, господство общихъ, идеальныхъ формъ, подчиненіе личности законамъ общины, корпораціи, вотъ характеристическія черты этого міра. Ученое сословіе не могло отстать отъ общаго стремленія и духа времени. И оно начало составлять свои привилегированныя общины, принимая формы и правила, общія для всѣхъ.

Большая часть ученыхъ были тогда духовные, а потому понятно, что общины ихъ зависѣли прежде всего отъ главы духовенства, папы. Университеты, какъ и всѣ органическія созданія, не были вызваны въ жизнь распоряженіями правительствъ, декретами императоровъ и папъ. Они произошли сами собою, и развились мало-по-малу изъ незамѣчаемыхъ зародышей. Сначала начали собирать вокругъ себя учениковъ отдѣльные учители при какихъ-нибудь монастырскихъ или соборныхъ школахъ; потомъ въ извѣстныхъ мѣстахъ начало сосредоточиваться нѣсколько такихъ учителей и составлять вмѣстѣ съ учениками общину, корпорацію. Папы, зорко слѣдившіе за всѣми проявленіями жизни западно-европейскаго міра, рано замѣтили возникновеніе этихъ новыхъ духовно-учебныхъ общинъ и спѣшили ихъ взять подъ свое покровительство и руководство. Надѣляя ихъ всевозможными правами и льготами, они въ то-же время старательно стремились очистить ихъ отъ всѣхъ національныхъ и оппозиціонныхъ оттѣнковъ и сдѣлать ихъ вѣрными слугами своей іерархіи и своего богословія. Съ своей стороны, и императоры были не прочь поддержать вновь возникающія учрежденія. Въ ихъ римскомъ правѣ и систематическомъ поклоненіи авторитетамъ, они видѣли оправданіе своей теоріи всемірнаго монархизма. Свѣтская и духовная власть спѣшили воспользоваться ими каждая для своихъ цѣлей, и это стремленіе удалось имъ, на первой разъ, какъ нельзя быть лучше. Въ первыхъ фазахъ своего развитія, ни одинъ

изъ университетовъ не обнаружилъ склонности къ національной или религіозной оппозиціи идеально-историческимъ авторитетамъ католическаго міра. Въ своихъ научныхъ изысканіяхъ и теоріяхъ, они расточали всѣ силы на систематическое утвержденіе и оправданіе этихъ авторитетовъ; въ своей внѣшней организаціи они были сходны съ остальными корпораціями и общинами средневѣковаго человѣчества. Они имѣли свою собственную юрисдикцію, самостоятельное устройство, независимость отъ мѣстныхъ властей, свои владѣнія и доходы. Всѣ народности имѣли къ нимъ доступъ и равныя права. Они подчинены были непосредственно императору и папѣ и отъ нихъ получали свои привилегіи. Университеты, по самой сущности своей организаціи и по своему духу, нисколько не соотвѣтствовали никакимъ народнымъ и вообще оппозиціоннымъ стремленіямъ, и перенесеніе подобныхъ учрежденій на чешскую почву не могло быть желательнымъ для народной партіи. Понятно поэтому то сопротивленіе, съ которымъ встрѣченъ былъ на сеймѣ 1294 г. проектъ короля Вячеслава II. Потребность просвѣщенія, желаніе усвоить себѣ плоды европейской цивилизаціи—столкнулись тутъ впервые враждебно съ рѣзкимъ національнымъ чувствомъ, не хотѣвшимъ принимать отъ чужбины ничего даже и относительно хорошаго и полезнаго, но притомъ все-таки грозившаго самобытности народнаго начала. Карлъ IV рѣшился снова поднять этотъ вопросъ. Познакомившись въ своей молодости съ сущностью и значеніемъ европейскихъ университетовъ, убѣдившись, что въ нихъ сосредоточивается вся тогдашняя наука и образованность, и не сомнѣваясь въ благотворномъ вліяніи и значеніи этой науки для жизни, онъ твердо рѣшился сдѣлать чешскую Прагу однимъ изъ центровъ и разсадниковъ этой науки и образованія и еще тѣснѣе включить Чехію въ кругъ западно-европейскаго развитія. Но не одну Чехію

имѣлъ онъ при этомъ въ виду. Новое учрежденіе предназначалось на столько-же, если не больше, какъ для нея, такъ и для сосѣднихъ, преимущественно нѣмецкихъ земель. Уже раздѣленіе университета на четыре націи (саксонскую, баварскую, польскую и чешскую), изъ которыхъ первыя двѣ были чисто нѣмецкія, третья славянская лишь по имени, такъ-какъ къ Польшѣ причислялось нѣсколько нѣмецкихъ провинцій, и только послѣдняя туземная, чешская, показываетъ ясно, что, при основаніи университета, Карлъ всего менѣе заботился объ исключительно чешскихъ выгодахъ. Отношенія его къ университету были, во всѣхъ отношеніяхъ, благоразумны и либеральны. При его заложеніи, онъ избѣгнулъ ошибки, общей почти всѣмъ другимъ ихъ основателямъ— желанія опредѣлять и регулировать напередъ всѣ даже мелочныя отношенія. Онъ смотрѣлъ на университетъ, какъ на цѣлостный жизненный организмъ, который нельзя создать въ нѣсколько дней предписаніями и декретами. Онъ предоставлялъ все болѣе внутреннему развитію, и только старался по возможности устранить внѣшнія препятствія и доставить своему учрежденію средства матеріальнаго существованія. Выхлопотавъ отъ папы всѣ нужныя привилегіи [1], обезпечивъ за пражскими магистрами и бакалаврами равныя права съ магистрами другихъ университетовъ, назначивъ канцлеромъ и правителемъ новаго утвержденія архіепископа пражскаго, устроивъ коллегіи, призвавъ профессоровъ и надѣливъ университетъ богатыми имѣніями, онъ во всемъ остальномъ далъ полную свободу новой общинѣ и не препятствовалъ ей составлять себѣ какіе угодно статуты и организоваться по своей волѣ. Онъ не пытался давать какое-нибудь направленіе университету и воз-

[1] Булла папы Климента VI по этому дѣлу была издана 26 января 1347 г. *Томекъ*. Т. I, стр. 8.

держивался отъ всякаго вмѣшательства въ его учебную, юридическую и экономическую среду. Карлъ, при основаніи университета, имѣлъ въ виду интересы чешской земли, и то лишь въ матеріальномъ отношеніи; объ интересахъ чешской народности онъ не думалъ, да и не могъ думать. Университетъ, по своему общему, безразличному, въ національномъ отношеніи, характеру, могъ только служить въ ущербъ чешской народности. Карлъ не старался измѣнить и принаровить этого характера къ той почвѣ, на которую онъ перенесъ его. Для него стоялъ на первомъ планѣ интересъ западно-европейской и притомъ схоластическо-іерархической образованности; а видоизмѣнить и принаровить эту образованность къ своей родной почвѣ онъ предоставлялъ самимъ чехамъ и времени, если онъ только думалъ вообще объ этомъ. Карлъ могъ провести свой проектъ, встрѣченный съ такимъ недоброжелательствомъ, при королѣ Вячеславѣ II, столько-же съ помощью измѣнившихся обстоятельствъ, сколько и опираясь на вліяніе своего личнаго значенія и авторитета. Съ одной стороны, народная партія была на столько уже сильна, что не могла слишкомъ опасаться введенія новой могущественной корпораціи иноземцевъ въ страну; съ другой, самая его власть была несравненно сильнѣе и его личность далеко популярнѣе личностей послѣднихъ Пшемысловцевъ. Императорскій санъ возвышалъ его неизмѣримо въ глазахъ чеховъ; спокойное, мирное отчасти даже народное правленіе пріобрѣтали ему всеобщую любовь и уваженіе. Чешскія сословія не рѣшились препятствовать исполненію любимаго плана своего короля, и тѣмъ болѣе въ дѣлѣ, долженствовавшемъ еще болѣе возвысить и прославить ихъ королевство предъ остальными европейскими землями. Они не хотѣли также упустить изъ рукъ матеріальныхъ выгодъ, сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ, и предоставить какой-нибудь сосѣдней нѣмецкой странѣ

честь подобнаго учрежденія. На сеймѣ 1348 года, король безъ труда получилъ согласіе земли, и тотчасъ-же приступилъ къ основанію университета. Какъ уже сказано выше, онъ ограничился при этомъ лишь опредѣленіемъ самыхъ общихъ отношеній и богатымъ надѣломъ привилегій и поземельною собственностью, предоставляя дальнѣйшее развитіе самой общинѣ. Это развитіе, какъ и слѣдовало ожидать, пошло путемъ общимъ всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ на западѣ. Нечего и говорить, что его внутреннее, научное направленіе было далеко отъ жизни и ея потребностей. Въ философіи онъ развивалъ ту-же схоластику, стремившуюся доводами логики и разума оправдать догматы господствующей церкви, и впалъ притомъ въ тѣ-же утомительные, безплодные для истиннаго развитія, споры реалистовъ и номиналистовъ, какіе наполняли и всѣ остальные тогдашніе университеты. Основаніемъ всѣхъ философскихъ изслѣдованій и трактатовъ были и въ Прагѣ, какъ и въ остальномъ западѣ, тѣ-же, испорченныя и изуродованныя арабскими комментаторами, сочиненія Аристотеля. Изрѣдка прибавлялись къ нимъ труды другихъ средневѣковыхъ философовъ, въ родѣ логики Петра Гиспаниса и подложныхъ сочиненій Боэція. Пражскіе магистры довольствовались вообще объясненіями и дополненіями этихъ авторовъ и рѣдко писали самостоятельные трактаты и изслѣдованія. Точно такъ-же мало отличались они въ стилѣ и внѣшнемъ изложеніи своихъ трудовъ отъ обычной средневѣковой практики. Хотя въ Италіи и началось тогда уже болѣе правильное изслѣдованіе и изученіе ученой классической древности, хотя новое гуманистическое направленіе считало тамъ уже нѣсколькихъ корифеевъ въ родѣ Петрарки и Боккачіо; но за Альпы это направленіе еще не проникало, и лишь отдаленные отгласы его доходили туда въ посланіяхъ Петрарки къ императору Карлу IV,

и въ внезапномъ появленіи въ Прагу фантастическаго трибуна римскаго народа, Коло-де-Ріенци. За-альпійскій міръ еще ничего не зналъ объ этомъ новомъ направленіи науки древности; онъ не подозрѣвалъ, какія литературныя сокровища скрываются въ стѣнахъ его монастырей, считалъ по прежнему свою варварскую латынь чистымъ благороднымъ языкомъ Лаціума и его оракуломъ былъ по прежнему Присціанъ, жалкій грамматикъ и комментаторъ временъ упадка римской жизни и литературы. То-же, что съ философіею и грамматикою, было и съ другими науками. Въ математикѣ пражскіе магистры пробавлялись, подобно своимъ прочимъ европейскимъ собратамъ, такъ называемыми шестью книгами Евклида, прошедшими подобно Аристотелю черезъ руки арабскихъ комментаторовъ; въ геометріи ими руководили два-три трактата безъименныхъ средневѣковыхъ составителей; въ астрономіи ихъ занимали всего болѣе вопросы о вліяніи звѣздъ на судьбу человѣческую; а въ алхиміи они мучили себя попытками найдти жизненный элексиръ и открыть легчайшій способъ дѣлать золото. Столь-же схоластично, хотя и болѣе направлено на жизнь, было и изученіе другихъ отраслей науки. Богословы, излагавшіе свой предметъ болѣе съ помощью позднѣйшихъ, западныхъ отцевъ церкви, библіи и первоначальныхъ учителей христіанства, занимали самое высшее и почетное мѣсто въ университетѣ. Ихъ наукѣ обречены были на служеніе всѣ остальные: и septem artes, и право, и самая медицына; имъ принадлежала обязанность поддерживать авторитетъ католической догмы и католическаго духовенства и держать на-готовѣ свое схоластическое оружіе противъ всѣхъ уклоненій отъ этой догмы и противъ всякой оппозиціи этому духовенству. Не менѣе важную роль хотѣли играть при пражскомъ университетѣ и юристы. Подстрекаемые примѣромъ своихъ болонскихъ собратовъ, они съ самаго начала стре-

мились къ преобладанію и преимуществу надъ остальными факультетами [1]. Ихъ стремленіе было тѣмъ болѣе странно, что именно ихъ наука стояла въ прямомъ противорѣчіи съ интересами и потребностями не только чешскаго, но и вообще западно-европейскаго общества, за исключеніемъ, можетъ быть, одной Италіи. Какъ въ Чехіи, такъ и въ Германіи преобладало тогда еще повсюду старинное народное право и судопроизводство; но до этого права не было никакого дѣла ученымъ господамъ, собравшимся тогда въ Прагѣ. Они не захотѣли знать ничего другаго, кромѣ своего каноническаго и римскаго *jus*'а, и считали позорнымъ для себя заниматься изученіемъ привычекъ и обычаевъ черни. Высокомѣріе юристовъ вскорѣ дошло до того, что они, не желая подчиниться перевѣсу другихъ факультетовъ, отдѣлились отъ нихъ и составили свою отдѣльную корпорацію Universitas. Вскорѣ однако-же они убѣдились въ безполезности изученія римскаго права, въ знаніи и докторахъ котораго никто не нуждался ни въ Чехіи, ни въ сосѣднихъ земляхъ, и сосредоточили свое вниманіе почти исключительно на каноническомъ правѣ, какъ на имѣвшемъ силу и значеніе во всемъ христіанствѣ [2]. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ медицинскомъ факультетѣ обнаруживалось то-же стремленіе и духъ, какъ и въ другихъ факультетахъ, хотя объ немъ мы не имѣемъ такихъ точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній, какъ о прочихъ.

Въ рѣзкомъ контрастѣ съ этою бѣдностью внутренняго содержанія, съ этимъ недостаткомъ самобытныхъ направленій и талантовъ, стояли, въ первыя десятилѣтія существованія пражскаго университета, его внѣшній блескъ, богатство и непомѣрное

---

[1] Объ этомъ стремленіи юристовъ смотри подробности у *Томка*.

[2] Такъ говоритъ *Томекъ*, лучшій знатокъ въ этомъ дѣлѣ.

число какъ преподавателей, такъ и студентовъ. Карлъ былъ неистощимъ въ своей щедрости къ университету. Онъ дарилъ ему большія пространства земли въ Чехіи, записывалъ на него доходы не малаго количества своихъ дворовъ и деревень, покупалъ для него дома въ Прагѣ [1], устроилъ для 12-ти магистровъ коллегію Карла, сдѣлавшуюся для Праги впослѣдствіи тѣмъ, чѣмъ была Сорбонна для Парижа [2], учредилъ потомъ подобную-же Всѣхъ Святыхъ, надѣлилъ эти коллегіи особыми имѣніями и вообще не жалѣлъ ничего для своего любимаго созданія. Заботливо охранялъ императоръ ненарушимость привилегій, данныхъ имъ университету, неоднократно подтверждалъ всѣмъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ неприкосновенность и особенность его юрисдикціи, и строго слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ своихъ инструкцій. Всѣми мѣрами старался онъ облегчить и обезопасить путь всѣмъ студентамъ и магистрамъ, ѣдущимъ въ Прагу. Карлъ издалъ объ этомъ особенный имперскій законъ. Въ немъ бралъ онъ подъ свою и священной римской имперіи охрану всѣхъ магистровъ и студентовъ, путешествующихъ въ пражскій университетъ и грозилъ самыми строгими наказаніями всѣмъ его нарушителямъ [3]. Нѣсколько монастырей въ Прагѣ были соединены стараніями императора съ университетомъ и обязаны содержать на свой счетъ нѣсколькихъ магистровъ и студентовъ. Множество соборныхъ капитуловъ въ имперіи обязались также постоянно посылать нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ въ Прагу и принимать

---

[1] Объ этихъ надѣлахъ см. 2 гл. *Томка.*

[2] Объ учрежденіи коллегій — 5 глава того-же документальнаго сочиненія.

[3] У *Томка,* который приводитъ содержаніе этого закона, по чешски. Оригиналъ-же находится въ Sammlung ungedruckter Nachrichten, т. II. p. 80. *Joh. Wilgelm Hoffmann.*

всѣ ученыя степени только изъ тамошняго университета. Въ самой Чехіи кругъ вліянія университетовъ былъ значительно расширенъ подчиненіемъ ему всѣхъ остальныхъ школъ и училищъ въ королевствѣ. Вліяніе это не ограничивалось однимъ признаніемъ власти и контролемъ, но принесло и не малую выгоду университету, отдавая въ его распоряженіе всѣ мѣста и должности при этихъ школахъ, очень часто соединенныя съ выгодными духовными должностями и богатыми приходами. Наконецъ, университетъ поставленъ былъ на высокую степень въ общественномъ мнѣніи и тѣмъ, что его мнѣніе и совѣты не рѣдко спрашивались и высоко цѣнились королемъ, не только въ религіозныхъ, но и въ политическихъ дѣлахъ. Карлъ сдѣлалъ все для того, чтобы какъ-можно выше поставить свое новое учрежденіе и придать ему громадный вѣсъ и всеобъемлющее значеніе какъ въ самой Чехіи, такъ по возможности и во всей Германіи. При такомъ положеніи дѣлъ, пріобрѣтаетъ величайшую важность вопросъ объ отношеніи университета къ народности чешской. Послѣ всего сказаннаго ясно, какого рода должно было быть это отношеніе и какой элементъ явился съ самаго начала преобладающимъ въ университетѣ. Характеръ учрежденія и тѣсная связь, въ которую онъ поставленъ былъ въ Германіи, должны были его сдѣлать чѣмъ-то чуждымъ, внѣшнимъ для самой Чехіи. Но дѣло не остановилось на этомъ. Вскорѣ Чехи начали замѣчать, что университетъ ихъ вовсе не принадлежитъ имъ, что вся сила и вліяніе въ немъ на сторонѣ нѣмцевъ, что ректоръ и деканы постоянно выбираются изъ нихъ, что ими заняты всѣ лучшія мѣста въ коллегіяхъ и при монастыряхъ, и что раздача почти половины духовныхъ должностей въ королевствѣ находится въ ихъ-же рукахъ.

Уже одна эта матеріальная потеря не могла не озлобить на-

ціи; что же сказать о нравственномъ вліяніи и духѣ университета? Понятно, что этотъ духъ былъ чисто нѣмецкій и притомъ іерархическій, что вліяніе университета выражалось главнымъ образомъ въ усиленіи и распространеніи нѣмецкой жизни, языка и нравовъ. Городъ Прага былъ уже на пути къ полному онѣмеченію, и что же осталось бы чехамъ, если-бы и этотъ городъ, мать всѣхъ городовъ чешскихъ, былъ потерянъ для ихъ народности и превратился въ нѣмецкую колонію. Передовые люди въ Чехіи, а вслѣдъ за ними и весь народъ, скоро поняли, къ чему поведетъ все это въ послѣднемъ результатѣ и твердо рѣшились лучше лишиться университета, нежели потерять свою народность. Пока жилъ императоръ Карлъ, то ни въ народѣ, ни въ университетѣ не обнаруживалось еще впрочемъ оппозиціи; было только глухое броженіе и подготовка къ борьбѣ; но въ наружности все еще оставалось спокойно и мирно.

Мы не принадлежимъ къ числу порицателей Карла IV. Не считая его прямо защитникомъ и представителемъ чешской народности, мы тѣмъ не менѣе охотно признаемъ его великое и благодѣтельное значеніе въ исторіи чешскаго народа. Мы не думаемъ также винить его за то, что онъ основаніемъ своего университета поставилъ чеховъ въ необходимость выбора между полнымъ подчиненіемъ авторитету чужбины или энергическимъ проведеніемъ, вопреки ему, своего народнаго начала. Чехамъ предстояла теперь великая задача. Они должны были высвободить себя изъ-подъ подавляющаго ихъ чуждаго авторитета, нравственною силою своей народности измѣнить характеръ и сущность навязаннаго имъ учрежденія, вырвать его изъ феодально-іерархическихъ оковъ католицизма и, изъ привилегированной корпораціи для духовныхъ всѣхъ націй, пересоздать его въ народный чисто научный органъ. Чешскій народъ чувствовалъ въ себѣ

достаточно силы для совершенія такого великаго подвига; онъ, по своему обыкновенію, не отступалъ предъ борьбою, и неравенство силъ только воспламеняло его энергію и рѣшительность.

Одновременно съ предложеніемъ проекта устройства университета, Карлъ предложилъ сейму еще и другую важную мѣру — введеніе и обнародованіе новаго законодательнаго кодекса, такъ называемаго Majestas Carolina [1]. Никто не станетъ утверждать, чтобы Карлъ этимъ кодексомъ хотѣлъ ниспровергнуть всѣ существующія юридическія отношенія Чехіи и подчинить ее господству римскаго права. Но тѣмъ не менѣе новый кодексъ долженъ бы былъ повлечь за собою фактическое измѣненіе всего прежняго судебнаго строя въ Чехіи. Чешское народное право, какъ и всякое другое, развивалось на историческомъ основаніи. Его первою и существеннѣйшею чертою была полная гласность и публичность суда. Оно не знало ни хорошихъ чиновниковъ, ни продолжительныхъ процессовъ; въ немъ не было спутанныхъ и неопредѣленныхъ постановленій. Его органами были двѣнадцать кметовъ — пожизненныхъ и несмѣняемыхъ судей; къ нимъ въ случаѣ нужды могъ присоединиться и всякій свободный землевладѣлецъ. Всѣ переговоры судовъ шли на народномъ языкѣ, каждый могъ наблюдать за ходомъ процесса, продажность и подкупъ были невозможны. Рядомъ съ этими свѣтлыми сторонами, въ народномъ правѣ были, правда, и важные недостатки. Въ немъ не были опредѣлены съ точностью степень и важность проступка и соотвѣтствующаго ему наказанія. Въ немъ допускался Божій судъ и неразлучныя съ нимъ злоупотребленія. Въ немъ придавалось слишкомъ много значенія формѣ, и малѣйшее отступленіе отъ этой формы, слишкомъ скорое или невнятное произно-

[1] Подробности у *Палацкаго*, въ III томѣ.

шеніе клятвы и т. п. влекло за собою потерю процесса [1]. Но что значили подобные недостатки, которые всегда было легко отмѣнить и исправить, въ сравненіи съ неоцѣнимыми преимуществами, предоставляемыми этимъ-же самымъ правомъ? Что-же предлагалъ, въ замѣнъ этого испытаннаго и хорошо извѣстнаго всѣмъ порядка вещей, новый кодексъ императора? Прежде всего имъ вводились писанныя, строго и разъ на-всегда опредѣленныя, узаконенія. При недостаткѣ образованія, даже грамотности, при отсутствіи типографскаго искусства, эти новые законы неизбѣжно должны были остаться въ рукахъ лишь немногихъ ученыхъ и свѣдущихъ правовѣдовъ.

Для народа они надолго остались бы чѣмъ-то чуждымъ и непонятнымъ; ими бы прервалась живая связь народнаго юридическаго обычая, съ ними сдѣлались бы невозможными гласность и понятность судопроизводства, пожизненные народные судьи должны бы были сойдти со сцены, и власть надъ имуществомъ и жизнію цѣлой націи могла попасть въ руки нѣсколькихъ ученыхъ докторовъ и юристовъ. Что неминуемыми слѣдствіями такого порядка вещей были бы спутанность и сбивчивость юридическихъ понятій въ народѣ, проволочки и нескончаемость процессовъ, продажность и подкупы судей—это не подлежитъ никакому сомнѣнію изъ примѣра другихъ странъ и прежде всего — Германіи. Чешскій сеймъ 1356 года хорошо понялъ опасность

---

[1] Для изученія стараго чешскаго права, мы имѣемъ много превосходныхъ современныхъ источниковъ. Древнѣйшій изъ нихъ: Kniha stareho pana z Rosenberka, напечатанная въ Archiw Česky, изданія *Палацкаго.* Далѣе, Wyklad na pravo zeme Česke *Андрея изъ Дубы*, напечат. также во второмъ томѣ Архива; потомъ 9 книгъ *Викторина* «О чешскомъ правѣ».

и несвоевременность кодекса, и со всею энергіею возсталъ противъ предложенія императора. Карлъ былъ на-столько благоразуменъ, что не захотѣлъ идти противъ желанія націи и удовольствовался лишь немногими и своевременными реформами, какъ то: уничтоженіемъ Божьяго суда, устраненіемъ излишнихъ формальностей въ веденіи процессовъ, на которыя въ свою очередь охотно согласился сеймъ.

Мы разсмотрѣли одно за другимъ три замѣчательныхъ событія правленія Карла IV: утвержденіе постоянной императорской резиденціи въ Прагѣ, основаніе и первое развитіе университета, наконецъ, попытку произвести реформу въ законодательномъ устройствѣ Чехіи.

Всѣ эти событія или, лучше сказать, правительственныя мѣры равно вытекали изъ личной воли и характера императора Карла IV; всѣ они были не всегда согласны съ желаніями и видами народной чешской партіи, всѣ одинаково встрѣчены были недовѣріемъ массъ, и послѣдняя изъ нихъ даже разбилась о ихъ сопротивленіе. Но не всѣ событія правленія Карла носятъ на себѣ этотъ отчасти противонародный характеръ, не всѣ мѣры великаго монарха имѣли своею исключительною цѣлью сближеніе и сліяніе чешскаго народа съ германо-латинскимъ міромъ; многія, весьма многія изъ нихъ имѣютъ, напротивъ, въ виду охраненіе интересовъ и обезпеченіе правъ этого народа. Такое видимое противорѣчіе въ политикѣ такого послѣдовательнаго и систематическаго правителя, каковъ былъ Карлъ IV, можно объяснить только борьбою, напоминающею всю его эпоху, борьбою, правда, скрытною и незамѣтною на первый взглядъ, между народнымъ и чужеземнымъ началами въ Чехіи. Начала эти боролись не въ однихъ массахъ; они оба были одинаково присущи и въ груди самого монарха. Его происхожденіе влекло его къ

западу и къ Чехіи; онъ понималъ хорошо пользу и своего рода превосходство западной цивилизаціи и старался проложить ей путь и въ свои владѣнія; но въ то-же время и горячо любилъ чешскую народность и не желалъ ея разложенія и изчезновенія въ этой цивилизаціи. Дѣлая Чехію центромъ нѣмецкаго міра, учреждая въ Прагѣ ученое заведеніе съ западно-европейскимъ характеромъ, пытаясь измѣнить на западный ладъ юридическія отношенія Чехіи, онъ въ то-же время былъ въ явномъ противорѣчіи съ этими своими стремленіями, не пренебрегалъ вовсе частными интересами чешской народности, заботился не только объ утвержденіи ея политической, но и религіозной и общественной автономіи.

Однимъ изъ крѣпчайшихъ звеньевъ цѣпи, соединявшей Чехію съ Германіею, было подчиненіе чешской церкви майнцской митрополіи [1]. Связь эта была, правда, значительно ослаблена непосредственнымъ подчиненіемъ всѣхъ епископовъ, а слѣдовательно и чешскихъ, авторитету папскаго престола, но тѣмъ не менѣе внѣшнее, часто очень тягостное, подчиненіе Майнцу оставалось въ прежней силѣ. Пражскій епископъ нуждался при своемъ утвержденіи и посвященіи въ согласіи майнцкаго митрополита; ему онъ обязанъ былъ отдавать всѣ внѣшніе знаки покорности; часть церковныхъ чешскихъ доходовъ шла въ Майнцъ, ему-же принадлежало и исключительное право короновать короля чешскаго. Король и духовенство Чехіи давно уже тяготились этимъ отношеніемъ, и еще Брячеславъ I и оба Оттокара дѣлали въ свое время попытки къ эманципаціи своей церкви. То, что не удалось никому изъ его предшественниковъ, съ успѣхомъ выполнилъ

[1] Объ этомъ событіи см. *Палацкаго*, Geschichte von Boehmen. 2 B. 2 Abth.

Карлъ, еще до вступленія своего на престолъ, при жизни отца своего, короля Яна. Съ своею всегдашнею ловкостью и политическимъ тактомъ, Карлъ обратился съ своею просьбою къ папѣ, именно въ тотъ самый моментъ, когда этотъ послѣдній наиболѣе нуждался въ его пріязни и помощи. Стѣсненный борьбою своею съ императоромъ Людовикомъ баварскимъ, и, не видя ни откуда помощи, кромѣ какъ отъ короля чешскаго, Климентъ VI, раздраженный въ то-же время на майнцскаго архіепископа за его пріязнь къ императору, охотно согласился на предложеніе молодаго маркграфа бранденбургскаго — учредить особое пражское архіепископство, подчинить ему епископства оломуцкое и литомышльское и освободить его во всѣхъ отношеніяхъ отъ митрополіи майнцской. Впрочемъ, и при такихъ удобныхъ обстоятельствахъ, Карлъ добился до исполненія своего желанія не безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Между прочимъ онъ долженъ былъ клятвенно подтвердить папѣ, что въ Чехіи и Моравіи дѣйствительно говорятъ другимъ языкомъ, нежели въ Германіи, и что этотъ языкъ не можетъ быть понятенъ ни майнцскому архіепископу, ни его духовенству. Подобное невѣжество папскаго двора, кажущееся невѣроятнымъ въ наше время, было впрочемъ весьма обыкновенною вещью въ XIV столѣтіи. По преодолѣніи другихъ формальностей, Климентъ VI торжественно подтвердилъ привилегіи и права новаго пражскаго архіепископа буллою отъ 30 апрѣля 1344 г. и посвятилъ въ первые архіепископы Арнеста изъ Пардубицъ, человѣка замѣчательнаго какъ по своему образованію, такъ и по характеру. Такихъ важныхъ результатовъ достигъ Карлъ IV для чешской народности еще до вступленія своего на престолъ. Энергія и политическій тактъ его, выказанные имъ при этомъ случаѣ, выигрываютъ еще болѣе въ глазахъ нашихъ, если мы сообразимъ, что Карлъ дѣйствовалъ

тутъ совершенно самостоятельно, рискуя навлечь на себя неудовольствіе своего вспыльчиваго отца, Яна, нехотѣвшаго ссориться съ архіепископомъ майнцскимъ.

Возведеніе епископства пражскаго на степень митрополіи было во всякомъ отношеніи выгодно для Чехіи, освобождая ее, по крайней мѣрѣ въ религіозномъ отношеніи, изъ-подъ нѣмецкой зависимости. Эта мѣра Карла имѣетъ свой смыслъ и свое значеніе. Что-же сказать о другой его мѣрѣ, касавшейся также церковныхъ дѣлъ Чехіи, объ основаніи славянскаго монастыря Еммауса? [1]. Что Карлъ, ревностный католикъ и приверженецъ папы, могъ имѣть при этомъ въ виду что-либо противное интересамъ Римской церкви — болѣе нежели сомнительно. Столь-же шатко и мнѣніе, видящее въ этомъ событіи торжество чешской народности, свято хранившей преданія восточной церкви, надъ католическимъ королемъ и правительствомъ [2]. Карлъ, правда, любилъ эту народность, часто дѣлалъ уступки въ пользу ея, любилъ ей льстить подъ-часъ, но уступать ей въ вопросѣ, связанномъ съ господствомъ столь дорогой для него римской церкви, онъ не могъ. Трудно также предположить въ немъ непониманіе важности дѣла, легкомысленной игры съ столь опасными для Рима національными преданіями и обычаями. Гораздо естественнѣе видѣть во всемъ этомъ дѣлѣ, по примѣру Палацкаго, проявленіе католической пропаганды, избравшей на этотъ разъ своимъ

---

[1] *Палацкій*, Geschichte von Bœhmen. 2 B. 2 Abth.

[2] Таково мнѣніе *Новикова*, см. «Гуссъ и Лютеръ». Т. II стр. 251. «Несмотря на сильныя мѣры правительства, стихія народная одерживаетъ блистательное торжество; она вынуждаетъ устройство Еммаусскаго монастыря, и здѣсь, не смотря на угрозы Карла IV, утверждается евхаристія подъ обоими видами».

орудіемъ императора Карла. — Что Римъ потакалъ иногда національнымъ особенностямъ и склонностямъ, что для великихъ цѣлей онъ рѣшался иногда на великія уступки, и что уступки были не что иное, какъ обманъ и личина, тому можно найдти сотни примѣровъ въ исторіи папства. Въ настоящемъ случаѣ ясны—какъ цѣль такъ и средства, употребленныя Римомъ. Цѣлые вѣка хлопотали уже папы о соединеніи съ греческою церковью, или лучше сказать о подчиненіи этой церкви Риму, и объ уничтоженіи ея особенностей. Всѣ средства были имъ равны для достиженія этой цѣли. Попеременно старались они склонить на свою сторону то духовенство, то правителей, то народы, преданные этой церкви. Восточному духовенству сулили они усиленіе его власти и авторитета; правителямъ—королевскіе титулы и короны, народамъ—сохраненіе національнаго богослуженія. Мысль объ уніи церквей, подобно другимъ великимъ цѣлямъ іерархіи, переходила наслѣдственно отъ одного папы къ другому. Объ ней мечталъ Григорій VII среди бури борьбы за инвеституру, она побуждала Урбана II двинуть западное христіанство на помощь Византіи и Святой землѣ. Неудачи, какъ и всегда, только усиливали рвеніе папъ и заставляли ихъ употреблять новыя, болѣе искусныя средства. Завоеваніе Византіи французскими рыцарями, казалось, одно время приблизило папъ къ осуществленію ихъ завѣтной цѣли. Но вскорѣ они должны были убѣдиться, что средства насилія и вѣроломства ничего не значатъ въ дѣлахъ вѣры. Къ тому-же это событіе какъ нельзя лучше показало, что сила Восточной церкви лежитъ вовсе не въ дряхлой, отжившей Византіи, а въ свѣжихъ юношескихъ славянскихъ народахъ — сербахъ, болгарахъ, русскихъ. На эти-то народы и ихъ церковныя отношенія обратили теперь вниманіе папы. Съ XIV и даже конца XIII в. начинаются попытки папъ въ этомъ ро-

дѣ. Съ одной стороны, они стараются дѣйствовать чрезъ католическую Польшу на западную Русь и даже самаго московскаго князя; съ другой—ихъ вниманіе сосредоточивается на народностяхъ Балканскаго полуострова и преимущественно—сербахъ.

Католическая пропаганда сдѣлала въ это время, т. е. въ XIV в., большіе успѣхи между южнымъ славянствомъ вообще и западною отраслью сербовъ, или иллирійцевъ, въ - особенности. Еще важнѣе было бы для нея подчинить своему вліянію восточную часть этого народа, развившаго у себя могущественнѣйшее царство Неманей. Съ этимъ царствомъ связано было немало самыхъ важныхъ интересовъ. Оно считалось самымъ твердымъ оплотомъ противъ турокъ, къ нему должно было, казалось, перейдти наслѣдіе Византіи — господство надъ Балканскимъ полуостровомъ. Папы не щадили никакихъ усилій расположить въ свою пользу могущественнаго царя сербскаго Стефана Душана. Карлъ IV, вѣрный сынъ римской церкви, охотно взялся помочь имъ въ этомъ дѣлѣ. Съ этой цѣлью онъ старался показать сербамъ и остальному восточному христіанству, что и римская церковь не совсѣмъ чужда того права, которымъ они дорожили болѣе всего,— богослуженія на національномъ языкѣ. Онъ старался показать имъ, напримѣръ, что обряды римской церкви и повиновеніе папѣ вполнѣ совмѣстимы съ ихъ обычаями и привычками.

Еммаусскій монастырь въ Чехіи долженъ былъ служить этимъ примѣромъ. Съ позволенія папы Климента VI, въ немъ поселены были славянскіе монахи изъ Далмаціи, Хорваціи и Босніи, слѣдовательно изъ мѣстъ, населенныхъ сербами. Имъ позволено было отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ и употреблять въ письмѣ глаголитскую азбуку. Карлъ покровительствовалъ новому монастырю всѣми способами и подарилъ ему между

прочимъ одинъ изъ послѣднихъ памятниковъ славянскаго богослуженія, рукопись евангелія, написанную св. Прокопомъ, игуменомъ Сазавскаго монастыря, въ XI в. Если видѣть въ основаніи этого монастыря побѣду православно-народныхъ преданій въ Чехіи, какъ утверждаютъ одни, то поведеніе Карла теряетъ для насъ всякій смыслъ и значеніе. Тогда слѣдовало бы принять что-либо изъ двухъ: или что императоръ не былъ искреннимъ католикомъ и въ-тайнѣ велъ оппозицію противъ Рима; или же что онъ не понималъ самъ значенія своей мѣры. Но мы знаемъ Карла на-столько, что не можемъ допустить ни того, ни другаго. Свою преданность католицизму и Риму онъ заявлялъ на каждомъ шагу, а его тонкое знаніе всѣхъ отношеній, какъ политическихъ такъ и церковныхъ, не могло скрыть для него значенія подобной мѣры. Поведеніе Карла, въ этомъ случаѣ, можетъ для насъ разъясниться только тогда, если мы не будемъ отрицать его дѣятельнаго участія въ пропагандѣ Рима. Его сношенія съ сербскимъ царемъ Стефаномъ Душаномъ могутъ послужить намъ, въ этомъ отношеніи, лучшими доказательствами. Карлъ IV никогда не терялъ изъ виду могущественнаго повелителя сербовъ, и постоянно силился склонить его на сторону римской церкви. Стефанъ Душанъ, изъ политическихъ видовъ былъ не совсѣмъ прочь отъ уніи, или по крайней мѣрѣ принималъ видъ, что желаетъ ея. Карлъ, съ своей стороны, не щадилъ лести и пышныхъ обѣщаній, чтобы только укрѣпить серба въ его намѣреніи. Онъ не забылъ даже дѣйствовать на его народную гордость. Отправляясь на коронацію въ Римъ, онъ писалъ ему изъ Пизы письмо, въ которомъ выражалъ увѣренность, что скоро они оба (т. е. Карлъ и Душанъ), славянскіе соплеменники по языку и народности, вступятъ во владѣніе одинъ западною, другой восточною имперіею. Какъ мы видѣли, Карлъ не оставался

даже при однихъ словахъ и увѣреніяхъ: на дѣлѣ старался онъ показать возможность примиренія востока и запада, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сближенія чеховъ съ славянами юго-восточными. Что примиреніе ихъ въ-сущности должно было быть подчиненіемъ восточной церкви римской, что славянскіе обряды еммаусскаго монастыря были скорѣе пустою приманкою, нежели первымъ шагомъ къ искреннему соединенію, что самъ Карлъ хорошо понималъ и зналъ въ чемъ дѣло, въ такихъ вещахъ можетъ сомнѣваться лишь тотъ, кто мало знакомъ съ католицизмомъ и его пропагандскими ухищреніями. На этотъ разъ стремленія католицизма не удались и даже скорѣе повредили ему, нежели принесли пользу. Какъ папа, такъ и императоръ ошиблись насчетъ Чехіи. Они забыли, что и въ этой странѣ когда-то господствовала та-же восточная церковь, и что, не смотря на всѣ усилія католицизма, преданія ея и обычаи не совсѣмъ забыты народомъ. Въ такой странѣ, среди такого народа задумали они играть въ опасную игру славянскихъ обрядовъ и народнаго богослуженія; отсюда они захотѣли завлекать и пропагандировать другихъ сыновъ восточной церкви. Римъ, какъ случилось это послѣ, работалъ тутъ на свою гибель. Самъ не замѣчая того, возращалъ онъ оппозицію своему господству въ странѣ и подготовлялъ хорошій матеріалъ для будущаго пожара. Съ славянскимъ монастыремъ Карла IV случилось то-же самое, что и съ его университетомъ. Какъ то такъ и другое учрежденіе, по мысли основателя, должны были служить цѣлямъ католической іерархіи; но вскорѣ они оба сдѣлались орудіемъ въ рукахъ чешской народности. Чешскій народный духъ сохранилъ въ себѣ еще настолько силы и энергіи, что безъ труда отстранялъ изъ своего организма все чуждое и вредное, перерабатывая и обращая въ свою пользу все жизненное и благотворное по самому принципу.

Эта сила[1], эта живучесть народности чешской, это инстинктивное умѣнье ея ухватиться за всякій выгодный случай—нигдѣ, можетъ быть, не поражаетъ насъ такъ, какъ при основаніи Карломъ новаго пражскаго города. Событіе это знаменательно для насъ не потому, чтобы мы придавали слишкомъ большое значеніе увеличенію и украшенію какого-нибудь города, хотя-бы и самой Праги. Прибавленіе нѣсколькихъ новыхъ улицъ и домовъ къ старой столицѣ не можетъ имѣть значенія въ жизни народа. Заложеніе новаго города пражскаго важно не въ матеріальномъ отношеніи. Значеніе его заключается въ томъ, что если основаніе всѣхъ прежнихъ городовъ влекло за собою обыкновенно усиленіе нѣмецкаго элемента въ странѣ, то это, напротивъ, впервые внесло народную стихію въ самый городовый бытъ. Старый городъ Прага, проникнутый насквозь чужеземщиною, былъ теперь охваченъ и окруженъ, со всѣхъ сторонъ, новымъ, жители котораго, по преимуществу чехи, съ самаго начала обнаружили въ средѣ своей народныя стремленія. Стремленія эти проникли со временемъ не только въ старую Прагу, но и почти во всѣ чешскіе города и новсюду произвели волненія и борьбу между обѣими народностями.

Карлу IV не суждено было видѣть начала этой борьбы. При немъ только сложились и организовались окончательно враждебные элементы въ Чехіи, столкновеніе же ихъ воспослѣдовало только при сынѣ его, Вацлавѣ IV. Эпоха Карла имѣетъ во всякомъ случаѣ великое значеніе въ исторіи Чехіи; только не надобно смотрѣть на нее, какъ на время высшаго процвѣтанія и славы, какъ на періодъ, законченный и округленный въ самомъ себѣ. Нельзя отрицать у этого времени ни внѣшняго блеска, ни бо-

гатства внутренняго содержанія. Высокое положеніе Чехіи въ кругу остальныхъ европейскихъ державъ при Карлѣ IV, замѣтное оживленіе и поднятіе національнаго духа при немъ, основаніе университета, вскорѣ сдѣлавшагося ученымъ средоточіемъ всей серединной Европы, изданіе новыхъ законовъ и утвержденіе порядка въ странѣ, основаніе новыхъ городовъ, развитіе торговли, ремеселъ и искусствъ, все это факты—высоко ставящіе правленіе Карла IV въ ряду всѣхъ его предшественниковъ и преемниковъ на чешскомъ тронѣ. Эти событія, разсматриваемыя въ своей совокупности и взаимнодѣйствіи, даютъ эпохѣ Карла свой особый характеръ и внѣшнюю законченность. На основаніи ихъ однихъ, можно говорить объ ней, какъ о чемъ-то самостоятельномъ и цѣлостномъ. Другое дѣло, если мы взглянемъ на внутренній смыслъ и содержаніе этихъ событій, на то вліяніе разнородныхъ началъ и принциповъ, которое выразилось въ нихъ. Этихъ началъ эпоха Карла не создавала и не могла создать. Элементы чешскій и нѣмецкій, римское религіозное начало съ своею исключительностью, восточно-христіанскій элементъ съ своею скрытною оппозиціею — существовали и боролись еще задолго до нея въ странѣ. Она приняла эти противоположности отъ предшествовавшаго періода, развила и видоизмѣнила ихъ до извѣстной степени и передала ихъ послѣдующему поколѣнію на окончательное рѣшеніе. Во всѣхъ отношеніяхъ носитъ она на себѣ характеръ перехода, подготовки къ будущему. Всюду замѣтно въ ней колебаніе, неустановившіяся еще отношенія, неясность цѣли и отсутствіе собственныхъ результатовъ. Самыя дѣйствія короля не лишены какой-то двойственности. То дѣйствуетъ онъ, какъ-будто съ сознаніемъ, на пользу народности, то увлекается противуположными стремленіями, то, самъ того не замѣчая, дѣлаетъ ей важныя уступки. Національныя и религі-

озныя противоположности еще не высказываются явно; но въ тиши онѣ собираютъ уже свои силы и готовятся къ борьбѣ.

Императоръ Карлъ IV скончался въ самую роковую минуту не только для Чехіи, но и вообще для всего западно-католическаго міра. Еще въ послѣдніе годы его жизни, поразительнымъ образомъ, начала выходить наружу порча, разъѣдавшая всѣ отношенія средневѣковой церкви и государства. Идея единства, олицетворенная средними вѣками въ папской и императорской власти, начала замѣтно ослабѣвать и теряться изъ сознанія. Два центра, сосредоточивавшіе вокругъ себя всѣ западные народы, начали терять свою притягательную силу; а разложеніе этихъ главныхъ формъ средневѣковой жизни необходимо должно было повлечь за собою полное измѣненіе всѣхъ существующихъ отношеній. Разложеніе это началось и обнаружилось не вдругъ: то, что было создано вѣками, не могло пасть въ нѣсколько лѣтъ. Какъ власть римскаго первосвященника, такъ и авторитетъ императора не были дѣломъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, или случайныхъ обстоятельствъ. Они могли возникнуть и развиться лишь потому, что удовлетворяли извѣстнымъ потребностямъ времени. Раздробленная феодальная Европа, незнавшая національнаго единства, нуждалась въ этихъ общихъ, идеальныхъ формахъ теократическаго и монархическаго господства. Для избѣжанія окончательнаго разложенія и слабости, столь опасныхъ для нея въ виду единаго мусульманскаго міра, ей не оставалось другаго средства, какъ это. Но то, что бываетъ существенно необходимымъ въ лѣта безпомощнаго дѣтства и неопытной юности, часто оказывается тяжелымъ и лишнимъ бременемъ во времена зрѣлаго возраста и возмужалости. Внѣшняя, государственная сторона, въ жизни народовъ, обыкновенно развивается и достигаетъ самостоятельнаго значенія скорѣе, нежели внутренняя, ду-

ховная. Свѣтская имперія запада скоро лишилась своей власти и значенія надъ умами народовъ; и папство, болѣе всего способствовавшее ея паденію, должно было также послѣдовать за нею. Народы начали колебаться въ своей вѣрности къ римскому престолу, какъ только замѣтили, что отъ него трудно ожидать чего-либо другаго, кромѣ рабства и затемненія. Борьба папъ, съ послѣдними императорами швабскаго дома, ясно показала свѣту, къ какимъ цѣлямъ стремился Римъ и какія средства употреблялъ онъ для достиженія ихъ[1]. Папы побѣдили въ этой борьбѣ не потому, чтобы они превосходили своихъ противниковъ благородствомъ и личными качествами, не потому, чтобы народы ясно сознавали ихъ цѣль всемірнаго господства; а лишь потому, что могли опереться на исконную, національную вражду итальянцевъ къ нѣмцамъ, и на несогласіе и безпорядокъ въ самой Германіи. Но это торжество было послѣднимъ для папъ, или, лучше сказать, оно было для нихъ хуже самаго пораженія. Духовная власть употребляла въ этой борьбѣ такія средства и пользовалась такими орудіями, которыя не могли не заклеймить ее позоромъ въ глазахъ цѣлаго христіанства. Не довольствуясь своимъ духовнымъ оружіемъ, она собирала, подъ знамя св. Петра, шайки разбойниковъ и убійцъ; презирала интересами Св. Земли для своихъ своекорыстныхъ цѣлей, открыто повелѣвала нѣмецкимъ князьямъ и народу измѣнить своему государю. Она посягнула на священныя отношенія дѣтей къ отцу и слугъ къ господину, она отнимала земли, непринадлежавшія ей, и отдавала ихъ въ ленъ отъ себя, не брезгала ни ядомъ, ни кинжаломъ,

---

[1] Лучшимъ изложеніемъ этой борьбы все-таки остается классическое сочиненіе *Раумера:* Geschichte des Hohenstaufen und ihrer Zeit.

ни подкупомъ и навѣки запятнала себя кровью невинной отрасли благороднѣйшаго и славнѣйшаго рода въ Европѣ. Если такія средства доставили папству временное торжество, то и усилія его противниковъ, на первый разъ, по видимому, безплодныя, также не пропали даромъ. Гогенштауфены, въ своемъ противудѣйствіи Риму, не ограничились одними матеріальными орудіями и силою; они старались оперетъся уже на общественное мнѣніе и поразить противника его-же орудіемъ. Теоріи всемірной власти папства они противопоставили такую-же теорію власти императорской; каноническому праву, съ его поддѣльными декреталіями — право римское; нищенствующимъ монахамъ, этой фанатической арміи Рима, столь-же фанатическихъ агитаторовъ, оспаривавшихъ у папъ господство, на ихъ-же собственномъ церковномъ поприщѣ. Они пытались уже дѣйствовать на папъ орудіемъ просвѣщенія, и старались, хотя напрасно, возбудить въ подчиненныхъ имъ народахъ чувство національной гордости и сознаніе униженія, причиняемаго имъ Римомъ. Усилія эти не удались лишь потому, что умы не были еще подготовлены, но все-таки сѣмена оппозиціи пали не на совсѣмъ безплодную почву. Новыя понятія, развившіяся въ этой борьбѣ, не могли уже быть истреблены никакимъ проклятіемъ, никакимъ интердиктомъ. Въ то время, какъ Римъ упивался своимъ торжествомъ и не считалъ уже болѣе нужнымъ скрывать свои притязанія и безнравственность, умы народовъ и правителей отвращались все болѣе и болѣе отъ него. Папы какъ-будто не замѣчали, что все вокругъ нихъ измѣняется и принимаетъ угрожающее положеніе, хотя и не было недостатка въ симптомахъ приближающейся опасности. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ ихъ, въ Сициліи, народъ открыто и съ успѣхомъ защищалъ свое право противъ ихъ буллъ и крестоносцевъ; великій гибеллинъ Данте безпощадно громилъ его

притязанія и разврат, низвергал намѣстниковъ св. Петра въ адъ и открыто объявлялъ источникомъ всѣхъ золъ свѣтское господство папъ. Въ то-же время, впервые началъ проникать, въ умы западныхъ европейцевъ, духъ изслѣдованія и научнаго противодѣйствія. Хаотическій безпорядокъ въ понятіяхъ о правѣ началъ уступать мѣсто строгому разграниченію и систематизаціи. Юристы перестали смѣшивать католическое право съ гражданскимъ и государственнымъ. Начали утверждать, что церковь и государство имѣютъ свои особыя права и свой отдѣльный кругъ дѣйствій, переступать который, ни та, ни другая, не имѣютъ права [1].

Со всею энергіею возсталъ папа Бонифацій VIII противъ такихъ ученій, еще разъ объявилъ онъ во всеуслышаніе свѣта, что императоръ и короли безусловно подчинены авторитету намѣстника Петра, не только въ духовномъ, но и въ свѣтскомъ отношеніяхъ. Съ изумительною смѣлостью стремился онъ осуществить и поддержать это ученіе повсюду. Всѣ христіанскія государства объявилъ онъ собственностью св. Петра, а ихъ государей вассалами папы; Якову аррагонскому сулилъ онъ Корсику и Сардинію, Фридриху сицилійскому предлагалъ корону Византійской имперіи; Вячеслава чешскаго онъ заставлялъ отказаться отъ правъ своихъ на Венгрію и присуждалъ эту землю сыну неаполитанской королевы Маріи, Карлу Роберту; Генуѣ и Венеціи онъ приказывалъ прекратить свою войну и обратить вниманіе на Св. Землю. Онъ требовалъ претендентовъ на польскій престолъ къ своему суду; предавалъ церковному отлученію

[1] О Бонифаціи у меня было подъ рукою сочиненіе *Друманна*, основанное на строгомъ и безпристрастномъ изслѣдованіи источниковъ: Geschichte Bonifacius des Achten. Въ 2 Т. 1852.

и анаѳемѣ короля датскаго, за оскорбленіе, нанесенное епископу лундскому и примасу Швеціи, Іоанну Гранту; запрещалъ Эдуарду I, королю англійскому, занимать Шотландію, присвоивалъ себѣ посредничество въ англо-французской распрѣ; низлагалъ нѣмецкаго короля Албрехта, называя его измѣнникомъ и убійцею своего государя; запрещалъ Филиппу IV Красивому, королю французскому, облагать податьми духовенство и грозилъ наказаніемъ въ случаѣ упорства. Дѣйствуя такъ, Бонифацій разсчитывалъ на прежнее слѣпое повиновеніе народовъ, на безусловную преданность духовенства, на слабость правителей. Не понимая, что времена Григорія VII и Иннокентія III прошли безвозвратно, онъ хотѣлъ дѣйствовать въ ихъ духѣ и говорить ихъ языкомъ къ народамъ и правителямъ. Рѣшительное противодѣйствіе, встрѣченное со всѣхъ сторонъ, не открыло однако-же глазъ упорному папѣ. Фридрихъ сицилійскій съ презрѣніемъ отвергнулъ его подарокъ, Вячеславъ чешскій не хотѣлъ явиться къ суду его, Венеція и Генуя не спѣшили прекращать своей войны, король датскій не обращалъ вниманія на интердиктъ, Эдуардъ, не спрашивая папы, захватилъ Шотландію, Англія и Франція обошлись и безъ его посредничества, Альбрехтъ отвѣчалъ на вызовъ нападеніемъ на духовныхъ курфирстовъ, Филиппъ Красивый, въ отвѣтъ на буллу *Clericis laicos*, запретилъ вывозъ всѣхъ денегъ въ Римъ.

Такой общій энергическій отпоръ долженъ бы былъ образумить всякаго другаго папу, но только не Бонифаціи VIII. Въ своемъ ослѣпленіи, онъ считалъ единственнымъ источникомъ оппозиціи — упорство и самовластіе государей. Что власть Рима поколеблена уже въ умахъ народовъ, что правители сильны только тѣмъ, что защищаютъ права и интересы своихъ подданныхъ — онъ и не подозрѣвалъ. Неудачи только раздражали его, и онъ

рѣшился разомъ сокрушить своихъ противниковъ въ лицѣ ихъ могущественнѣйшаго представителя — Филиппа Красиваго. Но въ этомъ рѣшительномъ столкновеніи и обнаружилось вполнѣ безсиліе папы. Бонифацій встрѣтилъ въ Филиппѣ такого-же абсолютнаго и безпощаднаго деспота, какимъ былъ онъ самъ, съ тою только разницею, что король далеко превосходилъ его умомъ и хитростью. Борьба была неравная. За Филиппомъ стояла вся французская нація, оскорбленная притязаніями папы, его поддерживало и галликанское духовенство, всегда стремившееся къ извѣстной самостоятельности отъ Рима; на сторонѣ Бонифація были только его церковные громы, которыхъ никто уже не боялся, да безсильныя ухищренія его куріи. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ, но Филиппъ оставался неуязвимъ за щитомъ французскаго народа. Легко отражая нападенія Бонифація, онъ наносилъ ему рану за раною. Бонифацій запретилъ духовенству давать королю подати, Филиппъ не позволилъ вывозить деньги въ Римъ. Бонифацій требовалъ прекращенія фландрской войны, ради Святой Земли; Филиппъ подъ тѣмъ-же предлогомъ заключилъ союзъ съ врагомъ папы, Альбрехтомъ нѣмецкимъ. Бонифацій требовалъ десятины для крестоваго похода, Филиппъ собиралъ ее себѣ для той-же цѣли. Папа опирался въ своихъ притязаніяхъ на библію, король также съумѣлъ пользоваться этимъ орудіемъ; папа созывалъ соборъ для суда надъ Филиппомъ, а король требовалъ также собора для суда надъ папою. Бонифацій объявилъ сопротивленіе своей волѣ ересью, Филиппъ назвалъ его притязанія съумасшедшими. Папа предалъ короля проклятію и отдалъ Францію Альбрехту; Филиппъ обвинилъ его на парижскомъ сеймѣ, 1303 года, въ ереси и развратѣ, и приказалъ своимъ наемникамъ схватить его въ Ананьи.

Паденіе Бонифація VIII было первымъ глубокимъ униженіемъ

папства, первою рѣшительною побѣдою свѣтской власти надъ его притязаніями. Въ его лицѣ Римъ пожалъ первые, горькіе плоды своихъ преступленій и злодѣяній; изъ рукъ холоднаго, жестокаго деспота принялъ онъ справедливое возмездіе за истребленіе благородныхъ Гогенштауфеновъ. Но пораженіе это было только началомъ другихъ, несравненно болѣе тяжелыхъ. Оппозиція, низвергнувшая Бонифація, исходила еще изъ чисто политическихъ мотивовъ; она не шла противъ духовной власти и авторитета папы. Народъ не принималъ въ ней еще сильнаго участія, она носила на себѣ тотъ-же характеръ, какъ и всѣ прежнія столкновенія свѣтской и духовной власти; но тѣмъ не менѣе, въ своихъ послѣдствіяхъ, она скоро повлекла за собою и оппозицію другаго рода.

Филиппъ преслѣдовалъ Бонифація и въ самой могилѣ. Онъ требовалъ его осужденія и отъ папы и отъ собора. Для избѣжанія такого позора, папа Климентъ V дѣлалъ королю всевозможныя уступки, перенесъ даже свою резиденцію изъ Рима въ Авиньонъ и тѣмъ отдалъ себя и свою курію въ распоряженіе французскаго двора. Послѣдствія этого шага были неизчислимы. Безчисленныя преданія, соединенныя съ вѣчнымъ городомъ на Тибрѣ, были разомъ вырваны имъ изъ умовъ. Высокомѣрная теорія всемірнаго владычества папъ пришла въ самый жалкій контрастъ съ ихъ добровольною, но тѣмъ болѣе постыдною, зависимостью отъ французскаго двора. Авиньонская курія, сдѣлавшись поприщемъ пышной и развратной придворной жизни, перестала быть защитницею и покровительницею духовенства. Она выпустила изъ своихъ рукъ управленіе наслѣдіемъ св. Петра, но высасывала въ то-же время все христіанство своими поборами и финансовыми спекуляціями. Передъ французскимъ королемъ и вельможами, она унижалась до степени послѣдняго лакейства,

другимъ же государямъ осмѣливалась грозить, по прежнему, проклятіемъ и отлученіемъ. Такой нравственный упадокъ и извращеніе папства не замедлили вызвать противъ него оппозицію съ другой стороны.

Императоръ нѣмецкій Людвигъ баварскій смѣло вступилъ въ борьбу съ папою и аппелировалъ, отъ его приговора, къ рѣшенію вселенскаго собора. Въ своемъ стремленіи, онъ не остался одинокимъ, подобно прежнимъ императорамъ. Нѣмецкіе курфирсты стали на его сторонѣ и прямо объявили папѣ, что право избранія римскаго короля принадлежитъ исключительно имъ, и что онъ, папа, не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Германіи. Но не одни курфирсты и свѣтскіе князья придали своимъ протестомъ вѣсъ оппозиціи. Она заключала въ себѣ и другіе элементы, несравненно опаснѣйшіе для папы. Въ рядахъ ея были и нищенствующіе монахи, минориты или францисканцы. Духъ времени успѣлъ заразить и этихъ вѣрныхъ орудій папскаго произвола. Основывая ордена, принципомъ которыхъ было рѣшительное отреченіе не только отъ всякаго имѣнія, но и вообще отъ собственности, папы упустили изъ виду, въ какомъ противорѣчіи находились подобныя учрежденія съ свѣтскою властью и богатыми владѣніями какъ ихъ самихъ, такъ и остальнаго духовенства. Минориты скоро развили начало своего ордена до самыхъ крайнихъ результатовъ. Они начали утверждать, что они одни суть единственные наслѣдники Христа. Какъ и Христосъ и его Апостолы не имѣли никакой собственности, точно такъ и они, минориты, отказываются рѣшительно отъ нея. Они могутъ пользоваться только фактически, изъ милости, какими-нибудь имуществами; право же владѣть ими никогда не можетъ принадлежать имъ. Преемники Целестина V, основателя ордена, вскорѣ замѣтили опасныя послѣдствія подобнаго ученія,

и преслѣдовали его крайнихъ приверженцевъ, какъ еретиковъ. Но минориты не думали подчиняться приказаніямъ папъ; они объявили единственнымъ основаніемъ своего ученія Евангеліе, и аппелировали отъ папы къ будущему вселенскому собору. Когда папа Іоаннъ XXII снова отвергнулъ ихъ ученіе, то они обвинили его самого въ ереси и отдались подъ защиту императора Людвига баварскаго. Минориты вредили папѣ, своею ученою, полемическою дѣятельностью, несравненно сильнѣе свѣтскаго оружія императора. Подъ ихъ вліяніемъ начали теперь изслѣдовать происхожденіе и права папской власти. Одинъ смѣлый мыслитель, сочинитель трактата „*Defensor pacis*“ [1], посвященнаго Людовику, ссылался прямо на св. писаніе и выводилъ изъ него самые смѣлые результаты. Слабость оппозиціи, и на этотъ разъ, заключалась въ томъ, что происхожденіе ея было чисто внѣшнее, и что нѣсколько ученыхъ и монаховъ все-таки не могли поколебать власти и авторитета Рима. Папы и на этотъ разъ успѣли разстроить планы противниковъ. Они съумѣли посѣять раздоръ между Людвигомъ и его союзниками, побудить нѣмецкихъ князей къ избранію другаго короля и тѣмъ самымъ обезопасить со стороны Германіи. Еще легче успѣли они расправиться съ учеными миноритами. Оставленные слабымъ императоромъ, они вскорѣ почувствовали всю тяжесть папскаго гнѣва. Цѣлыми сотнями посылалъ ихъ папа Бенедиктъ XII (1334 — 1346) на костеръ, и кровью еретиковъ залилъ искры тлѣющей оппозиціи.

Римъ самъ готовилъ себѣ паденіе. Еще не успѣла затихнуть буря, поднятая противъ него Людовикомъ баварскимъ, едва начала окрѣпать іерархія, въ союзѣ съ новымъ дружественнымъ ей

---

[1] Имя сочинителя этого трактата въ точности неизвѣстно: одни приписываютъ его Марзиліо падуанскому, другіе Іоанну de Iandunо.

императоромъ Карломъ IV; какъ уже начался, виною самихъ папъ и кардиналовъ, такъ называемый великій сорокалѣтній расколъ. Если пребываніе папъ въ Авиньонѣ и ихъ постыдная зависимость отъ французскаго двора не мало уронили авторитетъ ихъ въ глазахъ христіанства, то великій расколъ, усобица между папами авиньонскимъ и римскимъ, окончательно разсѣяли ореолъ, окружавшій главу римскаго первосвященника, и произвели неслыханное броженіе во всемъ католическомъ мірѣ.

Изъ этого броженія выдѣлилась мало по малу сознательная и систематическая оппозиція существующему порядку вещей. Но оппозиція выразилась не одинаково. Западный европейскій міръ, не смотря на свое общее внѣшнее свойство, заключалъ въ себѣ столько разнообразныхъ элементовъ, что желанія и требованія улучшеній не могли выказаться иначе, какъ въ самыхъ различныхъ формахъ. Тогда-какъ одни хлопотали только о прекращеніи раскола и возстановленіи единаго папства, другіе соединяли вмѣстѣ съ тѣмъ требованія преобразованія церкви, во главѣ и въ членахъ. Еще болѣе расходились мнѣнія относительно тѣхъ путей и средствъ, которыми можно было достигнуть послѣдней цѣли, т. е. реформы. Одни хотѣли добиваться ея обыкновеннымъ путемъ, посредствомъ самого папы и кардиналовъ; другіе настаивали на проведеніи ея, хотя законнымъ, но все-таки чрезвычайнымъ путемъ вселенскаго собора; третьи, наконецъ, хотѣли реформаціи народной, преобразованія помимо законнаго авторитета церкви, и даже вопреки ему. Для насъ чрезвычайно важно разсмотрѣть какъ составъ этихъ требованій, такъ и пути, избранные для осуществленія ихъ. Это разсмотрѣніе ясно покажетъ намъ—въ какой связи находилось частное чешское движеніе съ этимъ обще-европейскимъ, въ чемъ оно зависѣло отъ него и на сколько было въ немъ самостоятельной силы. Но прежде, нежели

приступимъ къ характеристикѣ движенія, необходимо посмотрѣть на его источникъ и причины. Этого источника нельзя искать въ одномъ несоотвѣтствіи притязаній папства съ понятіями времени. Несоотвѣтствіе это еще не было такъ рѣзко, какъ думаютъ. Папство не потеряло еще вовсе своей власти надъ умами, его идея не успѣла еще утратиться изъ сознанія народныхъ массъ. Массы не отталкивались еще отъ престола св. Петра его чрезмѣрными притязаніями; ихъ приводила только въ смущеніе и негодованіе его безнравственность. Безнравственность и злоупотребленія, какъ самого папы, такъ и остальнаго духовенства—вотъ что было главнымъ источникомъ оппозиціи. Безнравственность эта существовала и въ прежніе вѣка, но въ своей отвратительнѣйшей формѣ она проявилась въ концѣ XIII и началѣ XIV в. Усиленію ея способствовало самое увеличеніе и расширеніе папской власти. Какъ только Римъ присвоилъ себѣ право назначать епископовъ и раздавать всевозможныя бенефиціи, то тотчасъ же была убита всякая самостоятельная церковная жизнь въ католическихъ странахъ. Всѣ попытки мѣстныхъ улучшеній--строгій епископскій надзоръ за низшимъ духовенствомъ и монастырями, провинціальные соборы, дѣлавшіе такъ много хорошаго въ прежнее время, сдѣлались теперь невозможными. Все стало теперь непосредственно зависѣть отъ папскаго произвола, и если было худо въ Римѣ и въ Авиньонѣ, то должно было быть худо и вездѣ. Папская курія, со времени своего переведенія въ Авиньонъ, съ особенною любовью начала заниматься изобрѣтеніемъ новыхъ источниковъ доходовъ и поборовъ. Не считая нужнымъ дожидаться упраздненія епископскихъ каѳедръ и другихъ бенефицій, она начала раздавать ихъ, за хорошія деньги, еще и при жизни ихъ прежнихъ обладателей. Такая чрезвычайная раздача мѣстъ скоро такъ усилилась, что изъ 30 какихъ-нибудь пребендъ

едва 2 раздавались по старому обычаю. При такихъ отношеніяхъ, симонія и продажность достигли своей высшей степени. Іуда продалъ Христа за 30 сребренниковъ (слова современнаго писателя) только одинъ разъ, а теперь представители церкви продаютъ его по сту разъ на день и не за 30, а за 100 и 1000 сребренниковъ [1]. Высшихъ духовныхъ называли тогда — non Prælati, sed Pilati, и говорили, что они ловятъ въ свои сѣти не души, а кошельки. Низшее же духовенство открыто извиняло себя примѣромъ высшаго, говоря, что оно не можетъ отдавать даромъ того, что купило само за деньги. Папа собиралъ отъ подчиненныхъ своихъ деньги подъ всевозможными предлогами. Отъ каждой, вновь отдаваемой бенефиціи, они получали половину доходовъ за первый годъ. Этотъ источникъ, при громадномъ количествѣ бенефицій и при частой ихъ смѣнѣ, былъ чрезвычайно обиленъ. Папа Іоаннъ XXII преимущественно изъ него собралъ такую массу денегъ, что, послѣ его смерти, насчитывали въ папской казнѣ 18 милліоновъ золотыхъ монетъ и на семь милліоновъ драгоцѣнныхъ вещей. Подать эта, тяжелая сама по себѣ, становилась еще несноснѣе отъ способа взыманія. Папы обыкновенно поручали собирать ее наемнымъ агентамъ, людямъ грубымъ и невѣжественнымъ. Агентамъ этимъ давалось самое широкое полномочіе: всякое замедленіе, всякую задержку могли они наказывать клятвою и отлученіемъ; своею грубостью и дерзкими притязаніями, они равно оскорбляли какъ высшее, такъ и нисшее духовенство.

Другимъ богатымъ источникомъ папскихъ доходовъ были индульгенціи, или отпуски. Отпуски эти давались прежде лишь тѣмъ, кто предпринималъ путешествіе въ Св. Землю или участвовалъ въ

---

[1] Эту цитату мы заимствуемъ у *Гельферта*, 10 стр.

какомъ-нибудь предпріятіи противъ враговъ христіанства. Таки-ми врагами, впрочемъ, считались не одни язычники и магометане, но и сами католики, провинившіеся чѣмъ бы то ни было противъ папы. Бонифацію VIII принадлежитъ честь изобрѣтенія новаго рода индульгенцій: 1300 годъ онъ объявилъ юбилейнымъ годомъ, и обѣщалъ полное прощеніе грѣховъ всѣмъ, кто прійдетъ въ этотъ годъ въ Римъ помолиться у гроба св. апостоловъ [1]. Дружно откликнулась католическая Европа на призывъ папы. Болѣе 2-хъ милліоновъ народа стеклось со всѣхъ сторонъ въ вѣчный городъ. Жители едва успѣвали доставлять квартиры и съѣстные припасы поклонникамъ, папская казна наполнилась подаяніями бѣдныхъ и богатыхъ. Однихъ грошевыхъ подаяній отъ бѣдняковъ, дававшихъ лишь мѣдь, собрали болѣе 50,000 золотыхъ гульденовъ [2]. Примѣръ Бонифація не остался безъ подражанія; наслѣдники его спѣшили воспользоваться богатымъ рудникомъ. Авиньонскіе папы разсудили, что слишкомъ долго дожидать столѣтняго срока и рѣшились уменьшить его. Климентъ VI объявилъ, что столѣтній срокъ не выгоденъ уже потому, что человѣческая жизнь коротка и рѣдко кто можетъ дождаться его; на этомъ основаніи, онъ назначилъ юбилей чрезъ каждыя 50 лѣтъ. Урбанъ VI придумалъ новый предлогъ для сокращенія юбилея: онъ ограничилъ его срокъ 33 годами, временемъ земной жизни Спасителя. Позже, папы спустились и

[1] Подробности см. у *Друмана*, Bonifaicus der Achte. T. 2, с. 247 и слѣд. Тамъ-же указаны и источники.

[2] *Тости*, бенедиктинецъ, издавшій въ послѣдне время жизнеописаніе Бонифація VIII, силится доказать, что всего сбору было не болѣе 80,000 гульд.; но это находится въ явномъ противорѣчіи съ современными свидѣтельствами у *Виллани*, *Вентуры* и *Райнольда*, 1300 г.

до 25 лѣтъ; для того, чтобы облегчить вѣрующихъ, другими словами—чтобы собрать побольше денегъ, они позволили праздновать юбилеи и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Рима, съ соблюденіемъ тѣхъ-же обрядовъ и съ тѣми-же денежными поборами. Само собою понятно, что папская казна, кромѣ этихъ главныхъ доходовъ, собирала еще и множество другихъ, правда, менѣе видныхъ, но тѣмъ не менѣе обильныхъ. За одни разрѣшенія (dispensatio) по брачнымъ дѣламъ она получала каждый годъ порядочныя суммы. Столь-же прибыльны были и разрѣшенія поступать до извѣстнаго, узаконеннаго возраста въ монашескій и вообще духовный санъ. По произволу освобождалъ папа аббатства и монастыри изъ-подъ епископской власти и бралъ за это большія суммы. Множество вакантныхъ бенефицій раздавалъ онъ на поддержку своимъ кардиналамъ и другимъ клевретамъ; соединялъ и раздѣлялъ за деньги епископства и другія бенефиціи. Жалобы и процессы, при папскомъ дворѣ, доставляли неистощимые доходы его канцеляріямъ. Все можно было достать въ Авиньонѣ за деньги. Процессы тянулись по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ, и выигрывала обыкновенно сторона, платившая болѣе[1]. Доходы, стекавшіеся такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ въ Авиньонъ, растрачивались папскимъ дворомъ на неимовѣрно пышную и развратную жизнь. Какого рода была эта жизнь, можно судить по второй новеллѣ перваго дня Decamerone *Бокаччіо*.

Епископы и прелаты не уступали папѣ въ жадности къ день-

[1] Объ этихъ разнообразныхъ доходахъ можно составить себѣ понятіе изъ конкордатовъ, заключенныхъ папою Мартиномъ V на констанцскомъ соборѣ съ европейскими націями. Они напечатаны въ извѣстномъ сборникѣ *Фонъ-де-Горста*. Въ извлеченіи читаемъ ихъ у *Ашбаха*—Geschichte des römischen Kaisers Sigmund. Во 2 томѣ.

гамъ, въ роскоши и развратѣ; многочисленныя современныя свидѣтельства потверждаютъ этотъ фактъ. Ученый доминиканецъ *Викентій Ферреръ* упрекаетъ большую часть епископовъ своего времени въ пустомъ высокомѣріи, роскоши и нравственномъ ничтожествѣ; называетъ ихъ развратниками и ростовщиками; говоритъ, что они обратили все вниманіе свое къ земнымъ предметамъ и измѣряютъ достоинство своего церковнаго сана величиною доходовъ. „Мало заботятся они о своихъ церквахъ, мало ходятъ къ тѣмъ, кто даетъ мало, не имѣютъ ни любви къ Богу, ни стыда, не чтутъ ни мессы, ни проповѣди и подаютъ великій соблазнъ всѣмъ". „Теперешніе наши епископы, жалуется оснабрюкскій епископъ Өедоръ Вріе, ведутъ себя, какъ большіе господа: ѣдятъ и пьютъ не трудясь, считаютъ роскошь и гордость набожностью, заботятся о наполненіи своихъ житницъ и бочекъ, строятъ себѣ великолѣпные дворцы".

На епископскія и духовныя мѣста давно уже стали смотрѣть, какъ на источникъ хорошихъ доходовъ и какъ на средство пріобрѣсть вліяніе на государственныя дѣла. Путь къ нимъ открывали не набожность, не богословская ученость и нравственная жизнь, а знатное происхожденіе и деньги. Всѣ епископства, аббатства и каноникаты сдѣлались исключительнымъ достояніемъ младшихъ сыновей знатныхъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Во многихъ монастыряхъ и соборахъ существовали формальныя положенія, воспрещавшія доступъ, ко всѣмъ лучшимъ и вліятельнѣйшимъ мѣстамъ, всѣмъ людямъ не дворянскаго происхожденія. Знатные дворянчики, графскіе и княжескіе сыновья, чуть не въ пеленкахъ, назначались уже на высшія духовныя должности. Часто епископомъ какой-нибудь важной діоцезы бывалъ несовершеннолѣтній мальчикъ, неумѣвшій ни читать, ни писать. Что подобнымъ молодымъ, веселымъ господамъ не могло идти на умъ строгое испол-

неніе обязанностей епископскаго сана, наблюденіе надъ образомъ жизни и нравами какъ низшаго духовенства, такъ и міранъ — понятно само собою. У нихъ были другія болѣе пріятныя и легкія занятія и развлеченія. Они любили больше пировать при княжескихъ дворахъ, нежели сидѣть въ своей резиденціи и заниматься исполненіемъ обязанностей своего сана. На упреки за несоблюденіе резиденціи, они оправдывались примѣромъ самого папы.

Папы не рѣдко запрашивали подчиненныхъ своихъ епископовъ, что дѣлають они вдали отъ своей діоцезы? „А что дѣлаетъ ваше святѣйшество въ Авиньонѣ, такъ далеко отъ наслѣдія св. Петра“ — бывало имъ отвѣтомъ въ подобныхъ случаяхъ. Не больше впрочемъ было толку отъ подобныхъ епископовъ, если они и оставались въ своихъ діоцезахъ. И тутъ они тратили время — въ веселыхъ пирушкахъ, въ соколиныхъ и другихъ охотахъ, въ любовныхъ интригахъ, въ игрѣ въ кости, въ рыцарскихъ турнирахъ и забавахъ, въ спорахъ съ сосѣдними владѣльцами. Положеніе дѣлъ было таково, что и благонамѣреннымъ духовнымъ трудно было посвящать себя исключительно своему религіозному призванію и удерживаться отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, въ политику. Ихъ понуждало къ этому само основное устройство католической церкви. Церковь эта никогда не ставила своею главною цѣлью истинно-религіозную жизнь. Стремясь къ господству какъ въ религіи, такъ и въ государствѣ, она старалась пріобрѣсти для своихъ членовъ какъ можно болѣе собственности и феодальныхъ привилегій. Не одинъ папа былъ въ одно и то-же время свѣтскимъ и духовнымъ владѣльцемъ: ими были всѣ епископы, аббаты и капитулы. Неестественное, гибельное по самому своему принципу, соединеніе двухъ властей, такъ счастливо избѣгнутое восточною церковью, порождало самыя уродливыя явленія въ католическомъ мірѣ.

Папа, называвшій себя господиномъ и высшимъ сюзереномъ всѣхъ христіанскихъ государей, часто зависѣлъ внутри своей области, подобно другимъ средневѣковымъ правителямъ, отъ произвола нѣсколькихъ феодаловъ, или городскихъ общинъ. Повелитель міра не могъ справиться съ какимъ-нибудь Витербо или Болоньею; намѣстникъ Христа не зналъ куда спастись отъ насилія римскихъ дворянъ и черни. Еще страннѣе и уродливѣе было положеніе епископовъ и другихъ духовныхъ. Завися въ одно время отъ папы и мѣстнаго владѣтеля, они должны были нести повинности тому и другому. Папа требовалъ отъ нихъ аннатовъ, палліума и нерѣдко самой десятины; императоръ и короли призывали ихъ на совѣщанія и сеймы, поручали имъ государственныя должности, требовали отъ нихъ помощи во время войны, какъ вооруженными людьми, такъ и деньгами. Подобной двойственности обязанностей соотвѣтствовала и двойственность правъ. Какъ свѣтскіе владѣльцы, епископы пользовались всѣми правами и привилегіями владѣтельныхъ особъ; какъ прелаты, они предъявляли самыя неограниченныя притязанія. При общей путаницѣ понятій о правѣ, неизбѣжны были столкновенія между свѣтскими и духовными феодалами. Не довольствуясь охраною своихъ правъ, прелаты старались подчинить все своей юрисдикціи. Во Франціи бароны жаловались Филиппу IV, что духовные посвящаютъ въ свой санъ не только дѣтей, но даже и женщинъ, чтобы только расширить кругъ своей юрисдикціи. Что и другія страны не были вовсе чужды подобныхъ стремленій, доказывается между прочимъ и тѣмъ, что въ Чехіи въ 1411 году былъ изданъ строгій законъ противъ перенесенія свѣтскихъ дѣлъ къ духовнымъ судамъ.

Въ монастыряхъ, какъ мужескихъ такъ и женскихъ, господствовалъ духъ лѣности и разврата. Монахи давно уже отказались не только отъ ручныхъ работъ, но даже и отъ ученой

дѣятельности, такъ прославившей ихъ въ прежнее время. Монастырскія библіотеки, скрывавшія въ себѣ драгоцѣннѣйшія сокровища классической древности, гнили въ пыли и сырости старинныхъ башень; знатные аббаты рыскали по цѣлымъ днямъ въ лѣсахъ съ соколомъ на рукѣ, или отправлялись на забавы къ сосѣднимъ князьямъ и епископамъ; монахи убивали межъ-тѣмъ время за кружкою вина и веселыми бесѣдами. Пышными одеждами, роскошною жизнью, развратными привычками—монахи далеко могли оставить за собою любаго мірянина. Строгія правила и постановленія орденовъ были давно уже отброшены въ сторону. Лишь немногіе старались прикрыть, хотя для виду, несоотвѣтствіе своего образа жизни съ данными обѣтами; большинство же какъ-бы щеголяло своимъ буйствомъ и распущенностью. Еще безотраднѣе было положеніе низшаго бѣлаго духовенства: оно все было заражено страшнымъ невѣжествомъ, продажностью и развратомъ. Приходы поручались часто грубымъ, необразованнымъ людямъ, взятымъ прямо отъ плуга, или, что еще хуже, отъ копья. Надзору за ними не было никакого; все попеченіе епископа ограничивалось непомѣрными денежными требованіями. Однимъ словомъ, вся римская церковь прониклась самымъ свѣтскимъ не христіанскимъ духомъ. Ошибочно было бы приписывать подобное явленіе случайнымъ обстоятельствамъ, вліянію отдѣльныхъ личностей. Все развитіе католицизма влекло его неизбѣжно къ этому роковому результату. Съ самаго начала уклонился онъ отъ истинно-христіанскихъ принциповъ, и, забывъ слова Божественнаго Спасителя — „царство мое не отъ міра сего", утвердилъ свое господство на чисто матеріальныхъ, мірскихъ основахъ. То, что было въ началѣ его силою, принесло ему подъконецъ гибель. Приписывая своей церкви божественное основаніе и вѣчность, Римъ соединилъ ее въ то-же время съ чисто

ціркими, а слѣдовательно измѣнчивыми учрежденіями. Онъ вторгнулся въ чуждую церкви область государственную, пользовался для своихъ цѣлей чуждыми средствами, изъ своего духовнаго главы сдѣлалъ главу всего міра, своихъ прелатовъ превратилъ въ феодаловъ и свѣтскихъ князей, христіанское оружіе слова промѣнялъ на матеріальный мечъ. Такое роковое заблужденіе не могло остаться безнаказаннымъ. Церковь, вопреки своему назначенію, вступила въ борьбу за матеріальныя цѣли и вела ее матеріальнымъ оружіемъ; въ такой борьбѣ она необходимо должна была потерпѣть пораженіе. Государство вскорѣ поняло опасность, грозившую ему отъ все-поглощающей ѳеократіи; народы съ негодованіемъ отвернулись отъ духовныхъ, стремившихся поработить ихъ душу и тѣло; порча, поразившая весь организмъ феодализма, не пощадила и феодальной церкви; рука, дерзнувшая, вопреки словамъ Христа, поднять мечъ, пала сама отъ меча.

Жалкое состояніе церкви давно уже возбуждало негодованіе многихъ благомыслящихъ людей; давно уже слышались—жалобы, на усиливающуюся безнравственность духовенства, и требованія реформы. Между самыми авиньонскими папами проявлялись, хотя и изрѣдка, стремленія къ лучшему. Но всеобщее негодованіе и требованія улучшеній должны были обнаружиться несравненно сильнѣе съ началомъ великаго раскола. Вліяніе раскола не только на церковную, но и на общественную и домашнюю жизнь, было въ высшей степени разрушительно. Для того, чтобы понять эти слова, необходимо перенестись въ понятія и отношенія XIV в. Надо вспомнить—какъ громадно и всеобъемлюще было значеніе папства и католической іерархіи вообще; какъ всѣ отношенія государственной и частной жизни проникались и условливались ими; какія безчисленныя нити спутывали ихъ со всѣмъ организмомъ западной Европы. Съ появленіемъ двухъ враждебныхъ, про-

клинавшихъ другъ друга папъ, странное противорѣчивое чувство должно было овладѣть сердцами всѣхъ вѣрующихъ. Душа, жаждавшая услышать отпущеніе изъ устъ истиннаго намѣстника Христа, не знала теперь, куда ей обратиться; во всякомъ вопросѣ жизни, мало-мальски связанномъ съ каноническимъ правомъ, богослуженіемъ и таинствами, она подвергалась опасности, сама не зная того, впасть въ ересь. А что не было связано, въ средніе вѣка, съ религіею и ея правомъ? Какая отрасль жизни ни опредѣлялась, ни регулировалась тогда духовенствомъ? Государство, община и семья нуждались тогда въ подтвержденіи и освященіи церкви; ни одно дѣло, ни одинъ гражданскій и политическій актъ не обходились тогда безъ участія ея; отъ нея зависѣло подтвержденіе всѣхъ новыхъ общинъ и корпорацій, отъ нея раздача ученыхъ степеней и достоинствъ при университетахъ. Церковь проникала собою и условливала всю жизнь и все право западной Европы; неурядица въ церкви необходимо должна была повлечь за собою нурядицу и въ самой жизни. Съ другой стороны, это хаотическое состояніе церкви и общества должно было дать новую силу существовавшимъ уже и прежде оппозиціоннымъ стремленіямъ.

II.

Предшествовавшее изложеніе должно было убѣдить насъ, что какъ папская власть и католицизмъ вообще не были созданіемъ того или другаго народа въ-особенности, такъ точно и оппозиція противъ нихъ не зародилась въ отдѣльной какой-нибудь средѣ, а была скорѣе результатомъ обще-европейскаго развитія. Тѣмъ не менѣе оппозиція эта не могла выражаться повсюду одинаково; вездѣ она должна была условливаться національными и мѣстными особенностями. Отношенія римской церкви къ различнымъ

европейскимъ народностямъ не были одинаковы: съ одними изъ этихъ народностей она успѣла сродниться окончательно; у другихъ, господство ея успѣло утвердиться лишь послѣ продолжительной борьбы; у третьихъ преобладаніе ея было только на поверхности и находилось въ противорѣчіи съ народными преданіями и симпатіями. Скорѣе и охотнѣе всѣхъ католицизмъ былъ принятъ народами романскаго племени. Римская церковь была съ самаго начала для нихъ чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. Болѣе другихъ имѣли они право назвать ее своею. Она утвердила свое господство въ томъ-же вѣчномъ Римѣ, который былъ колыбелью ихъ народнаго существованія, ихъ метрополіею и повелителемъ. Преданія римской церкви тѣсно сплетались для нихъ съ столь дорогими ихъ сердцу преданіями римской имперіи. Чуждое Риму восточное происхожденіе христіанства скрывалось отъ нихъ во мракѣ временъ; апостолы Петръ и Павелъ были для нихъ римляне; католическая вѣра—государственная религія римской имперіи; церковная область—даръ императора Константина. Католицизмъ успѣлъ проникнуть во всѣ романскія земли еще до нашествія варваровъ; народонаселеніе быстро проникнулось имъ, и безъ труда увлекло потомъ за собою горсть германскихъ пришельцевъ, своихъ побѣдителей.

Инымъ путемъ и иными средствами достигла римская церковь значенія и власти у народовъ германскаго племени. Лишь немногіе изъ этихъ народовъ, охотно и въ-слѣдствіе мирной проповѣди, приняли католицизмъ. Иные изъ нихъ, какъ напримѣръ франки, приняли его изъ политическихъ видовъ, для распространенія и укрѣпленія своего господства; инымъ, какъ саксонцамъ, онъ навязанъ былъ силою меча. Римская церковь, при первомъ шагѣ своемъ въ Германіи, обнаружила самыя эгоистическія противо-народныя стремленія. Нѣмецкія епископства поставлены были въ самую строгую зависимость отъ папы, съ самаго начала отнята была у нихъ всякая свобода дѣйствія. Господство рим-

ской куріи и въ-послѣдствіи было для нѣмецкаго народа источникомъ безчисленныхъ бѣдствій и заблужденій. Вовлекая его въ чуждыя ему дѣла и стремленія, льстя ему пустымъ блескомъ императорской короны, она въ то-же время стягивала все крѣпче и крѣпче узлы своего господства, захватила въ свои руки половину поземельной собственности въ Германіи, высасывала своими поборами князей и простой народъ. Что нѣмцы не совсѣмъ терпѣливо сносили иго св. престола, что въ нихъ пробуждалось иногда сознаніе ихъ рабскаго и униженнаго положенія,—яснымъ доказательствомъ тому служитъ почти безпрерывная война между ихъ императорами и папами. Но истинно-народной оппозиціи Риму, въ средніе вѣка, у нѣмцевъ быть не могло, уже по недостатку истинно-національнаго чувства и сознанія въ массахъ. Сопротивленіе отдѣльныхъ личностей ничего не могло значить тамъ, гдѣ массы оставались въ тупомъ равнодушіи. На сторонѣ іерархіи былъ постоянно глубоко обдуманный планъ., ясное сознаніе цѣли и средствъ. Она опиралась на свое вѣковое историческое развитіе, на общественное мнѣніе, на темныя сердечныя потребности индивидуумовъ. Она съумѣла окружить свою всемірную теократію блестящимъ ветхо-завѣтнымъ авторитетомъ; пользуясь невѣжествомъ современниковъ, она находила и въ самомъ новомъ завѣтѣ подтвержденіе своей теоріи. Противники ея не имѣли и не могли имѣть на своей сторонѣ ничего подобнаго. Ихъ противодѣйствіе іерархіи имѣло своимъ источникомъ болѣе политическіе, нежели религіозные интересы. Общественное мнѣніе народа, оторваннаго отъ національныхъ преданій, незнавшаго инаго лучшаго христіанства, кромѣ католицизма, было скорѣе противъ, нежели за нихъ. Борьбу они вели безъ плана, безъ послѣдовательности; то, къ чему стремился всѣми силами одинъ императоръ, отъ того легко и скоро отказывался его преемникъ. На

одной сторонѣ были: сознаніе, послѣдовательность, неуклонное преслѣдованіе одной и той-же цѣли — всемірной теократіи. На другой, все условливалось случайными обстоятельствами и дарованіями отдѣльныхъ личностей.

Совсѣмъ иного рода были отношенія папской іерархіи и католицизма къ народамъ третьяго всемірно-историческаго племени, славянамъ. Народы эти долгое время оставались внѣ круга вліянія римской церкви. Если обстоятельства во многомъ неблагопріятствовали имъ, при ихъ вступленіи на историческое поприще, если у нихъ и отнята была возможность политическаго и религіознаго единства; то, съ другой стороны, судьба была къ нимъ благосклоннѣе, познакомивъ ихъ, еще до враждебнаго столкновенія съ германо-латинскимъ міромъ, съ христіанствомъ восточнымъ. Оставляя въ сторонѣ догматическое превосходство и истинность того и другаго исповѣданія, мы однако-же смѣло можемъ утверждать: что восточная церковь, по своему характеру мирному и кроткому, по преимуществу, чуждому ветхозавѣтныхъ теократическихъ представленій и соединеннаго съ ними стремленія къ свѣтскому господству, не старалась убивать, подобно римской, въ обращенныхъ ею народахъ, самостоятельную духовную жизнь и національное развитіе. Далѣе, восточная церковь чужда была монархико-аристократическихъ тенденцій римской; она не создавала въ средѣ своей привилегированной духовной касты, съ абсолютнымъ, непогрѣшимымъ папою во главѣ; не вырывала глубокой бездны между народомъ и собою, и, напротивъ, повсюду обращалась къ нему на народномъ языкѣ, стремилась слиться съ народомъ, идентидировать свои интересы съ народными. Такая церковь какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала народному характеру и потребностямъ славянскаго племени. Имъ, чуждымъ воинственныхъ наклонностей и стре-

ленія къ образованію громадныхъ, универсальныхъ монархій, никогда не могли импонировать внѣшнее величіе и систематическая стройность римской теократіи. Тогда, какъ воинственные германцы, преемники завоевательныхъ стремленій древняго Рима, невольно изумлялись, падали во прахъ предъ громадною, организующею силою католицизма и стремились создать ей нѣчто подобное, въ своей священной римской имперіи; славяне, мирные, свободные земледѣльцы, лишенные склонности не только къ завоеваніямъ, но даже и къ образованію большихъ государствъ, жившіе общинами и проникнутые демократическимъ духомъ, должны были съ самаго начала отвратиться отъ римской церкви и обратить свои взоры туда, гдѣ христіанство менѣе удалилось отъ своей первоначальной внутренней чистоты; гдѣ духовенство еще болѣе заботилось о внутреннемъ спасеніи и просвѣщеніи душъ, нежели о внѣшнемъ блескѣ и богатствѣ; гдѣ слова божественнаго Основателя религіи — „царство мое не отъ міра сего", имѣли еще какой-нибудь смыслъ. Легко и скоро распространялась византійская проповѣдь между мирными племенами славянъ. Она предлагала имъ христіанское ученіе въ большей чистотѣ, нежели римская, и притомъ несравненно понятнѣе и доступнѣе. Вмѣстѣ съ нею славяне получали два неоцѣненныя сокровища: письменность на родномъ языкѣ и возможность чисто народнаго образованія и развитія. Имъ не пришлось покупать, подобно германцамъ, благодѣтельныхъ даровъ христіанства дорогою цѣною: долговременнаго пренебреженія роднаго языка, изгнанія его изъ высшей сферы человѣческой жизни; временною задержкою и остановкою чисто народнаго развитія. Къ сожалѣнію, восточная церковь не успѣла утвердиться вполнѣ и у всѣхъ славянскихъ народовъ. Вліяніе Рима прервало это благодѣтельное развитіе, а во многихъ племенахъ успѣло даже

искоренить господство враждебной ему церкви. Понимая невозможность бороться съ Византiею путемъ мирной пропаганды, Римъ избралъ и тутъ своимъ орудiемъ матерiальный мечъ. Онъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ нацiональною ненавистью нѣмцевъ и обратилъ ихъ оружiе на непокорныхъ ему славянъ. Ловко пользовался онъ и другими средствами, а прежде всего кореннымъ недостаткомъ самихъ славянъ — ихъ несогласiемъ и склонностью къ разъединенiю. Соединенная сила нѣмецкаго меча и римской политики сломила прежде всего тѣхъ славянъ, которые не захотѣли отказаться отъ своего народнаго языческаго быта. Чехи и моравапе, давно уже просвѣщенные свѣтомъ евангельской истины съ востока, принуждены были также отказаться отъ столь дорогихъ для нихъ нацiональнаго богослуженiя и духовенства и искать спасенiя отъ угрожающей гибели въ принятiи католицизма и вассальномъ подчиненiи нѣмецкой имперiи. Но чуждыя начала, проникшiя такимъ образомъ въ страну, никогда не могли достигнуть въ ней полнаго господства и окончательнаго торжества. Чехи не могли отказаться ни отъ своей народности, ни отъ глубоко вкоренившихся въ нихъ преданiй восточной церкви. Инстинктивно чувствуя тѣсную связь этихъ двухъ элементовъ, они съ упорствомъ держались того и другаго. Понятiя: нѣмецъ, католикъ и врагъ — долго были для нихъ однозначущiя. Всѣ старанiя римской церкви прiобрѣсти власть надъ умами разбивались объ ея союзъ съ исконными врагами чешскаго народа, нѣмцами. Съ настойчивостью стремилась она къ уничтоженiю въ Чехiи — славянскаго богослуженiя, браковъ духовныхъ, употребленiя чаши для мiрянъ, что постоянно встрѣчало скрытное противодѣйствiе со стороны папъ и явное потворство со стороны свѣтскаго правительства. Во второй половинѣ XI в., чешскiй князь Вратиславъ I просилъ даже у папы Григорiя VII

дозволенія сохранить въ Чехіи, по прежнему, столь дорогія народу особенности; за что, разумѣется, получилъ отъ папы отказъ [1] и строгое нравоученіе. Къ сожалѣнію, чешское правительство не всегда оставалось защитникомъ народности и соединенныхъ съ нею религіозныхъ преданій. Мало по малу, оно тѣсно соединило свои интересы съ интересами католицизма и чужеземнаго нѣмецкаго элемента. Благодаря его поддержкѣ, папство наконецъ достигло давно желанной цѣли. Народное богослуженіе, а вмѣстѣ съ нимъ и преданія восточной церкви, навсегда уступили мѣсто латинской миссѣ и обрядамъ. XIII вѣкъ и первая половина XIV были временемъ самаго глубокаго униженія чешской народности. Страна, по наружности, ничѣмъ ни отличалась уже болѣе отъ остальныхъ странъ католическаго міра. Феодализмъ и римская церковь господствовали въ ней, какъ казалось, во всей силѣ; но мы уже видѣли, какъ обманчиво и поверхностно было это господство. Правда, въ это время трудно найдти явные слѣды, ненавистныхъ Риму, религіозныхъ особенностей, и формальное господство католическаго культа не подвержено никакому сомнѣнію. Но какъ народность чешская, остававшаяся въ это время почти безгласною, продолжала еще жить; такъ жили, безъ всякаго сомнѣнія, въ умахъ и дорогія преданія востока. Духъ народной оппозиціи, какъ мы видѣли выше, никогда не умиралъ вполнѣ; долгое время таился онъ, какъ искра подъ пепломъ, и, при первыхъ удобныхъ обстоятельствахъ, вышелъ наружу. Пока оппозиція сосредоточивалась, по преимуществу, въ высшемъ шляхетскомъ классѣ, насквозь проникнутомъ католицизмомъ, она по необходимости выражалась лишь въ политическихъ отношеніяхъ. По мѣрѣ того, какъ оппозиціонныя

---

[1] Переводъ буллы у *Пешка*, въ его Geschichte der Gegenreformation.

стремленія начали сообщаться массамъ, они не замедлили принять религіозный оттѣнокъ. Религіозныя преданія старины воскресали съ новою силою. Само католическое правительство увлеклось потокомъ новаго движенія. Хотя и въ другихъ видахъ, допустило оно снова, столь жестоко преслѣдуемое прежде, народное богослуженіе. Съ враждою противъ нѣмцевъ начала разгораться и вражда противъ Рима. До сихъ поръ чешское движеніе шло отдѣльно и особнякомъ отъ остальнаго западно-европейскаго міра. Развивавшаяся въ немъ идея народности была чужда феодальной Европѣ; но какъ-только религіозная оппозиція явилась новымъ элементомъ движенія, то оно тотчасъ-же пришло въ связь съ одновременнымъ ему европейскимъ движеніемъ. Между тѣмъ и другимъ движеніемъ была большая разница, при всемъ кажущемся сходствѣ. Неудовольствіе на западѣ возбуждено было, главнымъ образомъ, злоупотребленіями римской куріи и безнравственностью духовенства; въ Чехіи дѣйствовала вѣковая антипатія къ римской церкви, какъ учрежденію чуждому, нѣмецкому, и привязанность къ существовавшей когда-то въ странѣ восточной церквѣ. Великій расколъ, раскрывшій во всей наготѣ испорченность католицизма, повелъ къ явному обнаруженію оппозиціи какъ въ Чехіи, такъ и на остальномъ западѣ. Но, согласно своему различному источнику, ходъ и окончательный результатъ борьбы былъ на западѣ иной, нежели въ Чехіи. Тогда какъ тамъ все ограничилось безплодными бумажными спорами и неудавшимися соборами, чешское движеніе повело къ рѣшительному отпаденію отъ католицизма, къ образованію первой національной церкви въ Европѣ, къ утвержденію новыхъ началъ въ политической и религіозной жизни. Прежде всего постараемся объяснить различіе внутренняго характера того и другаго движенія; а потому прежде, нежели перейдемъ къ чеш-

ской исторіи, бросимъ общій взглядъ на тѣ явленія и формы, въ которыхъ выразилась оппозиція на западѣ.

Изучая религіозную жизнь средневѣковой Европы, мы встрѣчаемъ постоянныя проявленія оппозиціи возрастающему могуществу церковной іерархіи. Мы видимъ прежде всего враждебныя столкновенія свѣтской и духовной власти, попытки государства освободиться изъ-подъ вліянія церкви. Попытки эти не могли имѣть большаго успѣха, пока правители дѣйствовали отдѣльно, не имѣли за собою народа. Народъ, съ своей стороны, не могъ принимать дѣятельнаго участія въ борьбѣ, за чуждыя, непонятныя ему цѣли. Преданный душою и тѣломъ католической церквѣ и римскому первосвященнику, онъ могъ смотрѣть только съ неудовольствіемъ на враждебныя попытки государей своихъ противъ Рима.

Гораздо опаснѣе оппозиціи свѣтскихъ правителей были, для церкви, стремленія еретиковъ. Нападая на церковь на ея собственномъ религіозномъ поприщѣ, отвергая ея авторитетъ и порицая ея догматы, они въ то-же время привлекали народъ своимъ пламеннымъ энтузіазмомъ и нравственностью своей жизни. Но и сектамъ еретиковъ была не посиламъ борьба съ могущественнымъ Римомъ. Невѣжество народа, его слѣпая вѣра въ намѣстника Христа, отнимали у нихъ напередъ всякую почву въ массахъ. Мѣстныя причины усилили было на-время ихъ вліяніе въ южной Франціи, папы огнемъ и мечемъ истребили ихъ въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ. Однимъ изъ сектъ, какъ напримѣръ катарянамъ [1], вредилъ въ общественномъ мнѣніи и самый ха-

---

[1] Эта секта долго смѣшивалась съ сектою вальденцевъ, и истинный смыслъ ея ученія долго оставался неизвѣстнымъ. Только новыя изслѣдованія—*Дикгофа*, Die Waldenser im Mittelalter, и *Герцога*, Die romanischen Waldenser — пролили свѣтъ на этотъ предметъ.

рактеръ ихъ ученія, враждебный не одному католицизму и папѣ, но и вообще христіанской догмѣ. Ихъ ученіе занесено было съ востока. Оно находилось въ непосредственной связи съ вѣрованіями манихеевъ. Основнымъ принципомъ его былъ дуализмъ, проистекавшій изъ крайне спиритуалистическаго воззрѣнія на міръ. Приписывая происхожденіе матеріи дьяволу и лишь одного духовнаго міра Богу, они не только отрицали воплощеніе Христа, всю внѣшнюю, обрядовую сторону религіи, но отвергали даже и самый бракъ, первое основаніе общества. Такая непрактическая секта, строившая свое ученіе на анти-христіанскихъ началахъ, кидавшаяся въ самую абстрактную теорію и впадавшая въ то-же время въ самые грубые, чувственные обряды, разумѣется, не могла провести разумной оппозиціи, а тѣмъ менѣе—склонить на свою сторону народныя массы. Она могла имѣть лишь то значеніе, что, своимъ ученіемъ и высокою нравственностью своихъ представителей, подготовила сколько-нибудь массы, взрыхлила, такъ сказать, почву для будущихъ сѣмянъ реформаціи.

Болѣе значенія имѣла другая секта, вальденцевъ, которую строго слѣдуетъ отличать отъ всѣхъ остальныхъ. Подобно позднѣйшимъ гусситамъ и другимъ протестантамъ, она строго придерживалась св. писанія. Остерегаясь теоретическихъ заблужденій, вальденцы стремились прежде всего къ чистой жизни и нравственному совершенству, идеалы которыхъ они видѣли въ библіи. Но и вліяніе этой секты также не могло быть велико, такъ-какъ число ея послѣдователей было всегда крайне мало. Вальденцы основывали свое ученіе на библіи, слѣдовательно—на письменномъ словѣ; они требовали отъ каждаго непосредственнаго знакомства съ этимъ источникомъ религіи и тѣмъ самымъ отдаляли отъ себя грубыя, необразованныя массы. Дѣятельность

ихъ была чисто религіозная, а массы рѣдко увлекаются чисто идеальными принципами. Они не выставляли на своемъ знамени ни интересовъ народности, ни требованій улучшеній для низшихъ классовъ. Они не провозглашали секуляризаціи духовныхъ имуществъ, а потому и были оставлены корыстолюбивыми правительствами и высшими классами. Живя въ ничтожныхъ маленькихъ общинахъ, они не дерзали помышлять о борьбѣ съ господствующею церковью и терпѣливо сносили ея гоненія. Оппозиція ихъ, важная лишь по принципу, не грозила серьезною опасностью Риму. Они были вредны для церкви лишь потому, что она не съумѣла удержать ихъ въ своей средѣ, не воспользовалась нравственнымъ элементомъ, лежавшимъ въ основѣ ихъ ученія, и оттолкнула ихъ враждебно отъ себя.

Отъ стремленій сектаторскихъ, противоцерковныхъ, строго слѣдуетъ отличать движенія, происходившія внутри самой церкви, направленныя къ ея реформѣ, а не къ отторженію отъ нея. Здѣсь прежде всего мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ тѣ движенія, преобладающимъ мотивомъ которыхъ былъ чисто политическій, государственный интересъ. Посмотримъ на тѣ стремленія, которыя поддерживались исключительно дѣтскою любовью и покорностью церквѣ, которыя никогда ни выходили за предѣлы этихъ чувствъ, и, при всемъ внутреннемъ негодованіи на извращеніе церкви, считали однако-же строгою своею обязанностью— слѣпо повиноваться всѣмъ ея заповѣдямъ и предписаніямъ. Стремленія эти никогда не обращались противъ догматовъ церкви и существующихъ ея постановленій. Предметомъ ихъ были лишь справедливыя жалобы: на затемненіе божественной истины человѣческими вымыслами, на неправильные и ложные выводы изъ этихъ истинъ, наконецъ—на злоупотребленія и уклоненія отъ существующаго порядка.

Источникомъ этой оппозиціи былъ мистицизмъ. Созерцательно спекулятивное погруженіе во глубь Божества, стремленіе проникнуться имъ лишь съ помощью чувства, безъ посредства логическаго разумнаго мышленія, было основнымъ принципомъ всѣхъ мистиковъ. Къ подобному душевному процессу, требовавшему уединенной созерцательной жизни, способны были лишь немногія личности. Столь-же тѣсенъ былъ и кругъ ихъ вліянія. Живя въ монастыряхъ и тому подобныхъ кружкахъ, они или вовсе не заботились о внѣшней церковной жизни, или тщетно пытались провести свои высокія идеи и святыя чувства въ дикій хаосъ католическаго міра. Этотъ личный спекулятивный характеръ не позволяетъ намъ считать голоса этихъ мистиковъ проявленіями чисто оппозиціонныхъ стремленій. Мы можемъ разсматривать ихъ только какъ громкихъ, часто какъ-бы невольныхъ свидѣтелей истины. И надобно сказать правду: въ голосахъ мистиковъ слышалось столько негодованія и гнѣва, столько благороднаго энтузіазма и святой любви, что вліяніе ихъ, по крайней мѣрѣ на отдѣльныя личности, было безспорно велико. Для характеристики ихъ, приводимъ одно мѣсто изъ откровеній св. Бригитты, жившей въ Швеціи въ XIV вѣкѣ и причисленной самою католическою церковью къ лику святыхъ [1]. Эта женщина, соединявшая глубокія мистическія стремленія съ дѣтскою любовью и глубочайшимъ уваженіемъ къ церквѣ и ея главѣ, папѣ, не могла однако удержаться отъ жалобъ и негодованія, при взглядѣ на печальное состояніе церкви. Изліянія ея чистой души, подавленной сознаніемъ страшнаго зла и исполненной предчувствіемъ будущей кары, носятъ на себѣ что-то пророческое, подобное отблеску зарницы въ темную ночь, предъ далекою грозою.

---

[1] Revelationes St. Brigittae. Norimberg. 1521 г. Lib. 1, caput 42.

Вотъ что говоритъ, у нея, Богъ Творецъ, въ присутствіи небеснаго воинства и обрученной Господа: „нынѣ, я жалуюсь на тебя, ты глава моей церкви, ты сидящій на моемъ тронѣ, который я далъ Петру и его наслѣдникамъ, дабы они возсѣдали на немъ въ тройномъ величіи и тройномъ достоинствѣ. Прежде всего я далъ имъ власть развязывать души и освобождать отъ грѣха, потомъ—отворять небо кающимся и затворять его проклятымъ и отверженнымъ. Но ты, долженствующій разрѣшать души и приводить ихъ ко мнѣ, ты въ дѣйствительности убійца душъ. Я назначилъ Петра пастыремъ и сторожемъ моихъ овецъ, а ты сдѣлался ихъ разорителемъ и растерзателемъ. Ты хуже Люцифера, ибо онъ завидовалъ только мнѣ, и не хотѣлъ погубить никого кромѣ меня, чтобы царствовать вмѣсто меня; ты же отгоняешь своими злыми дѣлами отъ себя не только меня, но умерщвляешь и души своимъ злымъ примѣромъ. Я купилъ ихъ своею кровью и передалъ тебѣ, какъ вѣрному другу; ты же отдаешь ихъ опять врагу, отъ котораго я избавилъ ихъ. Ты несправедливѣе Пилата, который никого не приговорилъ къ смерти, кромѣ меня; ты же осуждаешь не одного меня, но проклинаешь невинныя души и оставляешь безнаказанными виновныя. Ты безжалостнѣе Іуды, который продалъ одного меня; между-тѣмъ какъ ты продаешь, за позорные барыши и пустое тщеславіе, не только меня, но и души моихъ избранныхъ. Ты отвратительнѣе жидовъ, распявшихъ лишь одно мое тѣло; ты же распинаешь и мучишь души моихъ избранныхъ, для которыхъ твоя злость и твои преступленія горьше самаго меча. И такъ, если ты подобенъ Люциферу, несправедливѣе Пилата, жестокосерднѣе Іуды и отвратительнѣе жидовъ, то я справедливо жалуюсь на тебя“. И потомъ, обращаясь къ Петру: „истинное же правосудіе требуетъ, чтобы тотъ, кто сидитъ на твоемъ тронѣ и дѣлаетъ дѣла Лю-

цифера съ позоромъ и поруганіемъ лишился этого трона и подвергся одной казни съ Люциферомъ. Въ другомъ мѣстѣ откровеній св. Бригитты встрѣчаемъ такія слова [1]: „жадность епископовъ и священниковъ неизмѣрима; отъ ихъ гордости и развратной жизни подымается смрадъ къ самому небу. Небесные ангелы и друзья Бога на землѣ проклинаютъ ихъ". Въ этомъ голосѣ набожной, созерцательной женщины, всегда покорной дочери церкви, мы видимъ, какая горечь накипала въ душѣ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ папства, при взглядѣ на его ужасное извращеніе и разложеніе. И этотъ голосъ не оставался единичнымъ. Еще въ концѣ XIII в. слышались подобныя же жалобы и предсказанія. Гильдегарда [2], аббатиса монастыря св. Рупрехта, близь Бингена, писала папѣ Анастасію IV, что Римъ лежитъ въ предсмертной агоніи, и увѣщавала императора Конрада III къ покаянію и справедливости. Ея стремленія были чужды политическихъ тенденцій того времени; какъ женщина и мистикъ она стояла вдали отъ кровавой борьбы, пылавшей тогда между Гогенштауфенами и Римомъ. Еще съ большею энергіею высказался протестъ мистическаго направленія въ другой замѣчательной женщинѣ, Мехтильдѣ [3], жившей во второй половинѣ XIV вѣка. Именемъ Христа объявляла она всѣмъ папскимъ прелатамъ, что столпы церкви сгнили и надо ожидать скораго ихъ паденія. Высшіе и низшіе духовные погрязли въъ скупости, гордости, сладострастіи и невѣжествѣ. Они не заботятся о заповѣдяхъ Христа, пренебрегаютъ своимъ пастырскимъ саномъ, отпали отъ Бога, пре-

---

[1] Тамъ-же. Lib. IV. Cap. 49.

[2] *Терстегенъ,* Leben heiligen Seelen. 3 Band. S. 501 (3 изд.).

[3] I. Lydie, Analecta in librum N. de Clmang, de corrupto ecclesiae statu. p. 9.

вратились всѣ въ кровожадныхъ, свирѣпыхъ волковъ, уносящихъ овецъ Христа съ святаго пастьбища".

Мистичиское направленіе сосредоточивалось, по преимуществу, въ Германіи. Мечтательный спекулятивный характеръ народа подготовилъ здѣсь для него богатую почву. Какая-то женственная мягкость и раздражительность, непрактичный въ высшей степени идеальный взглядъ на міръ, были, особливо въ первое время, существеннѣйшими чертами мистиковъ. Папѣ и прелатамъ нечего было бояться этихъ тихихъ, въ сущности, безопасныхъ людей. Они могли спокойно выслушивать всѣ ихъ жалобныя іереміады и грозныя предсказанія, награждать ихъ даже за это титулами святыхъ. Но оппозиціонный духъ XIV столѣтія проникалъ и заражалъ всю атмосферу, и, подъ вліяніемъ его, вскорѣ и самъ мистицизмъ началъ принимать иныя, угрожающія формы. Мистика уже и прежде отбросила отъ себя мертвую, бездушную ученость, мелкій формализмъ господствующаго направленія. Еще съ большимъ жаромъ начала она стремиться къ очищенію жизни и вѣры. Ея усилія не пропали даромъ, во всякомъ случаѣ, она посѣяла сѣмена лучшаго для будущаго развитія. Правда, большая часть мистиковъ по прежнему оставалась тѣми-же созерцательными непрактическими мыслителями, но за-то иные изъ нихъ начали обращаться прямо къ жизни и проводить въ массы свои оппозиціонныя, реформаторскія стремленія. XIV вѣкъ представляетъ намъ цѣлый рядъ мистиковъ, въ которыхъ мы можемъ прослѣдить постоянное усиленіе реформаторскаго духа и болѣе практическаго взгляда на жизнь [1]. Гейнрихъ Екартъ, или мей-

---

[1] Подробныя свѣдѣнія объ этихъ мистикахъ и ихъ сочиненіяхъ мы почерпаемъ изъ шестаго тома «исторіи христіанской религіи и церкви» *Неандера.*

стеръ Екартъ, изъ Саксоніи († 1329 г.), по характеру своего ученія и жизни, принадлежитъ еще къ прежнимъ мистикамъ. Онъ принадлежалъ къ доминиканскому ордену и былъ провинціальнымъ викаріемъ этого ордена въ Саксоніи и генеральнымъ викаріемъ въ Чехіи. Его глубокомысленное, но темное ученіе соприкасается съ пантеизмомъ. Вотъ образчикъ его философіи: „Пока не было тварей, Богъ не былъ Богомъ, когда создались твари, тогда Богъ былъ Богомъ не въ самомъ себѣ, а въ тваряхъ. Богъ не есть ни сущность, ни разумъ и не понятіе того или другаго изъ нихъ; онъ свободенъ отъ всего вещественнаго, и потому есть самъ совокупность всѣхъ вещей, и все, что ни есть, есть Богъ“. Подобное ученіе не могло имѣть сильнаго вліянія на жизнь; но оно показываетъ въ его творцѣ свободномысліе, не стѣсняющееся болѣе, по примѣру прежнихъ мистиковъ, авторитетомъ и догмою церкви. Въ такомъ-же родѣ былъ и позднѣйшій современникъ его, Гейнрихъ Сузо [1] († 1365 г.). Это былъ глубокомысленный, высоко-поэтическій духъ. Рѣзкій контрастъ дѣйствительности, съ жившею внутри его идеею, побуждалъ его всѣми силами души стремиться къ божественному. За этимъ стремленіемъ онъ забывалъ все земное. Его дѣвственная душа ужасалась страшнаго упадка христіанства, но теорети-

---

[1] См. *Diegenbrock*, Suso's Leben und Schriften. Для лучшей характеристики его направленія приводимъ мѣсто изъ его «Büchlein von der ewigen Wahrheit». Онъ влагаетъ въ уста Христа слѣд. слова: Es mag niemand kommen zu göttlicher Hoheit, noch ungewöhnlicher Süssigkeit, er werde denn zuvorgezogen durch das Bild meiner Niedrigkeit und Bitterkeit. So man ohne das durchgehen meiner Menschheit je höher aufklimmt, so man je tiefer fällt. Meine Menschheit ist der Weg, den man gehen, mein Leiden ist das Thor, durch das man dringen muss.

ческій умъ не находилъ никакого радикальнаго средства реформы. Тѣмъ не менѣе Сузо обнаруживалъ въ высшей степени нравственное вліяніе въ своемъ ограниченномъ кругу, и его ученики составили между собою братство, извѣстное подъ именемъ друзей Божіихъ.

Если въ этихъ двухъ личностяхъ, равно какъ и во многихъ другихъ, все еще замѣчается преобладаніе того-же созерцательно-теоретическаго элемента; то за-то два слѣдующихъ за нимъ мистика носятъ на себѣ уже совершенно противоположный характеръ. Іоаннъ Таулеръ и Гергардъ Гроотъ соединяли съ мистицизмомъ вполнѣ жизненное практическое направленіе [1]. Таулеръ особливо замѣчателенъ своею проповѣдническою дѣятельностію. Онъ говорилъ на простомъ народномъ языкѣ, и въ своихъ рѣчахъ безпощадно каралъ злоупотребленія и безнравственную жизнь какъ духовныхъ, такъ и мірянъ. Еще замѣчательнѣе была жизнь и дѣятельность Гроота. Онъ былъ родомъ изъ Нидерландовъ (Девентера) и получилъ свое образованіе въ Кельнѣ и Парижѣ. Занимаясь весьма дѣятельно тогдашними схоластическими науками, онъ однако скоро пришелъ къ сознанію пустоты и ничтожества подобныхъ занятій. Его поражали на каждомъ шагу—и въ церкви, и въ наукѣ, и въ обществѣ,—страшное невѣріе, смѣшанное съ отвратительнымъ суевѣріемъ. Онъ бросилъ въ огонь свои схоластическія и алхимическія книги, и рѣшился, по совѣту одного стараго друга, обратиться отъ ложныхъ призраковъ къ дѣйствительной жизни. Вслѣдъ за-тѣмъ онъ провелъ три года въ монастырѣ, но и спокойная созерцательная жизнь не могла удовлетворить его пылкой, жаждавшей дѣятельности души. Онъ выпро-

[1] Таулеръ особливо замѣчателенъ тѣмъ, что повсюду возстаетъ противъ пантеистическаго направленія въ мистицизмѣ.

силъ себѣ діаконское мѣсто, съ правомъ проповѣдывать публично, во всей провинціи. Съ успѣхомъ вступилъ онъ на это новое поприще и скоро пріобрѣлъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе въ народѣ. За-то прелаты и монахи, задѣтые за-живое его обличеніями, подняли противъ него сильное гоненіе, и епископъ, снисходя на ихъ просьбы, запретилъ Грооту дальнѣйшую проповѣдь; но упорный нидерландецъ не унывалъ. Лишенный возможности дѣйствовать на народъ свободнымъ словомъ, онъ принялся за другую, не менѣе благотворную дѣятельность — за воспитаніе юношества. Три года путешествовалъ онъ по всѣмъ извѣстнымъ тогда монастырскимъ школамъ, и, изучивши наилучшіе методы преподаванія, открылъ свое заведеніе въ Девентерѣ. Сначала онъ собиралъ въ своемъ жилищѣ желающихъ и проводилъ съ ними время въ душеспасительныхъ бесѣдахъ. Вслѣдъ за-тѣмъ онъ составилъ изъ нихъ постоянную общину, которая жила въ свѣтѣ и чужда была монашескихъ обѣтовъ и удаленія отъ міра. Члены общины поддерживали въ себѣ религіозный духъ прилежнымъ изученіемъ св. писанія; они снискивали себѣ пропитаніе трудами собственныхъ рукъ и заботились преимущественно о просвѣщеніи народа, въ христіанскомъ духѣ. Распространяя повсюду полезныя книги, они хлопотали въ то-же время и въ школахъ, улучшая и усовершенствуя методы преподаванія. Примѣръ Гроота вскорѣ нашелъ усердныхъ подражателей, и во всѣхъ Нидерландахъ появилось множество подобныхъ общинъ, не только мужескихъ, но и женскихъ. Въ этихъ нравственно-религіозныхъ общинахъ, въ этихъ попыткахъ поднять духовную жизнь народа, мистицизмъ достигъ того, чего только онъ могъ достигнуть. Не смотря на свой идеальный характеръ, онъ не только успѣлъ заявить рѣзкій протестъ на существующую порчу и злоупотребленія въ церкви, но умѣлъ даже выставить не мало образцевъ

истинно-христіанской жизни и нравственности. Этимъ однако-же и оканчивалась историческая задача мистицизма. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, подготовилъ, по мѣрѣ возможности, почву для будущихъ реформъ и уступилъ мѣсто другимъ, болѣе могучимъ силамъ.

Одновременно съ мистическими движеніями, сосредоточивавшимися главнымъ образомъ, въ народѣ нѣмецкомъ, шли движенія другаго рода, преимущественно во Франціи. Движенія эти, въ отличіе отъ первыхъ, можно назвать аристократико-іерархическими. Тогда-какъ мистики, вышедшіе изъ народа и вращавшіеся, по преимуществу, въ низшихъ слояхъ общества, боролись противъ усиливающагося зла путемъ проповѣди и возбужденія нравственно-религіознаго чувства въ массахъ; прелаты, доктора и университеты, составлявшіе другую фалангу оппозиціи, пытались добиться реформы, путемъ вселенскаго собора. Франція была главнымъ средоточіемъ и опорою этой партіи. Не мало обстоятельствъ способствовали этому странному, отчасти, явленію. Страна іерархическая, по преимуществу съ народомъ на-сквозь проникнутымъ католицизмомъ, съ королемъ, носившимъ, въ-отличіе отъ всѣхъ другихъ, титулъ всехристіаннѣйшаго и перваго сына церкви,—казалось, съ перваго взгляда, была всего менѣе способна сдѣлаться центромъ какой бы то ни было оппозиціи Риму. Но мы уже сказали, что оппозиція во Франціи была церковно-аристократическая, и уже одно это названіе указываетъ намъ ясно на ея характеръ и происхожденіе. Уже давно французское духовенство [1] начало обнаруживать стремленіе — придать своей церкви извѣстную самостоятельность въ

[1] Объ отношеніяхъ французской церкви къ Риму см. соч. *Рейхлина* der Gallikanismus.

отношеніи къ Риму и гарантировать ее отъ излишнихъ притязаній куріи. Французское духовенство могло сдѣлать это тѣмъ легче, чѣмъ болѣе отличалось оно во всѣ времена своимъ богатымъ богословскимъ и другимъ образованіемъ, дававшимъ ему полную возможность оцѣнить свое двоякое отношеніе къ церкви и государству, и ловко воспользоваться выгодами, проистекавшими для него отсюда. Отъ нападеній феодаловъ и излишнихъ притязаній куріи оно всегда умѣло спасаться за щитомъ королевскаго авторитета. Во время борьбы за инвеституру, оно съумѣло удерживаться на благоразумной срединѣ. Повинуясь папѣ во всемъ остальномъ, духовные французскіе однако-же по-прежнему принимали свои лены отъ короля и присягали ему въ вѣрности. Хотя иногда и приходилось имъ искать защиты у папы отъ неумѣренныхъ требованій короля, но тѣмъ не менѣе между государствомъ и церковью во Франціи существовали почти постоянно союзъ и согласіе. Плодомъ этого союза можно считать знаменитыя вольности и льготы галликанской церкви [1]. Льготы эти обезпечивали вполнѣ права французскихъ прелатовъ, патроновъ и вообще всѣхъ раздавателей бенефицій. Онѣ гарантировали также свободу выбора всѣхъ французскихъ епископовъ и канониковъ; дозволяли Риму налагать подати на духовенство, лишь въ случаѣ дѣйствительной нужды, и то не иначе, какъ съ согласія короля. Французская церковь, по справедливости, дорожила этими правами и при случаѣ была не прочь еще болѣе увеличить ихъ. Съ другой стороны, папы никогда не признавали формально этихъ правъ, всегда оспаривали ихъ юридическую дѣйствительность и разсматривали ихъ, какъ временное, неизбѣжное зло. Понятно, что духовенство съ такимъ самостоятельнымъ ха-

[1] Сюда относится такъ называемая «прагматическая санкція».

рактеромъ и такими широкими стремленіями, какъ французское, не могло оставаться празднымъ, при всеобщемъ волненіи умовъ, возбужденномъ въ западной Европѣ великимъ папскимъ расколомъ. Могло ли оно упустить столь удобную для себя минуту и не воспользоваться обстоятельствами, въ такой мѣрѣ способствовавшими его постояннымъ стремленіямъ? Теперь, при глубокомъ униженіи куріи, при всеобщемъ громогласномъ неудовольствіи противъ нея, настало, наконецъ, какъ казалось, время епископамъ и прелатамъ возвратить свои потерянныя права и стать снова во главѣ вселенской церкви. Глухое преданіе объ обычаяхъ древней церкви оправдывало и освящало эти стремленія. Идеалъ церкви всегда искали въ первобытныхъ временахъ ея существованія, въ сѣдой древности. Идеалъ этотъ былъ скорѣе плодомъ фантазіи, нежели результатомъ добросовѣстныхъ научныхъ изслѣдованій. Онъ не былъ однимъ и тѣмъ-же у всѣхъ тогдашнихъ писателей, а видоизмѣнялся сообразно съ ихъ личными взглядами и интересами того дѣла, которое они защищали. Тогда какъ одни, съ гораздо большимъ историческимъ основаніемъ, видѣли въ первобытной христіанской церкви свободную, равноправную, демократическую общину, соединенную единственно узами вѣры и любви; другіе, представители епископской партіи, изображали ее чѣмъ-то въ родѣ аристократической республики съ епископами и прелатами во главѣ; наконецъ, третьи старались выдать ее за исконную монархію съ неограниченнымъ папою во главѣ и повторяли старыя басни о передачѣ ап. Петру верховной власти надъ церковью и о преемственномъ переходѣ ея въ лицѣ первосвященниковъ римскихъ. Каждая партія брала изъ исторіи христіанства нужный ей моментъ и, вырывая его изъ общей связи событій, дѣлала единственною исходною точкою всего развитія. Желаніе возвратить церковь къ ея первобытному состоянію было тогда у

всѣхъ на языкѣ. Монахи, низшее духовенство и люди каѳедры мечтали притомъ о демократическомъ устройствѣ, хотя и они не думали давать мірянамъ значенія въ церкви. Подъ церковью они понимали совокупность всего духовенства. Различіе въ духовныхъ степеняхъ должно было сдѣлаться, по ихъ мнѣнію, чисто формальнымъ; епископы должны были ограничиться однимъ почетомъ и не имѣть ни дѣйствительной власти, ни значенія. Понятно, что духовная аристократія не могла раздѣлять подобныхъ стремленій. Она, и во главѣ ея французскіе прелаты, требовала также реформаціи церкви и возвращенія стараго порядка. Подъ этими пышнными фразами она понимала прежде всего: ограниченіе папскихъ доходовъ, уменьшеніе правъ престола св. Петра, увеличеніе своихъ собственныхъ средствъ, возвышеніе своей власти и достоинства. Пока дѣло шло о противодѣйствіи общему врагу — папѣ, духовная демократія и разсчетливый епископализмъ шли еще рука-объ-руку. Аристократическая партія находила себѣ главную опору въ парижскомъ университетѣ. Университетъ этотъ, главное средоточіе схоластической богословской науки, давно уже перестал быть покорнымъ орудіемъ папскаго авторитета. Корпоративный духъ, всегда заключавшій въ себѣ извѣстное стремленіе къ самостоятельности, рано сдѣлался въ немъ преобладающимъ. Если прежде папы спрашивали у университетовъ совѣта въ важныхъ дѣлахъ, то теперь университеты, пользуясь упадкомъ іерархіи, сами начали себѣ присвоивать голосъ въ дѣлахъ вѣры и церкви. Парижъ прежде другихъ началъ открытую борьбу съ нищенствующими монахами, стремившимися пріобрѣсть себѣ значеніе и вѣсъ въ университетахъ. Хотя онъ и не всегда оставался побѣдителемъ въ этой борьбѣ, но тѣмъ не менѣе ему удалось удержать въ приличныхъ предѣлахъ этихъ папскихъ трабантовъ. Отъ сопротивленія орудіямъ папскаго произвола, уни-

верситетъ скоро перешелъ и къ сопротивленію самому папѣ. Еще до начала великаго раскола, началъ онъ оспаривать въ своихъ публичныхъ актахъ непогрѣшимость папы, ставить выше его вселенскій соборъ и допускать аппелляціи отъ папы къ собору. Папа Іоаннъ XXII, предавшій анаѳемѣ императора нѣмецкаго, Людвига баварскаго, былъ въ свою очередь обвиненъ въ ереси парижскимъ университетомъ.

Такая-же участь постигла и доминиканца Іоанна Монтезоно, приписывавшаго изслѣдованіе и опредѣленіе догматовъ вѣры одному папѣ [1]. Великій расколъ выказалъ еще яснѣе авторитетъ и значеніе парижскаго университета. Онъ сталъ теперь во главѣ аристократической партіи, оппозиція которой, какъ сказали мы уже выше, носила на себѣ чисто формальный характеръ и которая подъ реформою понимала лишь ограниченіе папской власти и перенесеніе ея значенія на церковную аристократію. Университетъ, за немногими исключеніями, не былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ этой партіи. Положеніе его въ тогдашнемъ мірѣ было таково, что онъ смѣло могъ причислить себя къ рядамъ церковной аристократіи. Въ Парижѣ студенты, и вообще учащіеся, никогда не имѣли тѣхъ правъ и значенія, какъ въ Болоньи и отчасти въ Прагѣ. Университетская корпорація состояла главнымъ образомъ изъ профессоровъ. Имъ принадлежали право избранія ректора, управленіе дѣлами университета и надзоръ за учащимися. Съ профессорскими должностями соединялись обыкновенно богатыя церковныя бенефиціи; нерѣдко члены университета достигали высшаго духовнаго сана въ католическомъ мірѣ, кардинальства. Интересы университета были тѣсно соединены съ интересами цер-

[1] Смотри *Du Pin,* de potestate ecclesiastica et temporali, sive declaratio cleri Gallicani, anni 1682. Венеція. Стр. 199.

ковной аристократіи. Защищая ее, онъ защищалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свое дѣло. Эти соображенія надо имѣть постоянно въ виду, при обсужденіи такихъ личностей, каковы были Пьеръ д'Алльё и Герсонъ. На нихъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на людей, проникнутыхъ сожалѣніемъ и негодованіемъ, при взглядѣ на упадокъ церкви и борющихся всѣми силами, всѣми доступными имъ средствами противъ усиливающагося зла. Не благодѣтельную реформу имѣли они въ виду, а такую перемѣну вещей, при которой бы имъ и ихъ союзникамъ досталась львиная часть. Чтобы подобныя обвиненія не показались голословными, всмотримся нѣсколько въ дѣятельность этихъ людей, прислушаемся къ ихъ разглагольствованіямъ и постараемся указать на ихъ главные руководящіе мотивы и идеи.

Первымъ въ ряду ученыхъ французскихъ реформаторовъ былъ Петръ de Alliaco, канцлеръ парижскаго университета, епископъ камбрійскій и впослѣдствіи кардиналъ. Свои оппозиціонныя стремленія и реформаторскія идеи онъ выразилъ, преимущественно, въ трехъ сочиненіяхъ: 1) De difficultatae reformationis in consilio generali; 2) Monita de necessitate reformationis ecclesiasticae, in capite et in membris. 3) De reformatione ecclesiæ, Petri de Alliaco, item de squaloribus curiæ Romanæ libelli. Значительную часть первыхъ двухъ трактатовъ занимаетъ изображеніе упадка и жалкаго состоянія католической церкви вообще. Тутъ нѣтъ недостатка въ обычныхъ громкихъ фразахъ тогдашняго церковнаго либерализма. Авторъ повторяетъ и собираетъ въ одно цѣлое безчисленныя жалобы и изъявленія неудовольствія противъ римской куріи, которыми полна была тогдашняя Европа. Намѣстникъ Христа упрекается въ неприличномъ, мало соотвѣтствующемъ его духовному сану, блескѣ и пышности. Яркими красками выставляется расточительность и развратъ папскаго дво-

ра, съ проистекающими отсюда финансовыми спекуляціями и поборами, угнетающими какъ народъ, такъ и духовенство. Отлученіе отъ церкви сдѣлалось въ рукахъ папы орудіемъ властолюбія; отъ частаго и чрезмѣрнаго употребленія оно потеряло всю свою силу, отъ него легко можно отдѣлаться подарками и подкупами, оно служитъ только къ увеличенію соблазна въ христіанствѣ. Такъ-же рѣзко порицаетъ авторъ неумѣренное количество папскихъ статутовъ, каноновъ, декреталій и конституцій. Они, по его словамъ, только запутываютъ всѣ дѣла, даютъ возможность затягивать процессы, открываютъ широкое поле мошенничеству. Вся злоба автора изливается, преимущественно, на папу и его курію. Онъ неистощимъ въ изображеніи ихъ разврата и злоупотребленій, онъ не прочь въ отношеніи къ нимъ и отъ самыхъ строгихъ мѣръ. Но тонъ автора становится снисходительнѣе, какъ только онъ переходитъ отъ папы и его двора къ прелатамъ и остальному духовенству. Онъ продолжаетъ высчитывать и тутъ злоупотребленія, но не предлагаетъ уже противъ нихъ такихъ крайнихъ мѣръ. Неканоническая жизнь прелатовъ и низшаго клира, непотизмъ и злоупотребленія при раздачѣ церковныхъ бенефицій, большое число праздниковъ, потворствующихъ лѣни и безнравственности—возбуждаютъ въ немъ, какъ водится, сожалѣніе и негодованіе. Радикализмъ реформатора - кардинала разоблачается вполнѣ при его сужденіи о симоніи. Онъ не рѣшается съ обычною смѣлостью вырѣзать эту гнусную язву изъ тѣла церкви, а предлагаетъ какія-то палліативныя средства, жалкія полумѣры. Онъ понижаетъ свой громовой тонъ и кротко увѣщаваетъ прелатовъ и сановниковъ церкви заботиться болѣе о спасеніи ввѣренныхъ имъ душъ, нежели объ наполненіи кошельковъ; совѣтуетъ также позаботиться объ уменьшеніи взяточничества, объ упрощеніи и ускореніи церковнаго судопроизводства.

Против самаго зла симоніи, против прелатов и клириков, уличенных в этом преступленіи, он не рѣшается предлагать строгих мѣр, извиняет их даже долговременною привычкою и обычаем, называет законы папы Григорія VII против этого зла слишком строгими и непримѣнимыми к настоящему времени, в-заключеніе совѣтует обратиться к болѣе кротким и снисходительным положеніям папы Николая, по этому предмету. Что подобное потворство, столь строгаго в иных случаях, кардинала камбрійскаго основалось на чисто эгоистических, сословных разсчетах, ясно для всякаго не предубѣжденнаго.

Еще яснѣе высказываются истинныя намѣренія и цѣли Петра д'Алльё в третьем его сочиненіи: De squaloribus curiæ Romanæ; уже одно заглавіе показывает, чего можно ожидать от этого сочиненія. Автор произносит в нем окончательный приговор над папством. Он говорит о Римѣ и его куріи в таких словах: „трудно вообразить себѣ, сколько там языческих мерзостей и дьявольских святотатств. Самых позорных, самых развратных людей допускают там к священнѣйшему сану; нѣт такого преступника и злодѣя, которому бы отказывалось там в священствѣ. Напрасно утверждают римскіе канонисты и легисты, что папа не может быть виновен в симоніи; подобная нелѣпость не заслуживает даже опроверженія; ибо как может он быть свободен от этого грѣха, когда он впадает в большіе грѣхи, как на примѣр ересь, и меньшіе, как блуд. Напрасно утверждают, что папа (Apostolicus) не может продавать таинство тѣла Христова, когда один из апостолов продал самого Христа". Уничтожив таким образом папу в глазах своих читателей, Петр Алльяко указывает на тѣ средства, которыми может быть выведена

церковь изъ своего печальнаго положенія. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: папа есть дѣйствительно намѣстникъ Христа, подобно тому, какъ Христосъ есть намѣстникъ и наслѣдникъ Бога Отца. Но намѣстничество папы учреждено для устроенія, а не для разрушенія церкви; а отсюда слѣдуетъ, что такъ-какъ Богъ не поручилъ кому-либо власти управлять дурно, необходимо ограничить эту власть закономъ, евангеліемъ, канонами, соборами. Что касается до ограниченія папы соборомъ, то оно уже необходимо потому, что папа есть человѣкъ, а слѣдовательно, какъ и всякій другой, подверженъ заблужденію. Какъ человѣкъ, онъ неспособенъ удовлетворить вполнѣ всѣмъ обязанностямъ своего высокаго сана и ему необходимы совѣтники, ибо тамъ, гдѣ есть совѣтъ, дѣла идутъ, а гдѣ его нѣтъ—останавливаются. Но Алльяко, какъ видно, не довольствовался однимъ этимъ ограниченіемъ папской власти. Ему и его сотоварищамъ, высокимъ прелатамъ, было завидно смотрѣть, какъ папа забиралъ въ свои руки лучшую часть доходовъ со всего христіанства. Для избѣжанія злоупотребленій, неразлучныхъ съ раздачею бенефицій папою, прелатъ-реформаторъ совѣтуетъ отнять у папъ это право и поручить раздачу бенефицій епископамъ, которымъ она принадлежала и прежде. Если эти послѣдніе, прибавляетъ онъ, и будутъ иногда раздавать духовныя должности своимъ родственникамъ и друзьямъ; то за-то не будутъ, подобно папѣ, поручать ихъ совершенно неизвѣстнымъ, очень часто недостойнымъ людямъ. Объ этомъ послѣднемъ оправданіи можно по крайней мѣрѣ сказать, что оно наивно. Послѣ приведенныхъ нами мѣстъ, нечего, кажется, сомнѣваться на-счетъ того, какой реформы хотѣлось кардиналу камбрійскому и его партіи, для чего стремились они такъ ограничить папу и для какихъ эгоистическихъ цѣлей долженъ былъ служить въ ихъ рукахъ вселенскій соборъ. . . . . .

Другимъ корифеемъ галликанской аристократической партіи былъ Іоаннъ Герсонъ, канцлеръ парижскаго университета (+1424). Въ своемъ сочиненіи: De modis uniendi ac reformandi ecclesiam in consilio universali [1], написанномъ въ видѣ посланія къ кардиналу камбрійскому, онъ проводитъ въ сущности тѣ-же идеи и высказываетъ тѣ-же мысли, какъ и этотъ послѣдній, хотя еще съ большею смѣлостью и большею энергіею. На первомъ планѣ стоитъ у него папскій расколъ, его считаетъ онъ источникомъ всѣхъ бѣдствій и злоупотребленій, прекращеніе его онъ считаетъ необходимымъ условіемъ всякой реформы. Для уничтоженія же раскола, оставалось, по его мнѣнію, одно средство: низложить раскольниковъ-папъ. Низложеніе это должно воспослѣдовать тѣмъ скорѣе, чѣмъ выше поставлены папы и чѣмъ болѣе соблазняютъ они все христіанство своими грѣхами. Противники Герсона ссылались на положенія декреталій (Digest. XI, caput 6), по которымъ власть папы такъ свята и такъ высока, что если-бы онъ и былъ уличенъ въ неисправимой ереси, то все-таки никто изъ людей не имѣетъ права осудить и низложить его [2]. Но Герсонъ не затруднился этимъ возраженіемъ, онъ прямо объявилъ, что декреталіи, какъ созданія человѣческаго ума, не могутъ имѣть ни малѣйшей претензіи на непогрѣшимость; что въ теченіи времени не мало было вымышлено и прибавлено къ нимъ папами и ихъ агентами, и что Христосъ далъ свое намѣстни-

[1] Von der Hardl. Consil. Const. Fl. P. V., ст. 68 — 141.

[2] Замѣчательно еще слѣдующее мѣсто этого сочиненія. Item papa non est supra dei evangelium, quod sic ejus auctoritas esset major auctoritatæ Christi, nec tunc ejus potestas derivaretur a Christo; subjicitur ergo ut alter Christianus in omnibus præcepto et mandato Christi. Imo tanto magis ad ipsum servandum obligatur, quanto magis est in dignitate et perfectiori statu constituus.

чество только тѣмъ, кто любитъ его отъ всего сердца и живетъ по правдѣ. „Смѣшно бы было, прибавляетъ Герсонъ, приписывать власть связывать на небѣ и землѣ, разрѣшать отъ грѣховъ папѣ, зараженному симоніею, преданному лжи, алчности, гордости и разврату, папѣ, который несравненно хуже самого дьявола“. Сходясь съ Алльяко въ мнѣніи относительно папства, Герсонъ согласенъ былъ съ нимъ и въ средствахъ, которыми можно бы было ограничить папскую власть и произвести необходимую реформу въ церкви. Органомъ этихъ реформъ, авторитетомъ, предъ которымъ должна была преклониться власть папы, является и у него вселенскій соборъ. Галликанская партія составила себѣ особенную теорію соборной власти и значенія. Теорія эта составилась, какъ и всѣ другія, въ средніе вѣка. Составители ея пользовались историческимъ матеріаломъ, потому что имъ нужно было представить соборъ учрежденіемъ стариннымъ, занимавшимъ всегда верховное мѣсто въ церковной іерархіи. Но изъ этого матеріала они брали лишь то, что необходимо имъ было для ихъ цѣли, и оставляли въ сторонѣ все то, что не совсѣмъ согласовалось съ ихъ мнѣніемъ. Не ограничиваясь одною церковною исторіею, идею собора старались развить и діалектическимъ путемъ, изъ библіи, и впадали притомъ въ неменьшія односторонности и натяжки. Такія явленія, какъ и многое другое въ среднихъ вѣкахъ, не слѣдуетъ объяснять несамостоятельною вѣрою въ тотъ или другой авторитетъ и дѣтскою неясностью мысли. Въ ихъ основаніи лежало скорѣе глубоко вкорененное убѣжденіе, что авторитеты не должны противорѣчить другъ другу. Изреченіе папы, ссылавшагося на Исидоровы декреталіи, было равносильно съ словами [illegible]-нибудь апосто[illegible]скаго отца церкви. Чтобы привести хотя нѣско[illegible]ъ порядокъ си[illegible]стему, слагавшуюся подъ разнообразнѣйшими [illegible]ями и какъ бы изъ обломковъ въ теченіи вѣковъ, средневѣ[illegible] ученые по

задумывались злоупотреблять научнымъ изслѣдованіемъ. Чтобы привести въ согласіе противорѣчивые моменты, они выбрасывали цѣлыя эпохи и софистически извращали смыслъ событій. Въ какомъ-же отношеніи находилась вымышленная такимъ образомъ теорія собора галликанской партіи, съ его дѣйствительнымъ историческимъ значеніемъ? Взглянемъ сначала на теорію, представителями которой были только-что охарактеризованные нами Алльяко и Герсонъ.

„Церковь, такъ начинали они обыкновенно развитіе своихъ мыслей, есть мистическое тѣло Господа. Христосъ былъ, есть и будетъ ея невидимый глава. Но необходимо, чтобы церковь имѣла и своего видимаго главу, дабы и въ своемъ земномъ существованіи она вполнѣ была подобна своему первообразу небесной іерархіи. Римскій епископъ признанъ правовѣрною церковью этимъ главою; его перваго предшественника назначилъ самъ Христосъ своимъ намѣстникомъ. Но церковь продолжала бы существовать, если-бы у нея и не было этого видимаго главы; она несомнѣнно существуетъ и въ то время, когда его нѣтъ. Такъ точно, какъ въ промежутокъ между смертью одного папы и выборомъ другаго она остается подъ руководствомъ Св. Духа; такъ-же точно Св. Духъ будетъ заботиться объ ней и въ то время, когда папство омрачено расколомъ или ересью. Но въ такомъ случаѣ она нуждается также и въ высшемъ видимомъ авторитетѣ, съ помощью котораго она можетъ быть возстановлена Св. Духомъ, въ видимомъ трибуналѣ, который имѣетъ право судить самое папство. Такимъ авторитетомъ не можетъ быть отдѣльный человѣкъ, а только вселенскій соборъ епископовъ, который представляетъ собою вселенскую церковь и есть какъ-бы сама церковь. Вселенская церковь, а слѣдовательно и соборъ, имѣетъ свою власть непосредственно отъ Бога, а не отъ папы.

Соборъ, какъ безсмертная церковь, не можетъ ни заблуждаться, ни погрѣшать; онъ произноситъ свой приговоръ именемъ Св. Духа, и этотъ Духъ говоритъ его устами. Папа же, какъ человѣкъ смертный, подлежитъ заблужденію и грѣху. И такъ, безгрѣшный соборъ стоитъ надъ грѣшнымъ папою, и послѣдній обязанъ ему повиноваться какъ и всякой другой на землѣ. Соборъ можетъ ограничить его власть, въ видахъ пользы церкви, и можетъ даже низложить его за такіе грѣхи, которые грозятъ гибелью церкви. Далѣе, ему же принадлежитъ право реформировать церковь во главѣ и въ членахъ, ибо папы оказались къ тому неохотными и неспособными. Отъ папы можно аппелировать къ собору; отъ собора же нѣтъ болѣе аппеляціи, ибо нѣтъ на землѣ никого выше его".

Теперь посмотримъ, на сколько имѣла эта теорія историческаго основанія. Соборъ является въ ней высшимъ, непогрѣшимымъ авторитетомъ христіанства, и онъ является въ ней какъ учрежденіе древнее, освященное вѣками. Составители теоріи искали ей подтвержденія прежде всего въ библіи новаго завѣта. Они приводили слова Спасителя: „гдѣ будутъ собраны два, или три, во имя Мое, тамъ буду и Я", и относили ихъ къ собору. Далѣе указывали на собраніе апостоловъ, старшинъ и общины въ Іерусалимѣ, которое объявляло свои рѣшенія внушеніемъ Духа Святаго. Но теорія галликанская не имѣла ничего общаго ни съ приведенными словами Христа, ни съ этимъ собраніемъ первобытной церкви въ Іерусалимѣ. Церковь не была еще тогда вселенскою, она не знала еще строгаго различія между духовными и міряными. Какъ свободная община, она повиновалась лишь внушеніямъ Святаго Духа, говорившаго устами учениковъ ея божественнаго Установителя. Въ такой церкви не могло быть и рѣчи о вселенскихъ соборахъ, о высшихъ церков-

ныхъ трибуналахъ. Ея положеніе во всякомъ случаѣ странно бы было примѣнять къ тому времени, когда христіанство изъ маленькой общины превратилось въ громадный организмъ, прошедшій уже давно всѣ степени историческаго развитія.

Не много съ большимъ основаніемъ ссылались Герсонъ и его партія на примѣры восточныхъ соборовъ, первыхъ вѣковъ христіанства. Но и эти соборы далеко не были тѣмъ, чѣмъ хотѣли ихъ сдѣлать. Они произошли просто изъ потребности церкви достигнуть извѣстнаго единства въ дѣлахъ вѣры и богослуженія; они не нуждались ни въ опредѣленной формѣ, ни въ высшемъ авторитетѣ. Святая ревность и согласіе одушевляли ихъ и управляли ими. Характеръ ихъ былъ чисто мѣстный, провинціальный; на нихъ не могло быть и рѣчи о столкновеніяхъ съ частною епископскою или какою-нибудь другою церковною властью. Когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею въ имперіи Римской, подлѣ частныхъ соборовъ появились и общіе, на которыхъ собирались, по возможности, всѣ епископы имперіи. Ихъ созывали и управляли ихъ совѣщаніями императоры. Призваніемъ ихъ было поддержаніе и охраненіе единства вѣры. Отъ этихъ вселенскихъ соборовъ галликанскіе теоретики могли заимствовать лишь внѣшнюю форму и названіе. Между ними и ихъ соборомъ было лишь то сходство, что онъ подобно имъ долженъ былъ состоять изъ епископовъ и ученѣйшихъ докторовъ богословія.

Еще менѣе могли найдти подтвержденія своей теоріи соборовъ, галликанцы, въ исторіи собственно римской церкви. Западное христіанство, въ періодѣ своего отдѣльнаго существованія, не нуждалось болѣе въ связующемъ, объединяющемъ учрежденіи соборовъ. Оно нашло себѣ другую связь и другое единство въ лицѣ первосвященника римскаго, въ учрежденіи монархической тео-

кратіи. Долгое время, около 254 лѣтъ, мы не слышимъ ничего о соборахъ на западѣ. По истеченіи этого времени, они являются снова, но уже при другихъ обстоятельствахъ и съ совершенно измѣнившимся характеромъ. Изъ собирательныхъ представителей христіанства, изъ собраній чисто религіозныхъ, имѣвшихъ своею цѣлью поддержаніе единства вѣры и обрядовъ, они дѣлаются теперь просто орудіемъ партій, учрежденіемъ на столько-же церковнымъ, какъ и политическимъ. Императоры нѣмецкіе собираютъ на нихъ преданныхъ себѣ епископовъ, съ помощью ихъ низлагаютъ недостойныхъ, или просто не нравящихся имъ папъ, и на мѣсто ихъ ставятъ новыхъ, изъ среды своихъ приверженцевъ. Таковы были соборы, X и XI вв., въ Сутри и Римѣ [1]. Они были созваны императорами Оттономъ I и Генрихомъ III. На нихъ не могло быть рѣчи о высшемъ авторитетѣ и свободныхъ преніяхъ. Совѣщанія ихъ были простою формальностью. Цѣль и пути были заранѣе предписаны рукою могучихъ императоровъ; мечи нѣмецкаго войска не оставляли прелатамъ другаго выбора, кромѣ повиновенія. Позднѣйшіе соборы, по мѣрѣ развитія и усиленія папскаго первенства, сдѣлались послушнымъ орудіемъ воли Рима. Еще прежде декретисты начали приписывать право созванія и управленія соборами римскому епископу. Папа Пелагій II-й, предшественникъ Гильдебранда, первый объявилъ неотъем-

---

[1] Объ этихъ соборахъ, кромѣ современныхъ лѣтописей и актовъ, говорятъ подробно и два новѣйшія изслѣдованія: *Gregorovius*, Geschichte der Stadt Rom. т. III, с. 368, и т. IV, с. 52; *Giesebrecht*, Geschichte der deutschen Kaiserzeit. T. I, с. 441. Соборъ императора Отона I былъ созванъ въ Римѣ 6 ноября 963 г.; на немъ низложенъ былъ папа Іоаннъ XII и избранъ Левъ VIII. Соборъ въ Сутри былъ созванъ имп. Генрихомъ III, въ 1046; на немъ осужденъ былъ Григорій VI и избранъ Климентъ II.

лемость этого права Рима. Послѣ Григорія VII, никто на западѣ не думалъ оспаривать этого права у папы. Соборы сдѣлались теперь однимъ изъ средствъ всемірнаго господства Рима. Папа созывалъ ихъ тогда, когда считалъ за-лучшее прикрыть себя авторитетомъ вселенской церкви, убѣдить на-передъ, въ пользу какой-нибудь важной мѣры, епископовъ, показать свѣту единодушіе римской куріи и прелатовъ [1]. Онъ созывалъ ихъ въ мѣста, гдѣ власть его была неоспорима, всего болѣе въ Латеранъ; онъ приглашалъ на нихъ лишь тѣхъ, кого за-ранѣе могъ считать орудіемъ своего произвола, преимущественно итальянскихъ прелатовъ. Соборы эти очень хорошо сознавали свое зависимое положеніе и не осмѣливались мечтать о какомъ-нибудь собственномъ авторитетѣ и значеніи. Послѣднимъ папскимъ соборомъ такого рода былъ Вьенскій, при Климентѣ V, въ 1311 г. Хотя онъ и находился подъ вліяніемъ Филиппа IV, врага римскихъ притязаній, хотя на немъ слышались уже первые тихіе голоса церковной оппозиціи; но тѣмъ не менѣе онъ не думалъ выходить изъ повиновенія папѣ и въ-сущности былъ ничѣмъ инымъ, какъ жалкою игрушкою двухъ деспотовъ, пустою, ничтожною формальностью [2]. За-тѣмъ опять болѣе полувѣка ничего не слышно о соборахъ, пока французскіе теоретики снова ни напомнили о нихъ свѣту. Но уже все предъидущее показываетъ, на какомъ слабомъ историческомъ основаніи опирались эти теоретики. Исто-

---

[1] Изъ такихъ соборовъ особенно замѣчательны соборъ Иннокентія III въ Латеранѣ, въ 1215 г., по поводу албигенцевъ и другихъ еретиковъ въ южной Франціи; и соборъ Иннокентія IV въ Ліонѣ, въ 1243 г., противъ импер. Фридриха II. Объ нихъ смотри, между прочимъ, *Раумера*, Geschichte der Hohenstaufen. Т. 3 и 4.

[2] Объ немъ см. подробности во 2 т. *Друманна*, Geschichte Bonifacius des Achten.

рія церкви римско-католической ничего не знала о высшемъ авторитетѣ вселенскаго собора; она не опредѣляла въ точности ни характера, ни числа его представителей, ни его правъ и обязанностей, ни его отношеній къ другимъ свѣтскимъ и церковнымъ властямъ. Во всемъ этомъ, а равно и во многомъ другомъ, открылось теперь широкое поле теоріи. Аристократическая партія поспѣшила завладѣть этимъ, столь способствовавшимъ ея притязаніямъ, полемъ. Ея ученые представители развили идею собора, исключительно въ видахъ своей партіи. Они исключили изъ собора всякое участіе свѣтской власти, отбросили въ сторону весь низшій демократическій слой церкви, ограничили его составъ епископами и высшими сановниками церкви, объявили его въ то-же время высочайшимъ, не погрѣшимымъ собраніемъ всего христіанства. Такой соборъ долженъ былъ глубоко унизить римскаго первосвященника, и сосредоточить всю власть въ рукахъ церковной аристократіи, епископовъ. Папѣ, по этой теоріи, остались бы лишь однѣ внѣшнія почести, и, вмѣсто главы, онъ сдѣлался бы первымъ между равными. Вмѣстѣ съ судомъ надъ папами, соборъ епископовъ долженъ былъ произвести реформацію церкви, во главѣ и въ членахъ. Если-бы все шло по желанію французскихъ теоретиковъ, то отъ этой реформаціи потеряли бы болѣе всего папа и низшее духовенство, и, на-счетъ ихъ обоихъ, неизмѣримо бы поднялись власть и значеніе епископовъ. Но всегда легче создавать теоріи, нежели осуществлять ихъ на практикѣ. Продуктъ абстрактнаго [illegible] можетъ имѣ[illegible] значеніе въ жизни лишь тогда, когда въ [illegible] его лежи[illegible] идея истины. Теорія имѣетъ смыслъ лишь [illegible]гда въ н[illegible] находятъ удовлетвореніе извѣстные практиче[illegible]ресы времени. За идею собора, выставленную францу[illegible]оретиками, ухватились сначала всѣ [illegible] западнаго [illegible]ва, но

каждая изъ нихъ имѣла при этомъ въ виду лишь свои собственныя цѣли. Всѣ кричали объ упадкѣ церкви и безнравственности духовенства, всѣ доказывали необходимость реформы; но подъ этимъ общимъ дружнымъ кличемъ скрывалось глубокое внутреннее разногласіе. Приверженцы Рима хлопотали въ-сущности лишь о прекращеніи раскола и новомъ поднятіи папской власти. Прелаты и высшее духовенство стремились, подъ видомъ реформы, захватить въ свои руки всю власть и значеніе, сдѣлать церковь чѣмъ-то въ родѣ аристократической республики. Низшее духовенство и монахи думали добиться отъ собора увеличенія своихъ правъ и большаго обезпеченія въ жизни. Немногіе энтузіасты и ученые ожидали и требовали реформы, въ полномъ, дѣйствительномъ значеніи этого слова. Каждая партія, сама по себѣ, была слишкомъ слаба для того, чтобы достигнуть своихъ отдѣльныхъ цѣлей; общій же и прочный союзъ между ними былъ еще менѣе возможенъ. Ни одной изъ этихъ партій не приходило въ голову привлечь на свою сторону народъ; ни одна изъ нихъ не позаботилась отожествить свои интересы съ истинными интересами христіанства. Аристократическая партія, прежде и сильнѣе другихъ выступившая на сцену, скорѣе другихъ убѣдилась въ своемъ безсиліи и несостоятельности. На пизанскомъ соборѣ потерпѣла она первое жалкое пораженіе [1]. Собравшіеся тамъ кардиналы и епископы ломали изъ себя какихъ-то повелителей вселенной; въ своемъ высокомѣріи они призывали на судъ и низлагали папъ. Никто изъ обвиненныхъ не обратилъ вниманія на ихъ приговоры. Низложенные ими еретики и раскольники не думали отказываться отъ первосвященническаго сана. Народы оста-

[1] Объ этомъ соборѣ см. любопытныя подробности у *Неандера*, въ 6 т. его «церковной исторіи».

вались въ прежнемъ тупомъ равнодушіи; они какъ-будто платили презрѣньемъ, за презрѣнье, надутымъ церковнымъ аристократамъ. Правители и короли не спѣшили признавать соборнаго папу; они также подражали примѣру прелатовъ и соображались въ своихъ дѣйствіяхъ не съ высшимъ интересомъ христіанства, а съ своимъ собственнымъ эгоизмомъ. Вмѣсто двухъ папъ, явилось три, и каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ почитателей и приверженцевъ. За много обѣщанную реформу пизанскій соборъ и не подумалъ взяться. У самыхъ ревностныхъ теоретиковъ и крикуновъ отпала охота и мужество, когда имъ пришлось осуществлять на практикѣ свои хваленныя идеи. Сознаніе безсилія и всеобщаго равнодушія парализовало энергію аристократовъ, и они разошлись не сдѣлавъ ничего, предоставивъ все дѣло реформы вновъ избрѣнному ими папѣ Александру V.

Движеніе времени не могло однако-же остановиться на одной этой безплодной попыткѣ; сами партіи не могли отказаться отъ своихъ завѣтныхъ стремленій и плановъ, перемѣнилась только тактика партій. То, чего пытались прежде добиться аристократы одни, то старались они осуществить теперь въ союзѣ съ свѣтскою монархическою властью. Исходнею точкою и образцемъ аристократо-іерархическихъ стремленій была галликанская церковь; но эта церковь достигла своихъ привилегій только съ помощью и подъ покровомъ королевской власти. Епископы и прелаты, задумавъ эманципировать себя совершенно изъ-подъ вліянія Рима, и, сознавая невозможность достигнуть этого собственными силами, нашлись также вынужденными обратиться къ поддержкѣ свѣтской власти. Соборные теоретики начали провозглашать, что на христіанскихъ короляхъ, и прежде всего на императорѣ римскомъ, лежитъ священная обязанность — стать, въ такое критическое время, во главѣ христіанства, принять подъ

были движенія, выставившія на своемъ знамени прекрасныя слова: соборъ и реформа.

Послѣ этого общаго обзора западно-европейскаго движенія, мы приходимъ опять къ исторіи чешской. Здѣсь мы встрѣтимъ также оппозицію Риму, но оппозицію съ другимъ характеромъ и иными результатами.

Если на западѣ насъ поражало разнообразіе формъ и проявленій движенія; то въ Чехіи мы будемъ удивляться непобѣдимой силѣ, неразлучной съ сознаніемъ и единствомъ. Что на западѣ является въ отдѣльности, часто даже въ противорѣчіи; то представляется въ Чехіи въ гармоническомъ согласіи и дружномъ содѣйствіи. Объяснить подобное, по видимому странное, различіе есть главная задача нашего труда, вопросъ, разрѣшеніе котораго имѣется по преимуществу въ виду.

Два вышеизложенные отдѣла уяснили уже намъ извѣстныя стороны вопроса. Первый изъ нихъ имѣлъ цѣлью показать: по какимъ причинамъ народное сознательное начало такъ рано сдѣлалось средоточіемъ всей исторіи чешскаго народа; почему оно должно было необходимо соединиться съ извѣстнымъ религіознымъ направленіемъ и отожествиться съ нимъ въ такой сильной степени. Второй отдѣлъ старался уяснить, съ одной стороны, отношенія частнаго чешскаго движенія къ обще-европейскому, показать, съ другой стороны, коренное различіе въ характерѣ обоихъ движеній, различіе, условливавшееся отнюдь не случайными обстоятельствами, а всѣмъ предыдущимъ процессомъ историческаго развитія. Мы видѣли коренное различіе въ самомъ источникѣ, исходной точкѣ той и другой оппозиціи; неудивительно послѣ того рѣзкое различіе какъ во всемъ развитіи, такъ и въ окончательномъ результатѣ. Оппозиція на западѣ вышла изъ высшихъ точекъ общества; причинами ея были, съ одной стороны, усили-

шеся развитіе и образованіе, съ другой—пришедшія въ рѣзкій контрастъ съ духомъ общества, притязанія и безнравственность іерархіи. Оппозиція, сосредоточивавшаяся такимъ образомъ если не въ высшей, то по крайней мѣрѣ образованнѣйшей части общества, во всякомъ случаѣ весьма немногочисленной, могла бы имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы она успѣла склонить въ свою пользу народныя массы, провести въ нихъ свои идеи и стремленія. Но это не удалось оппозиціи, отчасти по ея собственной винѣ, а главное потому, что народу трудно было вырости въ одинѣ день до уровня образованной оппозиціи, интересы которой были далеки отъ его интересовъ. — Теперь мы обратимся къ третьему и послѣднему отдѣлу, въ которомъ постараемся объяснить характеръ и развитіе собственнаго чешскаго движенія.

III.

Мы не имѣемъ въ виду писать исторію Чехіи въ періодъ реформаціи; изложеніе наше будетъ касаться только перваго фазиса чешскаго движенія, тѣхъ на первый взглядъ не громкихъ и мало замѣтныхъ во внѣшней жизни явленій, изъ которыхъ сложилось подъ-конецъ громадное и богатое послѣдствіями явленіе чешскаго гусситства. Прежде всего мы напомнимъ читателю, уже указанныя нами въ первыхъ отдѣлахъ, обстоятельства, напередъ условливавшія ходъ и результаты оппозиціи въ Чехіи: это—инстинктивное отвращеніе народа чешскаго къ католицизму, неизгладимое сочувствіе къ древнимъ остаткамъ православія, а вслѣдствіе всего этого—подготовленность массъ къ оппозиціи не формальной, какъ это было на западѣ, а внутренней и дѣйствительной. Исходя отъ этой основной точки, мы укажемъ преж-

были движенія, выставившія на своемъ знамени прекрасныя слова: соборъ и реформа.

Послѣ этого общаго обзора западно-европейскаго движенія, мы приходимъ опять къ исторіи чешской. Здѣсь мы встрѣтимъ также оппозицію Риму, но оппозицію съ другимъ характеромъ и иными результатами.

Если на западѣ насъ поражало разнообразіе формъ и проявленій движенія; то въ Чехіи мы будемъ удивляться непобѣдимой силѣ, неразлучной съ сознаніемъ и единствомъ. Что на западѣ является въ отдѣльности, часто даже въ противорѣчіи; то представляется въ Чехіи въ гармоническомъ согласіи и дружномъ содѣйствіи. Объяснить подобное, по видимому странное, различіе есть главная задача нашего труда, вопросъ, разрѣшеніе котораго имѣется по преимуществу въ виду.

Два вышеизложенные отдѣла уяснили уже намъ извѣстныя стороны вопроса. Первый изъ нихъ имѣлъ цѣлью показать: по какимъ причинамъ народное сознательное начало такъ рано сдѣлалось средоточіемъ всей исторіи чешскаго народа; почему оно должно было необходимо соединиться съ извѣстнымъ религіознымъ направленіемъ и отожествиться съ нимъ въ такой сильной степени. Второй отдѣлъ старался уяснить, съ одной стороны, отношенія частнаго чешскаго движенія къ обще-европейскому, показать, съ другой стороны, коренное различіе въ характерѣ обоихъ движеній, различіе, условливавшееся отнюдь не случайными обстоятельствами, а всѣмъ предыдущимъ процессомъ историческаго развитія. Мы видѣли коренное различіе въ самомъ источникѣ, исходной точкѣ той и другой оппозиціи; неудивительно послѣ того рѣзкое различіе какъ во всемъ развитіи, такъ и въ окончательномъ результатѣ. Оппозиція на западѣ вышла изъ высшихъ точекъ общества; причинами ея были, съ одной стороны, усилія

избыткѣ обладалъ его отецъ. Придворная атмосфера съ ея интригами и ласкательствами, раннее знакомство и пресыщеніе почестями и блескомъ — никогда не могутъ образовать твердаго, энергическаго характера. Карлъ провелъ свою молодость въ безпокойствѣ и лишеніи. Дикая, страстная натура короля Яна всего менѣе была способна изнѣжить, избаловать сына. Его рыцарскій духъ не мѣшалъ ему смотрѣть съ какою-то завистью и подозрительностію на успѣхи Карла. Онъ удалилъ его изъ Чехіи и послалъ на воспитаніе къ французскому двору. Онъ давалъ ему часто трудныя и сомнительныя порученія, посылалъ его туда, гдѣ вѣрны были заботы и испытанія, сомнительны успѣхи и слава. Но изъ всѣхъ испытаній выходилъ Карлъ съ честью. Во Франціи онъ заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе. Онъ усвоилъ себѣ тамъ не однѣ блестящія манеры и внѣшность французскаго двора и рыцарства, но и основательныя научныя свѣдѣнія въ парижскомъ университетѣ. Въ Ломбардіи, куда послалъ его отецъ поддерживать свое распадающееся господство, онъ пріобрѣлъ репутацію не только ловкаго дипломата, но и храбраго воина и искуснаго полководца. Когда Янъ навлекъ на себя ненависть и презрѣніе чеховъ, когда онъ разорилъ всю страну своими поборами и налогами, тогда онъ счелъ за лучшее отказаться на-время отъ правленія и поручить его своему сыну. При этомъ онъ не отказался отъ врожденныхъ его натурѣ подозрительности и зависти. По мѣрѣ возможности, старался онъ ограничить власть Карла, былъ болѣе всего далекъ отъ мысли раздѣлить съ нимъ высшія почести и корону, и заботливо наблюдалъ за каждымъ шагомъ молодаго правителя. Въ такой-то школѣ развились и безъ того уже великія дарованія Карла. Отсюда онъ вынесъ свою осторожность и разсчитанность въ дѣйствіяхъ, отсюда свой трезвый, ясный взглядъ, умѣнье поль-

де всего на чисто внѣшнія политическія обстоятельства, отчасти способствовавшія, отчасти задерживавшія движеніе. Вслѣдъ затѣмъ мы увидимъ, какъ борьба враждебныхъ началъ въ Чехіи проникала мало по малу всѣ сословія и какъ она сосредоточилась, наконецъ, на спорѣ за преобладаніе въ университетѣ. Рѣшеніе этого спора въ пользу народно-реформаціонной партіи было вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательною побѣдою этой партіи. Очищеніе университета отъ чуждыхъ нѣмецкихъ элементовъ открыло широкій путь нововведеніямъ, и нація, слѣдовавшая въ-началѣ за своими учеными представителями, скоро увлекла и ихъ самыхъ въ потокъ революціоннаго движенія.

Въ числѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на ходъ реформаціоннаго движенія въ Чехіи, стояла на первомъ планѣ личность Вячеслава, короля чешскаго, къ характеристикѣ которой мы и обратимся теперь. Какъ ни заботился Карлъ IV съ самаго дня рожденія сына о его воспитаніи и достойномъ подготовленіи къ будущему высокому сану, тѣмъ не менѣе Вячеслава постигла участь, общая весьма многимъ людямъ, еще съ малолѣтства назначеннымъ носить королевскую корону. — Малолѣтнему принцу сообщены были всѣ свѣдѣнія, считавшіяся необходимыми въ то время. Онъ говорилъ и писалъ свободно, какъ на своемъ родномъ чешскомъ, такъ и на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Онъ изучилъ довольно хорошо языкъ латинскій и былъ свѣдущъ не только въ общихъ наукахъ того времени, но такъ-же и въ императорскомъ, римскомъ, каноническомъ и чешскомъ правѣ. Къ сожалѣнію, этому формальному развитію не соотвѣтствовало развитіе внутренняго нравственнаго характера. Вячеславу не доставало той нравственной силы, того неутомимаго трудолюбія, того обширнаго и свѣтлаго взгляда, того тонкаго знанія свѣта и людей, которыми въ такомъ

гнѣва, онъ способенъ былъ иногда и на жестокость; но порывы эти скоро проходили, и мѣсто ихъ заступали глубокое раскаяніе и сожалѣніе. Постоянно онъ былъ одушевленъ наилучшими намѣреніями, и задачею своей жизни считалъ, безъ сомнѣнія, счастіе ввѣренной ему страны. Къ сожалѣнію, не всегда онъ избиралъ вѣрныя средства къ осуществленію своихъ намѣреній, а главное, не былъ одаренъ большою проницательностію и не умѣлъ отличать существенное отъ мелочей. Считая своею обязанностію мѣшаться во все и регулировать, даже самыя мелочныя, отношенія жизни, онъ упускалъ, въ то-же время, изъ виду несравненно важнѣйшіе интересы. Зорко наблюдая за хлѣбниками и мясниками, раскрывая и наказывая ихъ обманы, Вячеславъ былъ не совсѣмъ внимателенъ къ возрастающей оппозиціи и къ явно-враждебнымъ, противъ него, движеніямъ аристократіи. Въ первые годы своего правленія обнаруживалъ онъ часто, по истинѣ, изумительную дѣятельность. Единственнымъ развлеченіемъ его, въ это время, была охота, которой онъ предавался до страсти, въ свободные отъ занятій, часы. Почти каждый день издавалъ онъ множество распоряженій и привилегій. Благодаря неусыпной его заботливости, чешскіе финансы пришли при немъ въ самое цвѣтущее положеніе; народъ былъ значительно облегченъ отъ податей и повинностей; неслыханные до того спокойствіе и миръ водворились въ странѣ. По выраженію лѣтописи, можно было безопасно пройдти съ мѣшкомъ денегъ, на головѣ, отъ одного конца Чехіи до другаго. Старанія Вячеслава не ограничивались одною Чехіею; онъ не упускалъ изъ виду своихъ обязанностей и въ отношеніи къ Германіи. Всѣми силами старался онъ упрочить тутъ земскій миръ (Landfriede) и по возможности прекратить смуты, раздиравшія Св. Имперію. Такимъ образомъ, у короля, въ первое время, не

было недостатка ни въ доброй воли, ни въ готовности трудиться. Къ сожалѣнію, его время требовало другихъ, болѣе высшихъ качествъ. Лишь истинно великимъ людямъ дается способность вѣрно понимать духъ и стремленіе времени, только истинно-геніальная личность можетъ сдѣлаться, хотя на-время, представителемъ и руководителемъ массъ. Вячеславъ не принадлежалъ къ этимъ избраннымъ поборникамъ Провидѣнія. Его способностей хватило, можетъ быть, на управленіе государствомъ въ мирную, спокойную эпоху; бурная революціонная пора могла обнаружить только его несостоятельность. Дальновидный Карлъ не понималъ всей важности историческаго процесса, происходившаго въ средѣ чешскаго народа, наружная тишина и довольство скрывали отъ его взоровъ тревожные симптомы начинающагося броженія; какъ видно, онъ даже и не подозрѣвалъ возможности скораго насильственнаго взрыва. Тревожные симптомы и броженіе усилились при Вячеславѣ, стремленія, скрытыя и неясныя до-селѣ, начали выходить наружу и разъясняться; но непроницательный король не понималъ сущности и значенія этихъ движеній. Текущія дѣла правленія считалъ онъ своею главною, исключительною заботою; на все остальное онъ смотрѣлъ какъ на явленія случайныя, скоро-преходящія. Поставленный въ средѣ борющихся партій, онъ даже не зналъ, на какую сторону должны его призывать честь и интересы страны. Свободный отъ національныхъ предразсудковъ и исключительности, онъ, въ то-же время, лишенъ былъ твердаго, сознательнаго политическаго смысла. Его чувство набожности было равно далеко и отъ фанатизма и отъ истиннаго религіознаго одушевленія. Въ мелочахъ религіи, какъ и политики, онъ былъ большимъ либераломъ; возвыситься же до общихъ понятій у него не хватило ни силы, ни способности. Не рѣдко позволялъ онъ себѣ шутить съ послами

и открыто высказывать имъ свои сомнѣнія. Онъ отказался отъ вѣры въ чистилище и выпросилъ потомъ у папы позволеніе не соблюдать постовъ. Открыто и смѣло возставалъ онъ противъ притязаній духовныхъ, ясно стремился ограничить ихъ свѣтскую власть и значеніе, и не прочь былъ воспользоваться начавшимся религіознымъ движеніемъ для государственныхъ цѣлей. Но истинный смыслъ и неизбѣжныя слѣдствія этого движенія остались для него непонятными. Таковъ былъ человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ чешскаго народа, въ эпоху его политическаго и религіознаго кризиса. Историкъ не имѣетъ права сожалѣть о подобной случайности. Не его дѣло заниматься предположеніями и догадками. Движенія, подобныя чешской революціи XIV вѣка, не легко поддаются руководству и вліянію отдѣльныхъ личностей. Лозунгомъ этой революціи былъ рѣшительный разрывъ съ старою религіею и государственнымъ порядкомъ. Правительство никогда не могло стать во главѣ подобнаго движенія, его роль, въ такихъ случаяхъ, бываетъ, обыкновенно, чисто консервативная. Если-бы въ чешскомъ правительствѣ того времени было болѣе проницательности и смѣлости, то, можетъ быть, событія и не приняли бы такого быстраго, разрушительнаго направленія, но никакая сила въ свѣтѣ не была бы въ состояніи задержать или подавить движенія, совершавшагося со всею неудержимостію великаго историческаго процесса.

Приступая къ разсказу о дальнѣйшемъ развитіи чешскаго движенія, мы прежде всего постараемся исключить изъ него все то, что не имѣетъ къ нему непосредственнаго отношенія. Общество и народъ не въ состояніи разомъ отказаться отъ своего прошлаго. Новые интересы и стремленія проникаютъ въ нихъ лишь постепенно; старыя отношенія долго еще удерживаютъ для нихъ свою силу и значеніе. Старая чешская аристократія дала, какъ

было недостатка ни въ доброй воли, ни въ готовност
диться. Къ сожалѣнію, его время требовало другихъ,
высшихъ качествъ. Лишъ истинно великимъ людямъ
способность вѣрно понимать духъ и стремленіе времени,
истинно-геніальная личность может сдѣлаться, хотя на-
представителемъ и руководителемъ массъ. Вячеславъ не і
лежалъ къ этимъ избраннымъ поборникамъ Провидѣні
способностей хватило, можетъ быть, на управленіе государ
въ мирную, спокойную эпоху; бурная революціонная пора
обнаружить только его несостоятельность. Дальновидный
не понималъ всей важности историческаго процесса, прои
шаго въ средѣ чешскаго народа, наружная тишина и дов
скрывали отъ его взоровъ тревожные симптомы начинаю
броженія; какъ видно, онъ даже и не подозрѣвалъ в
ности скораго насильственнаго взрыва. Тревожные симп
броженіе усилились при Вячеславѣ, стремленія, скрытыя
ясныя до-селѣ, начали выходить наружу и разъясняться;
проницательный король не понималъ сущности и значенія
движеній. Текущія дѣла правленія считалъ онъ своею гл
исключительною заботою; на все остальное онъ смотрѣлъ
на явленія случайныя, скоро-преходящія. Поставленн
средѣ борющихся партій, онъ даже не зналъ, на какую с
должны его призывать честь и интересы страны. Сво
отъ національныхъ предразсудковъ и исключительности, он
то-же время, лишенъ былъ твердаго, сознательнаго политич
смысла. Его чувство набожности было равно далеко и о
натизма и отъ истиннаго религіознаго одушевленія. Въ ме
религіи, какъ и политики, онъ былъ большимъ либер
возвыситься же до общихъ понятій у него не хватило ни
ни способности. Не рѣдко позволялъ онъ себѣ шутить съ п

стократія, по ея словамъ, была однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ первобытной жизни чешскаго народа. Далимилъ находитъ пановъ, съ значеніемъ позднѣйшихъ феодальныхъ бароновъ, уже во времена Любуши и Пшемысла. Странно было бы видѣть, въ подобномъ мнѣніи, лишь одно наивное заблужденіе чешскаго хрониста. Въ средніе вѣка, особливо въ послѣднее столѣтіе, писатели не такъ наивны и дѣтски не развиты, какъ представляютъ ихъ себѣ многіе. Тогдашніе историки и ѳеологи не совсѣмъ были чужды искусства извращать факты и преднамѣренно вводить въ заблужденіе своихъ читателей. Чешскіе паны конца XIV вѣка искусно пользовались формами древняго государственнаго и общественнаго устройства и придавали имъ, согласно съ своими видами, чисто аристократическій характеръ. Движенія аристократіи клонились, такимъ образомъ, не столько къ защитѣ народнаго начала, сколько своихъ собственныхъ привилегій. Въ правленіе Короля Вячеслава IV паны, разсчитывая на слабость правительства и сочувствіе народныхъ массъ, наконецъ открыто выступили съ своими требованіями. Какого рода были эти требованія, можно судить изъ записки, поданной ими тогда королю и сохранившейся до нашего времени [1]. Въ этомъ интересномъ актѣ, равно какъ и въ другихъ прокламаціяхъ jednoty panskéj, замѣтно прежде всего стремленіе виставить свое дѣло общимъ (своимъ) дѣломъ всей страны. Цѣлью панскаго союза объявляется защита общаго блага страны и правъ всѣхъ и каждаго. Всѣ члены обязуются не оставлять союза до тѣхъ поръ, пока ни возвратятъ землѣ того права и правды, которыя она имѣла прежде, во времена предковъ. Какого-же рода было это право? Пер-

---

[1] Записка эта, вмѣстѣ съ другими актами, относящимися къ панскому союзу, Jédnot'e panskéj, напечатана въ первомъ томѣ Archiv'a чешскаго, *Палацкаго*, стр. 52—68.

вое и важнѣйшее требованіе пановъ касалось устройства высшаго земскаго суда. Съ незапамятныхъ временъ составъ этого судилища былъ слѣдующій. Въ немъ засѣдали, кромѣ короля и принцевъ королевскаго дома, четыре высшихъ земскихъ сановника (старшій бургграфъ, высшій каморникъ, отъ котораго зависятъ всѣ королевскіе города, высшій земскій судья и высшій земскій писарь). Архіепископъ пражскій съ своими суфраганами, 12 кметовъ и наконецъ столько бароновъ, сколько пожелаютъ быть[1]. Важнѣйшими членами судилища были, разумѣется, 12 кметовъ, или земскихъ присяжныхъ, такъ-какъ отъ нихъ зависѣло какъ опредѣленіе рѣшенія, такъ и всѣ другіе судебные акты. Назначеніе кметовъ, со времени утвержденія монархической власти въ Чехіи, зависѣло отъ короля. Онъ выбиралъ ихъ, обыкновенно, изъ самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ землевладѣльцевъ въ странѣ. Западная аристократія, основавшаяся на правѣ происхожденія, тогда еще не извѣстна была въ Чехіи. Богатѣйшія фамиліи страны, правда, стояли высоко надъ остальною массою народонаселенія и составляли что-то въ родѣ дворянства; но это дворянство условливалось не столько происхожденіемъ, сколько матеріальнымъ богатствомъ и королевскою милостью. Обѣднѣвшіе, измельчавшіе земанскіе роды теряли, обыкновенно, всякое значеніе и смѣшивались съ массою. Съ другой стороны, королевская милость и пожалованіе въ одинъ день могли поднять простаго поселянина до степени наивысшаго земана. При такомъ порядкѣ вещей, въ прежнее время, ясно, что не можетъ быть и рѣчи объ исключительномъ правѣ аристократіи на занятіе должности кметовъ. Аристократіи, въ позднѣйшемъ смыслѣ слова, въ то время не было. При первобытномъ демократическомъ у-

---

[1] *Палацкій*, Geschichte von Böhmen, 3 Bandes 2 Abtheilung. Глава I, Innere Zustände Boehmens unter K. Wenzel IV.

стройствѣ, избраніе кметовъ, или присяжныхъ, зависѣло, разумѣется, отъ народа; съ утвержденіемъ монархіи, это сдѣлалось неотъемлемымъ правомъ короны. Съ проникновеніемъ въ Чехію феодальнаго устройства и строгаго разграниченія сословій, аристократія начала объявлять свое исключительное право на эти важныя и почетныя должности. Союзъ панскій прямо требовалъ отъ короля Вячеслава, чтобы онъ назначалъ этихъ сановниковъ не иначе, какъ съ ихъ согласія, и при томъ непремѣнно изъ ихъ сословія. При этомъ паны указывали на примѣръ прежнихъ чешскихъ князей, выбиравшихъ кметовъ исключительно изъ земскаго сословія, забывая при этомъ, что тогдашніе земаны были вовсе не феодальные бароны, а только классъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Подобное требованіе основывалось, слѣдовательно, на преднамѣренномъ извращеніи исторіи и древняго земскаго обычая; въ результатѣ своемъ оно должно было отдать всю судебную власть въ руки аристократіи. Въ такомъ-же духѣ были и остальныя требованія едноты панской [1]. На тѣхъ-же основаніяхъ утверждала она, что и назначеніе четырехъ вышепоименованныхъ земскихъ сановниковъ должно происходить не иначе, какъ съ ея согласія, и объявляла эти должности также исключительною принадлежностью своего сословія. Нѣкоторыя изъ требованій пановъ были разсчитаны на то, чтобы привлечь на свою сторону остальное народонаселеніе. Многія изъ нихъ были, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, общими, довольно звонкими фразами; другія заключали въ себѣ, дѣйствительно, нѣкоторыя благодѣянія для народа. Чеканка монеты должна быть улучшена, и при томъ за норму принято условіе, постановленное императоромъ Карломъ

[1] Объ этомъ требованіи, равно какъ и о другихъ, смотри запись короля Вячеслава, данную имъ панскому союзу въ 1395 году 30 мая. Въ Архивѣ чешскомъ, *Палацкаго*, отъ стр. 56 до 58.

IV, въ 1379 г. Берна, или общая подать, должна была впередъ собираться не иначе, какъ съ согласія сословій, и при томъ лицами, назначенными для того самымъ сеймомъ. Но что значили для народа эти немногія сомнительныя благодѣянія, съ тою массою бѣдствій, которая обрушилась на Чехію вмѣстѣ съ враждою панской и возбужденнымъ ею кровавымъ междоусобіемъ. Безпорядки, произведенные чешскою аристократіею въ правленіе короля Вячеслава IV, можно сравнить съ войнами фронды во Франціи. И тутъ и тамъ выставлялись на видъ высшіе интересы страны и народа, и тутъ и тамъ тайными пружинами были сословный эгоизмъ, раздоръ и интриги самыхъ членовъ королевскаго дома. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы чешская аристократія XIV вѣка была такъ-же гнила и безсильна, какъ французская XVII вѣка; но тѣмъ не менѣе притязанія чешскихъ пановъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ возбуждать нашего сочувствія, и мы никакъ не можемъ разсматривать ихъ борьбу, какъ защиту народнаго дѣла. Негодованіе наше еще усилится, если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ велась эта борьба. Паны дѣйствовали не открытою оппозиціею на сеймахъ, а тайными заговорами и измѣною. Склонивши на свою сторону честолюбиваго и алчнаго Іоста, маркграфа моравскаго, брата Вячеславова, и вступивши въ сношенія съ Сигизмундомъ, королемъ венгерскимъ, другимъ братомъ Вячеслава, они не посовѣстились заключить тайный союзъ и съ иностранными нѣмецкими владѣльцами, герцогами австрійскими и маркграфомъ мейссенскимъ, и открыть родную страну опустошительнымъ набѣгамъ враждебныхъ нѣмцевъ. Измѣна и насиліе должны были утвердить перевѣсъ аристократіи. Съ сильнымъ отрядомъ вооруженныхъ людей, напали, Іостъ и бароны, на ничего не подозрѣвавшаго короля и измѣнически захватили его въ плѣнъ, въ монастырѣ Бераунѣ,

не-подалеку отъ Праги (1394 г.). Неслыханный обманъ послѣдовалъ за этимъ насиліемъ. Іостъ и бароны силились увѣрить не только Прагу, но и всю страну, что король совершенно свободенъ и что дѣйствія его вполнѣ самостоятельны. Тщательно скрывали они плѣнника отъ глазъ народа, по прежнему заставляли его подписываться на всѣхъ бумагахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ; обольщеніями и угрозами принудили они его назначить маркграфа Іоста старостою, или намѣстникомъ королевства, и учредить правительственный совѣтъ, изъ числа важнѣйшихъ бароновъ. Но всѣ эти обманы и интриги не повели къ цѣли. Король Вячеславъ нашелъ таки случай извѣстить своихъ подданныхъ о своемъ бѣдственномъ и стѣсненномъ положеніи. Всеобщее негодованіе овладѣло народомъ при этихъ слухахъ. Толпами начали стекаться со всѣхъ сторонъ чехи, подъ знамена вѣрнаго королевскаго брата, Яна Герлицкаго. Измѣнники вскорѣ выгнаны были изъ Праги и, не смотря на помощь австрійцевъ, принуждены были, наконецъ, освободить короля изъ плѣна. Волненіе и возмущеніе аристократіи не остановились, впрочемъ, на этой первой безумной попыткѣ. Еще нѣсколько разъ поднимали они противъ короля знамя возстанія и каждый разъ пятнали себя измѣною и клятвопреступленіемъ. Измѣннически убили они любимцевъ короля въ Карлштейнскомъ замкѣ и, не краснѣя, оправдывали свое преступленіе предъ королемъ и землею, обличая своихъ несчастныхъ жертвъ въ измѣнахъ и другихъ небывалыхъ преступленіяхъ[1]. Открыто поддерживали они сторону Рупрехта пфальцскаго, противника Вячеслава въ Германіи, и приводили непріятельскія дружины подъ самыя стѣны Праги. Еще

---

[1] См. *Палацкаго* «Исторію Богеміи». Томъ I, первая половина, стр. 102, и *Пельцеля*, Томъ II, стр. 26.

большимъ позоромъ, чѣмъ аристократія, запятнали себя въ этихъ усобицахъ члены люксембургскаго дома. Нравственная порча, разъѣвшая все высшее сословіе, не могла, разумѣется, пощадить и королевской фамиліи. Судьба потомства Карла IV возбуждаетъ скорѣе отвращеніе, нежели сожалѣніе. Люксембургцы топтали ногами интересы страны и своего собственнаго семейства; отвратительный эгоизмъ и алчность къ пріобрѣтеніямъ были, казалось, ихъ единственною страстью. Историкъ не можетъ указать ни на одно свѣтлое явленіе въ печальной и отвратительной исторіи этихъ государей.

Менѣе другихъ можетъ возбудить негодованіе несчастный образъ короля Вячеслава. Его слабость и нравственное безсиліе дѣлали его просто орудіемъ, игрушкою партій. Этими недостатками, равно какъ врожденнымъ легкомысліемъ и довѣрчивостью, пользовались самымъ возмутительнымъ образомъ его-же собственные братья и родственники, Іостъ и Сигизмундъ. Черствая, скаредная натура Іоста не отступала ни предъ какимъ коварствомъ и преступленіемъ. Преобладающею его страстью были — непомѣрная скупость и алчность. Легкомысленный, расточительный Сигизмундъ превосходилъ всѣхъ остальныхъ своимъ вѣроломствомъ и хитростію[1]. Оба они соперничали другъ съ другомъ въ непомѣрномъ честолюбіи, въ желаніи ограбить, уничтожить брата своего Вячеслава. Для этой цѣли они согласились съ недовольными чешскими панами и сосѣдними нѣмецкими владѣтелями; но не могли согласиться между собою и примирить свои взаимныя притязанія. Ослѣпленные безумною алчностью, они равнодушно снесли оскорбленіе, нанесенное всему ихъ дому нѣмецкими князьями,

---

[1] О характерѣ и жизни Сигизмунда смотри прекрасное изслѣдованіе *Ашбаха*, Geschichte Kaisers Sigmund's, въ 4 т.

въ лицѣ Вячеслава, объявленнаго недостойнымъ и лишеннымъ нѣмецкой короны. Мы далеки отъ намѣренія разбирать подробно отношенія Люксембурговъ; для нашей цѣли важенъ только окончательный результатъ и общее значеніе этихъ событій. Ни Іостъ, ни Сигизмундъ не достигли вполнѣ своей цѣли при жизни Вячеслава. Имъ не удалось свергнуть его съ чешскаго престола, и добыча, казавшаяся имъ столь вѣрною, ускользнула подъ-конецъ изъ ихъ рукъ. Враги Вячеслава ошиблись въ своихъ разсчетахъ именно потому, что сами были несогласны между собою. Каждому изъ нихъ хотѣлось взять все цѣликомъ—и Чехію и императорскую корону, и одинъ силился перехитрить другаго. Коварный Сигизмундъ захватилъ было, подъ-конецъ, и Іоста и Вячеслава въ свои руки, но случайное бѣгство Вячеслава и ненависть чеховъ къ мадьярскимъ ордамъ, съ помощью которыхъ онъ думалъ утвердить свое господство въ странѣ, разстроили подъ-конецъ всѣ его замыслы. Всѣ интриги и преступленія Люксембурговъ принесли имъ только одинъ плодъ. Они обнаружили въ глазахъ свѣта всю ихъ неспособность, безнравственность и слабость. Сами чехи поняли теперь, чего они могутъ ожидать отъ своей царствующей фамиліи и какую будущность готовятъ ихъ народности пышныя обѣщанія аристократіи. Процессъ ново-европейской исторіи свершилъ свой кругъ и закончился въ Чехіи скорѣе, нежели въ какомъ-либо другомъ европейскомъ государствѣ. Всѣ элементы средневѣковой жизни изжились и обезсилили тутъ чрезвычайно быстро. Занесенная извнѣ аристократія не могла укрѣпиться здѣсь твердо на почвѣ, сростись и проникнуться съ народной жизнью. Феодальный порядокъ не могъ окончательно утвердиться въ странѣ, ему мѣшали не совсѣмъ искорененные обычаи и учрежденія старины. Монархія подорвала сама свое значеніе, вздумавши опереться на чуждое народу, произвольно

устроенное третье сословіе. Католицизмъ не успѣлъ также утвердиться въ умахъ народа и вскорѣ пришелъ въ опасное для себя столкновеніе съ преданіями и обычаями ненавистной ему національной славянской церкви. Все развитіе чешскаго народа привело его наконецъ къ одному исходу, насильственному разрыву съ навязаннымъ ему феодально-католическимъ порядкомъ, и выдвиженію въ жизнь своего собственнаго національнаго начала. События правленія Карла IV подготовили эту развязку и незамѣтно создали, невѣдомую дотолѣ свѣту, силу народную. Личный характеръ Вячеслава IV и событія его правленія какъ нельзя лучше способствовали развитію и укрѣпленію этой силы. Шумныя движенія аристократіи и ссоры съ духовенствомъ отвлекали вниманіе правительства. Измѣнившіяся отношенія къ Германіи придали новую силу и значеніе народной партіи. Мы видѣли, какого рода вліяніе имѣла на Чехію тѣсная связь съ Германіею, начавшаяся у ней при Карлѣ IV. Пріобрѣтеніе императорской короны ея королемъ и перенесеніе столицы нѣмецкой имперіи въ Прагу было, въ-сущности, тяжелымъ ударомъ для ея народности. Отношенія эти не измѣнялись и въ первые годы правленія Вячеслава. Король этотъ, сколько можно судить, по источникамъ, не отличался особенною привязанностью къ чешской народности, хотя его нельзя заподозрить и въ пристрастіи къ нѣмцамъ. Но отношенія Вячеслава къ народности чешской должны были значительно измѣняться, по мѣрѣ того, какъ онъ терялъ свою власть и авторитетъ въ Германіи. Анархическое состояніе тогдашней св. римской имперіи требовало для нея несравненно болѣе энергическаго главы, нежели какимъ былъ Вячеславъ. Одною доброю волею и стараніемъ утвердить земскій миръ тутъ нельзя было ничего сдѣлать. Вячеславъ вскорѣ увидѣлъ всю безполезность

своихъ усилій. Ему надоѣли частыя и дорогія поѣздки въ имперію, безконечные и напрасные переговоры съ анархическими князьями и упрямыми горожанами. Не получая никакихъ существенныхъ выгодъ отъ имперіи и мало дорожа безполезными и скучными для него почестями, онъ счелъ, наконецъ, за лучшее предоставить Германію самой себѣ и заняться дѣлами болѣе близкой и доходной ему Чехіи. Но такое рѣшеніе римскаго короля не совсѣмъ понравилось его буйнымъ и своевольнымъ нѣмецкимъ вассаламъ. Они считали отсутствіе короля постыднымъ и вреднымъ для имперіи; говорили, что безъ него не возможны ни хорошее управленіе, ни прочный земскій миръ. Понятно, что Вячеславъ мало обращалъ вниманія на подобныя жалобы и лучше кого-либо другаго понималъ неискренность и притворство князей. Какъ бы то ни было, но неудовольствіе въ Германіи расло со дня на день. Неразумная политика Вячеслава вскорѣ оттолкнула отъ него послѣднихъ, естественныхъ приверженцевъ—имперскіе города. Какъ Вячеславъ отдалъ ихъ на жертву анархіи и произволу князей, такъ теперь и они продали его интересамъ князей и большей частью равнодушно смотрѣли на его сверженіе и избраніе новаго короля, Рупрехта пфальцскаго[1]. Понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на Вячеслава этотъ поступокъ нѣмецкихъ князей. Правда, онъ не побудилъ его къ особенно энергическимъ дѣйствіямъ въ пользу своего права, но за-то сильно оскорбилъ и окончательно отвратилъ его отъ нѣмцевъ. Рѣшительный разрывъ короля чешскаго съ Германіею разомъ обнаружился на всѣхъ отношеніяхъ Чехіи. Народная партія повсюду подняла голову. Королевская канцелярія устыдилась

---

[1] Ходъ этого дѣла хорошо разъясненъ въ VII главѣ, I-го тома, указаннаго уже нами сочиненія *Ашбаха*, отъ стр. 132 до 161.

своего прежняго нѣмецкаго языка и начала издавать свои акты, большею частью, по-чешски. Новый городъ пражскій, бывшій съ самаго начала чисто чешскою общиною, только теперь явно началъ обнаруживать свое благодѣтельное вліяніе на преобразованіе городскаго сословія въ народномъ духѣ. Прежде всего вліяніе это отразилось на старомъ мѣстѣ пражскомъ. Чешское народонаселеніе, всегда составлявшее въ немъ большинство и начавшее уже и прежде освобождаться изъ-подъ нравственнаго вліянія своихъ нѣмецкихъ согражданъ, убѣжденное въ покровительствѣ правительства, теперь еще рѣшительнѣе выступило на сцену и старалось забрать всѣ дѣла въ свои руки.

Съ этого времени въ числѣ городскихъ совѣтниковъ, или консуловъ, нѣмцы попадаются все рѣже и рѣже, и даже люди съ нѣмецкими фамиліями дѣлаются настоящими чехами. Еще важнѣе было вліяніе, произведенное этою, на первый взглядъ, чисто государственною перемѣною, на отношенія пражскаго университета. Мы уже видѣли, въ какомъ отношеніи находился этотъ университетъ къ чешской народности и какъ мало сходились интересы его съ интересами этой народности. Университетъ былъ произведеніемъ феодально-католической Европы, ея ученымъ и богословскимъ органомъ. Перенесенный на чешскую почву онъ столкнулся тамъ съ другимъ образованіемъ и другою цивилизаціею. Никто не станетъ оспаривать, что славянскій народъ, равно какъ и всякой другой, принесъ съ собою на историческое поприще богатые зародыши своей собственной своеобразной культуры. Всего болѣе можно это сказать о народѣ чешскомъ. Памятники его первобытной культуры и образованности сохранились, къ счастію, до нашего времени. Источники національной поэзіи и права, этихъ двухъ существеннѣйшихъ элементовъ всякой первобытной культуры, обильно текли въ старой Чехіи. Свѣжесть, оригинальность

и самобытная народная сила, выразившаяся въ древнѣйшихъ памятникахъ чешскаго народнаго творчества, краледворской рукописи и судѣ Любушиномъ, до сихъ поръ поражаютъ и изумляютъ всякаго мыслящаго наблюдателя. Такіе сильные и живучіе зачатки народной образованности не могутъ быть истреблены ни временемъ, ни случайными обстоятельствами. Развитіе самобытной чешской народности было на-время прервано могущественнымъ вліяніемъ запада. Народныя пѣсни затихли, въ литературѣ получилъ право господства языкъ латинскій; наивные, естественные образы національнаго творчества уступили мѣсто рыцарскому романтизму съ его фантастичностью и сентиментальностью; обычаи и формы стариннаго права и суда начали вытѣсняться болѣе развитыми юридическими отношеніями запада. Но подобное оттѣсненіе народнаго духа и творчества, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни, было явленіемъ временнымъ и переходнымъ. Поддавшись вліянію запада, проникшись его культурою, чешскій народъ тѣмъ не менѣе не отказался совершенно отъ своего собственнаго роднаго. XIV вѣкъ былъ временемъ пробужденія народнаго духа въ литературѣ и жизни. Мы видѣли уже проявленіе этого духа въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ произведеній начала XIV в.—чешской хроникѣ Далимила. Основаніе пражскаго университета способствовало, посредственно, поднятію и развитію этого духа. Не мало чеховъ спѣшило, разумѣется, воспользоваться плодами образованія, перенесеннаго, такимъ образомъ, въ ихъ родную страну. Не всѣ изъ нихъ шли въ университетъ съ единственною цѣлью пріобрѣтенія ученой степени и соединенныхъ съ нею матеріальныхъ выгодъ. Были изъ нихъ такіе, которые занимались наукою съ цѣлью воспользоваться ею для пользы и развитія своего народа. Такихъ людей, разумѣется, не могла не поразить отрѣшенность науки отъ жизни, ея

крайняя непрактичность и рабское служеніе выгодамъ іерархіи. Мы уже видѣли характеръ научныхъ занятій и интересовъ пражскаго университета. Всѣ науки, не исключая самаго права и медицины, разсматривались тутъ какъ служанки богословія, и все живое подавлялось мертвыми, часто безсмысленными формами. Но подъ этой твердою и безжизненною скорлупою средневѣковой науки, скрывалось, тѣмъ не менѣе, здоровое и жизненное зерно; не смотря на всѣ свои заблужденія, она имѣла основаніе — истину. Освободить это зерно отъ безполезной, стѣсняющей его скорлупы, очистить это истинное основаніе отъ ложной, скрывающей его софистики и передать очищенное, освобожденное, такимъ образомъ, отъ оковъ, знаніе народнымъ массамъ и передать его на живомъ народномъ языкѣ,—вотъ какова была, теперь, задача чешскихъ патріотовъ, занимавшихся наукою. Съ полнымъ сознаніемъ всей великости и святости дѣла, съ пламеннымъ энтузіазмомъ посвятить ему всю свою жизнь, взялся за разрѣшеніе этой задачи незабвенный рыцарь чешскій — Ѳома *Штитный*. Лѣта своей молодости провелъ онъ въ новооткрытомъ университетѣ пражскомъ. Онъ слушалъ лекціи всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ тогда магистровъ и основательно изучилъ какъ семь свободныхъ искусствъ, такъ и схоластическое богословіе. Какъ человѣкъ съ достаткомъ, онъ не счелъ за нужное посвятить себя духовному сану или хлопотать о полученіи ученыхъ степеней, а поселился въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи и занялся, главнымъ образомъ, литературою. Въ сочиненіяхъ своихъ, написанныхъ на чешскомъ языкѣ и имѣющихъ своимъ главнымъ предметомъ вопросы христіанской религіи и нравственности, онъ старался обобщить и передать въ популярной формѣ своимъ землякамъ результаты тогдашней науки. Штитный былъ христіаниномъ - философомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Сочиненія его дышутъ непритворною набож-

ностью и полны того дѣтскаго смиренія и спокойствія, которыя даются лишь одною вѣрою. Мы не замѣчаемъ у него пытливаго стремленія проникнуть тайны христіанской догматики. Его толкованіе идетъ только до тѣхъ поръ, пока возможно разумное и ясное пониманіе, и останавливается съ смиренною вѣрою предъ неисповѣдимыми таинствами божественнаго откровенія. Казалось бы, что такое тихое, безусловно-нравственное и строго-христіанское направленіе Штитнаго должно бы было его избавить отъ всевозможныхъ нападокъ. Но, мы уже сказали, въ чемъ состояла главная сила и заслуга Штитнаго. Онъ первый сталъ излагать богословскіе ученые вопросы на чешскомъ языкѣ и излагать ихъ, притомъ, въ понятной популярной формѣ. „Богу такъ-же пріятенъ чехъ, какъ и латинникъ", объявилъ онъ во всеуслышаніе. „Апостолъ Павелъ писалъ свои посланія каждому народу на его языкѣ: евреямъ — на еврейскомъ, грекамъ — на греческомъ. Св. писаніе свидѣтельствуетъ, что у короля Асвера было множество писцовъ, и каждый изъ нихъ писалъ царскія повелѣнія всякому народу на его языкѣ; почему же бы Господу Богу не объявить своей воли и своего писанія чехамъ, на ихъ родномъ языкѣ". Такія слова и подобныя намѣренія были величайшимъ преступленіемъ въ глазахъ ученыхъ латинниковъ и магистровъ пражскаго университета. Уже то, что Штитный, не будучи ни магистромъ, ни баккалавромъ, не имѣя никакой ученой степени, осмѣливается писать объ ученыхъ предметахъ, — должно было привести ихъ въ негодованіе. Еще болѣе ужасала ихъ дерзкая профанація того, что было доступно дотолѣ лишь имъ однимъ. Духъ цеха и корпораціи, со всею своею отвратительною исключительностью, съ яростію возсталъ противъ свободнаго человѣка, осмѣлившагося открыть глазамъ народа старательно оберегаемое имъ сокровище. Борьба между

университетскою корпораціею и людьми, подобными Штитному, была не избѣжна. Она велась со всѣмъ ожесточеніемъ тогдашней грубой полемики. Рыцарь - литераторъ блистательно отражалъ всѣ нападенія цеховыхъ ученыхъ. Онъ оправдывалъ себя примѣромъ св. Бригитты и Милича (чешскаго проповѣдника, о немъ смотри ниже), которые не будучи магистрами, писали, однако-же, ученыя сочиненія. Противниковъ своихъ онъ обвинялъ прямо въ недобросовѣстности и говорилъ, что они хлопочутъ лишь о томъ, кто пишетъ, а не о томъ, правда ли написана. На упрекъ, что онъ говоритъ о высокихъ и ученыхъ предметахъ людямъ невѣжественнымъ и глупымъ, Штитный возражалъ, что св. Іеронимъ писалъ и женщинамъ и объяснялъ имъ св. писаніе: „порицая чешскія книги, даже и полезныя, вы тѣмъ прямо показываете, что лишь одни хотите быть мудрыми“. Споръ Штитнаго съ университетскими учеными мы не должны разсматривать, какъ явленіе единичное. Въ немъ выразился рѣшительный разрывъ истинно-народнаго образованія и литературы съ мертвою схоластическою ученостью. Попытки оживить это ученіе встрѣтили самое сильное сопротивленіе со стороны университета и еще болѣе расширили бездну, и безъ того уже отдѣлявшую его отъ народа. Въ разгорѣвшейся, такимъ образомъ, борьбѣ, университетъ могъ удерживать свое прежнее положеніе лишь до тѣхъ поръ, пока ни проникъ въ него внутренній разладъ; другими словами: пока перевѣсъ оставался въ немъ на сторонѣ противниковъ чешской народности, нѣмцевъ. Но именно въ этомъ-то отношеніи и произошла въ управленіи Вячеслава рѣшительная перемѣна.

Уже основаніе новыхъ университетовъ въ Германіи, въ Гейдельбергѣ, Вѣнѣ и Кельнѣ, отвлекло изъ Праги значительную часть нѣмецкихъ студентовъ. Политическія отношенія Вячеслава къ Германіи, усиливающееся тамъ противъ него неудовольствіе — не оста-

лись, такъ-же, безъ вліянія и на университетъ. Нѣмцы меньше стали теперь посѣщать враждебную имъ страну, а послѣ избранія королемъ Рупрехта, большая часть баварцевъ и южныхъ нѣмцевъ удалились изъ Праги. Сильная убыль иностранныхъ студентовъ будетъ для насъ еще яснѣе, если мы заглянемъ въ университетскія матрикулы того времени. До 1389 года число студентовъ, поступившихъ на юридическій факультетъ, доходило до 128, въ періодъ времени отъ 1390 — 1408, оно упало до 60, слѣдственно уменьшилось болѣе, нежели на-половину. Въ философскомъ факультетѣ, въ тотъ-же періодъ времени, число получившихъ степени упало съ 121 на 81; уменьшилось, слѣдовательно, цѣлою третью [1]. Чѣмъ болѣе уменьшалось, такимъ образомъ, число нѣмцевъ въ университетѣ, тѣмъ несноснѣе и несправедливѣе казалось чехамъ преобладаніе, удерживаемое ими по прежнему. Какъ въ городскихъ общинахъ почетнѣйшія и выгоднѣйшія должности принадлежали нѣмцамъ, такъ и въ университетѣ они присвоили себѣ монополію въ этомъ отношеніи. Между 35 деканами, артистическаго факультета, отъ 1368—1384 года, встрѣчаются только пять изъ чешскаго народа; сколько изъ нихъ было дѣйствительно чеховъ, рѣшить трудно. — Изъ 12 ректоровъ юридическаго факультета, отъ 1372 — 1384 года, было всего два изъ чешскаго народа; первый Генрихъ изъ Стволенки, въ 1378, вторый Николай Геунгеровъ, происходившій, впрочемъ, изъ нѣмецкой фамиліи, одной изъ богатѣйшихъ фамилій въ Прагѣ, былъ два раза избираемъ ректоромъ въ 1381 и 1384 гг.

---

[1] Смотри *Томка* «исторію пражскаго университета» стр. 108—110, и статью въ журналѣ Чешскаго музея, 1846 г., кн. II, стр. 212, «О числѣ студентовъ въ университетѣ пражскомъ».

Лучшія и доходнѣйшія коллегіатскія мѣста были также въ рукахъ нѣмцевъ. Изъ нихъ они переходили на канониката и другія богатыя пребенды, не только на соединенныя съ университетомъ, но и на находившіяся при другихъ монастыряхъ и церквахъ. Чешскіе же магистры принуждены были довольствоваться низшими школами въ мѣстечкахъ и селахъ. Понятно, что Чехи не могли смотрѣть равнодушно на подобный порядокъ. Ихъ національное чувство и интересъ оскорблялись при мысли, что университетъ, содержащійся исключительно на счетъ страны, находится въ полномъ распоряженіи иноземцевъ; что мѣста, связанныя не только съ большими матеріальными выгодами, но и съ громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ на народъ, поручаются однимъ же иноземцамъ. Сознаніе такой несправедливости вскорѣ нашло себѣ отголосокъ въ стѣнахъ университета. Въ 1384 году, въ ректорство Конрада Солтау, вспыхнуло первое явное несогласіе между нѣмецкими народами и чехами. Дѣло шло о коллегіи Карла, исключительнаго обладанія которой нѣмцами чехи не хотѣли терпѣть долѣе. Не могши рѣшить спора сами собою, обѣ партіи обратились, наконецъ, съ жалобами къ королю, его совѣтникамъ и архіепископу пражскому, канцлеру университета. Формальное право было, разумѣется, на сторонѣ нѣмцевъ: за нихъ говорили обычаи и статуты университета; но король и архіепископъ не могли не убѣдиться въ фактической справедливости требованій чеховъ и рѣшили дѣло въ ихъ пользу. 2 декабря 1384 года, архіепископъ пражскій Янъ изъ Эйнштейна объявилъ свой приговоръ, по которому всѣ мѣста при коллегіи Карла должны были заниматься чехами, и только за недостаткомъ ихъ могли поручаться людямъ другихъ націй. Нѣмцы, какъ и слѣдовало ожидать, остались недовольны этимъ рѣшеніемъ. Они подали аппеляцію папѣ, въ которой защищали свободу и приви-

легіи университета отъ притязаній архіепископа; утверждали, что онъ не имѣлъ никакого права рѣшать этого дѣла, и что университетъ, какъ свободная, никому не подчиненная община, одинъ лишь имѣетъ право опредѣлять и объяснять свои статуты [1]. Не довольствуясь аппеляціею, нѣмцы спѣшили употребить и другія болѣе дѣйствительныя средства для обузданія чеховъ. Ректоръ Конрадъ Солтау запретилъ, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, опредѣленныхъ въ статутахъ университета, чтеніе всѣхъ лекцій, надѣясь этою необычайною мѣрою побудить чеховъ къ уступчивости. Чехи не обратили однако-же ни малѣйшаго вниманія на это запрещеніе. Хорошо вооруженные, собирались они въ университетъ; ихъ магистры и бакалавры продолжали чтеніе лекцій и спокойно занимались своими диспутами, подъ такою вѣрною защитою. Многіе чехи пошли гораздо далѣе этой вынужденной и умѣренной обороны своего права. Переодѣвшись въ простое платье, они напали на ректора и другихъ членовъ нѣмецкой партіи и исколотили ихъ безъ милосердія. Нѣмцы убѣдились подъ-конецъ въ безполезности своихъ усилій какъ при королевскомъ дворѣ, такъ и въ самомъ Римѣ, и рѣшились уступить своимъ противникамъ. При посредничествѣ Николая Пухника, офиціала пражскаго архіепископа, заключена была мировая сдѣлка между коллегіею Карла, съ одной стороны, и народомъ чешскимъ, съ другой. Въ этой сдѣлкѣ было постановлено, чтобы 10 мѣстъ при коллегіи Карла принадлежали чехамъ, а остальныя два были открыты какъ для нихъ, такъ и для другихъ націй.

---

[1] Этотъ важный документъ приводитъ Бальбинъ въ своей Bohemia docta, на 76 р., по рукописи іезуитской коллегіи въ Прагѣ. Къ сожалѣнію, онъ сообщаетъ только небольшой отрывокъ.

Этотъ первый успѣхъ значительно ободрилъ чеховъ и придалъ новую силу ихъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Прежде всего они, разумѣется, старались упрочить за собою разъ пріобрѣтенное, и зорко наблюдали за исполненіемъ заключеннаго условія. 20 апрѣля 1391 года, члены коллегіи Карла приняли въ среду свою магистра Конрада Бенешовскаго, родомъ изъ княжества опавскаго въ Силезіи.

Чешскій народъ возсталъ противъ этого избранія на томъ основаніи, что магистръ Конрадъ былъ не природный чехъ. Въ распрѣ, начавшейся съ этого, были выбраны посредниками между коллегіею и чешскими магистрами: Бартоломей Торловъ и Албертъ Енгельшалькъ. По ихъ приговору, Конрадъ Бенешовскій былъ оставленъ въ коллегіи; но на будущее время было постановлено, чтобы никто изъ его родины не причислялся болѣе къ чешскому народу, а слѣдовательно — и не имѣлъ права на занятіе мѣста въ коллегіи.

Вскорѣ послѣ этого упразднилось 12 мѣсто коллегіи, и посредники опредѣлили: чтобы въ первый разъ выбранъ былъ на него чехъ, потомъ баварецъ, потомъ саксонецъ, вслѣдъ за-тѣмъ опять чехъ и т. д., то есть, чтобы 12 мѣсто за каждымъ третьимъ разомъ переходило къ чехамъ. За этими успѣхами чеховъ послѣдовали другіе, еще большіе. Вскорѣ и мѣста при коллегіи Всѣхъ святыхъ, соединенной съ Карловою, были также предоставлены большею частію чехамъ. Слѣдствія такихъ перемѣнъ обнаружились немедленно во всѣхъ отношеніяхъ университета. Хотя перевѣсъ по прежнему оставался на сторонѣ нѣмцевъ, но за-то высшія и почетныя должности перестали быть ихъ исключительною собственностію. Между 45 деканами артистическаго факультета, въ періодъ времени отъ 1385 — 1408, мы уже находимъ болѣе 15 чеховъ; въ такой-же пропорціи увеличивалось и число ректоровъ, выбираемыхъ изъ нихъ.

Борьба, завязавшаяся такимъ образомъ между двумя народностями въ университетѣ, вращалась, на первый разъ, вокругъ чисто внѣшнихъ, матеріальныхъ выгодъ и правъ. Успѣхъ въ подобной борьбѣ, какъ ни неоспоримо было въ ней право чеховъ, не могъ однакожъ повлечь за собою слишкомъ важныхъ и благотворныхъ результатовъ для ихъ народности. Для этой народности, правда, не могъ быть равнодушенъ вопросъ, кому должно принадлежать преобладаніе въ университетѣ; но все-таки это былъ для нея вопросъ второстепенной важности. До тѣхъ поръ, пока университетъ оставался въ своемъ прежнемъ положеніи, пока его наука и устройство были чужды жизни народной, пока онъ осужденъ былъ по прежнему на безусловное служеніе авторитету церкви; до тѣхъ поръ, націю весьма мало могли занимать перебранки и ссоры его партій. Лишь то стремленіе богато благотворными результатами, въ основаніи котораго лежитъ могучая нравственная идея. Такой идеи не доставало, на первый разъ, національной партіи пражскаго университета; но она скоро нашла ее въ религіозно-реформаціонномъ движеніи, давно уже начавшемъ волновать массы чешскаго народа.

Существеннѣйшими элементами чешскаго движенія были, какъ мы видѣли: народное начало и народная славянская религія. Какъ ни сильно было народное чувство само по себѣ въ массахъ, но оно одно не въ состояніи было бы произвести всеобщаго движенія. Въ средніе вѣка массы жили вообще болѣе религіозною жизнью, нежели теперь. На западѣ народы не знали другой религіи кромѣ католицизма; у чеховъ сохранялись, по крайней мѣрѣ, преданія восточной церкви, близкой ихъ національности. Мы не станемъ здѣсь доказывать дѣйствительное существованіе этихъ преданій и могущественное ихъ вліяніе на послѣдующія событія. Вопросъ этотъ, какъ намъ кажется, достаточно объяс-

немъ превосходными изслѣдованіями нашего русскаго ученаго, Новикова. Для насъ въ этомъ дѣлѣ важнѣе всего вопросъ: на сколько справедливо мнѣніе нѣкоторыхъ писателей, утверждающихъ, что католицизмъ успѣлъ въ теченіе среднихъ вѣковъ не только окончательно искоренить остатки этихъ преданій, но даже вполнѣ овладѣть умами чеховъ и сдѣлать ихъ самымъ католическимъ народомъ въ Европѣ. Согласиться съ подобнымъ увѣреніемъ можетъ лишь тотъ только, кто совершенно превратно понимаетъ не только исторію Чехіи, но и сущность всякаго историческаго развитія вообще. Разрывать по произволу преемственность историческихъ явленій, разрушать живую связь исторіи для того, чтобы объяснять потомъ все внѣшними вліяніями и случайными обстоятельствами, есть величайшее заблужденіе въ исторической наукѣ. Отрицая всякое вліяніе на чешское реформаціонное движеніе того, что дало ему крѣпчайшее основаніе и силу, западные писатели забываютъ, что тѣмъ самымъ они отнимаютъ у него всякій смыслъ и дѣлаютъ его явленіемъ загадочнымъ. Нѣтъ ничего легче, какъ, на основаніи отдѣльныхъ, единичныхъ фактовъ, составлять блестящія общія характеристики. Католическіе писатели не могутъ, разумѣется, совершенно пройдти молчаніемъ ту упорную оппозицію, которую встрѣтила римская церковь въ Чехіи, въ первые вѣка своего существованія. Они ищутъ источника этой оппозиціи преимущественно въ привязанности народа къ его древнимъ языческимъ вѣрованіямъ; хотя и упоминаютъ мелькомъ о схизматическихъ обрядахъ восточной церкви, гнѣздившихся въ странѣ. Самыми блистательными красками изображаютъ они побѣду католицизма надъ этими враждебными ему стихіями; не находятъ словъ для прославленія добродѣтелей римской церкви въ Чехіи. Гельфертъ, одинъ изъ этихъ писа-

телей[1], выставляетъ цѣлый рядъ великихъ подвижниковъ этой церкви. Всѣ чешскіе князья и короли отличались, по его словамъ, необыкновенною набожностью и преданностью римской церквѣ, безукоризненнымъ соблюденіемъ ея заповѣдей, безграничною, непостижимою для нашего времени, щедростью къ духовнымъ лицамъ. „Вспомнимъ, говоритъ онъ, святыхъ Вячеслава и Людмилу, мученическою смертью запечатлѣвшихъ торжество новаго ученія; Спитигнѣва II, соорудителя дворцоваго храма въ Прагѣ, проводившаго весь постъ въ дѣлахъ молитвы и милостыни; Вячеслава II, щедраго строителя збраславскаго монастыря, слушавшаго по нѣсколько мессъ въ день, въ капеллѣ всѣхъ Святыхъ; Карла IV, отца чешской земли, учредителя архіепископства пражскаго и епископства лютомышльскаго, неутомимаго собирателя св. остасковъ мучениковъ и церковныхъ сокровищъ“. Блистательное впечатлѣніе, производимое этимъ перечнемъ, значительно уменьшится; если мы сообразимъ, что Гельфертъ подбираетъ тутъ для своей цѣли не только подходящія личности, но даже и отдѣльныя стороны и качества извѣстныхъ историческихъ лицъ. Онъ беретъ черту, общую всѣмъ среднимъ вѣкамъ, внѣшнюю набожность, и ставитъ ее въ особенную заслугу чешскимъ князьямъ. Съ другой стороны, онъ упускаетъ изъ виду такія характеристическія явленія: какъ—смѣлое ходатайство короля Вратислава предъ могучимъ папою Григоріемъ VII, за славянское богослуженіе и причастіе подъ обоими видами; какъ упорное сопротивленіе этого самаго короля и другихъ чешскихъ владѣтелей, напримѣръ Оттокара I, притязаніямъ римской іерархіи; какъ постоянное склоненіе чеховъ на сторону, ненавистныхъ Риму, франконскихъ и швабскихъ императоровъ.

---

[1] Смотри его «Магистръ Янъ Гуссъ», стр. 34 и слѣд.

Еще большее совершенство и святость находитъ Гельфертъ въ длинномъ ряду епископовъ и архіепископовъ пражскихъ. И въ нихъ онъ восхищается, по преимуществу, внѣшнею набожностью и дѣлами благочестія. Такія личности, какъ Яромиръ, проводившій ночи въ молитвѣ, а день посвящавшій службѣ Божіей, даванью милостыни и умыванію ногъ путникамъ, кажутся ему высочайшими идеалами христіанской нравственности.

Съ не меньшею похвалою, какъ о епископахъ, отзываются католическіе писатели и объ остальномъ духовенствѣ чешской церкви. По словамъ Гельферта, капитула пражская славилась своими представителями не менѣе епископской каѳедры. Многіе изъ тамошнихъ канониковъ отличались не только религіознымъ рвеніемъ и набожностью, но и высокимъ образованіемъ и организаторскимъ талантомъ. Между чешскими монастырями, особенно древнѣйшими, многіе весьма строго придерживались строгихъ нравственныхъ правилъ своихъ основателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ бывали, нерѣдко, и убѣжищами образованія. Впечатлѣніе, производимое этимъ изображеніемъ состоянія католической церкви въ Чехіи, значительно ослабѣваетъ, если мы вспомнимъ, что тутъ смѣшаны разнообразнѣйшія эпохи и выставлены на видъ большею частью отдѣльныя личности и явленія. Если мы обратимся теперь къ дѣйствительному состоянію чешской церкви въ XIV вѣкѣ, то намъ представится зрѣлище инаго рода.

Мы увидимъ, что въ Чехіи, какъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, раздача церковныхъ пребендъ и бенефицій сопряжена съ страшными злоупотребленіями и отвратительною симоніею. Духовныя мѣста, даже самыя высшія, очень часто находились въ рукахъ людей безнравственныхъ, лишенныхъ всякаго богословскаго образованія. Богатѣйшія капитулы и другія церковныя учрежденія служили прибѣжищемъ для лѣнивыхъ и развратныхъ сы-

новей знатныхъ фамилій. По двѣ, по три, а иногда и болѣе бенефицій соединялись нерѣдко въ рукахъ одного и того-же человѣка, заботившагося лишь о сборѣ съ нихъ наибольшихъ доходовъ. Особенно страдала такими недостатками капитула вышеградская. Тамошнихъ канониковъ можно было встрѣтить вездѣ; занятія и развлеченія ихъ были самыя разнообразныя, но въ церковь ихъ не могли загнать никакіе строгіе эдикты епископа, въ самые великіе католическіе праздники пробавлялись они свѣтскими забавами и увеселеніями. Появленіе нищенствующихъ монаховъ, францисканцевъ, доминиканцевъ и августинцевъ, вызвало въ Чехіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, впервые наружу всю испорченность духовенства, особливо низшаго. При первомъ появленіи своемъ, монахи эти представляли рѣзкій контрастъ свѣтскому духовенству. Они отличались и большею нравственностью и умѣньемъ обходиться съ людьми и проповѣдническимъ талантомъ. Скоро привлекли они къ себѣ значительную часть народа, начали заниматься отправленіемъ церковныхъ требъ, въ особенности исповѣдью. Приходскіе священники, разумѣется, не могли равнодушно смотрѣть на опустѣніе своихъ церквей, на исчезновеніе доходовъ, и обратились прежде всего съ жалобами на монаховъ къ епископу. Но и епископъ не могъ ничего сдѣлать съ монахами. Они не обращали ни малѣйшаго вниманія на приказанія епископа, утверждая, что одинъ только папа и генералъ ордена имѣютъ право повелѣвать имъ. Ожесточенная вражда между нищенствующими орденами—съ одной стороны, свѣтскимъ духовенствомъ и епископомъ—съ другой, была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобныхъ объявленій. Обѣ стороны на-перерывъ клеймили и позорили другъ друга. Монахи упрекали священниковъ въ дурномъ исполненіи обязанностей, въ нерадивомъ пасеніи стада Христова. Священники отплачивали монахамъ тѣмъ-же, ули-

чали ихъ въ уклоненіи отъ правилъ ордена, заподозрѣвали всѣми способами ихъ нравственность и образъ жизни; говорили, что они возбуждаютъ народъ противъ нихъ, увѣряя его, что исповѣдь не у монаха безполезна. Обѣ стороны вскорѣ не ограничились одними словами. Монахи явно начали сопротивляться волѣ епископа. Лютомышльскіе минориты не думали соблюдать интердикта, часто объявляемаго епископомъ пражскимъ, Іоанномъ Драгичемъ. Затечскіе минориты рѣшились даже торжественно похоронить тѣло пана Станислава изъ Пнетлукъ, умершаго, за грабежъ церковнаго имущества, подъ клятвою архіепископа (1313). Іоаннъ Драгичъ, разгнѣванный такимъ преступленіемъ, наложилъ на нихъ интердиктъ, до тѣхъ поръ пока они ни смирятся и ни исполнятъ должнаго покаянія. Минориты однако-же не спѣшили каяться. Они прямо обвинили архіепископа передъ папою въ томъ, что онъ покровительствуетъ ересямъ въ своемъ округѣ и допускаетъ образованіе женскихъ общинъ, называемыхъ Magdalenitas, общинъ по наружности религіозныхъ, но въ сущности направленныхъ къ безнравственности и разврату, не подтвержденныхъ церковью, осужденныхъ папою Іоанномъ XXII. Въ Авиньонѣ выслушивали всегда съ охотою подобныя обвиненія. Папы давно привыкли смотрѣть на судебные процессы, и при томъ еще на архіепископа такой богатой страны, какова была Чехія, какъ на источникъ богатѣйшихъ доходовъ. Хотя послѣ смерти папы Климента V нѣсколько кардиналовъ и сдѣлали было попытку примирить архіепископа съ монахами; но папская канцелярія съумѣла затянуть дѣло такъ, что Драгичъ, только послѣ 11-лѣтняго пребыванія въ Авиньонѣ и траты огромныхъ суммъ денегъ, успѣлъ добиться оправданія отъ взведенныхъ на него обвиненій. Споры монаховъ и бѣлаго духовенства межъ-тѣмъ не прекращались. Вскорѣ по возвращеніи архіепископа въ Прагу, 24

іюля 1334 г., между ними произошло кровопролитное столкновеніе. Дѣло зашло изъ-за доходовъ съ погребенія, которые священники хотѣли присвоить себѣ. Раздраженные монахи насильно ворвались въ ихъ собраніе, поносили ихъ человѣкоубійцами и душегубцами, укоряли въ пьянствѣ, игрѣ, развратѣ и другихъ преступленіяхъ. Отъ словъ дѣло скоро дошло и до драки. Жители Праги вооружились; одни изъ нихъ пристали къ священникамъ, другіе къ монахамъ, и постыдное кровопролитіе было слѣдствіемъ мелочной ссоры духовенства. Можно ли говорить о мирѣ и благосостояніи церкви тамъ, гдѣ происходятъ подобныя явленія? Не естественна ли, не необходима ли реформа тамъ, гдѣ порча и безнравственность такъ явно и такъ безстыдно выходили наружу? Карлъ IV, какъ видно, не скрывалъ отъ себя безотраднаго положенія церкви, а напротивъ—всѣми силами старался о возможномъ преобразованіи и улучшеніи. Императоръ нашелъ себѣ въ этомъ дѣлѣ достойнаго и неутомимаго помощника, въ первомъ архіепископѣ пражскомъ Арнестѣ изъ Пардубицъ [1]. „Ученостью, знаніемъ свѣта и людей, организаторскимъ талантомъ, говоритъ Палацкій, Арнестъ походилъ на своего государя и друга Карла IV, не имѣя въ то-же время его слабостей". Соединенныя усилія двухъ такихъ лицъ не могли остаться безъ послѣдствій. Въ собраніи чешскаго духовенства, 12 ноября 1349 года, Арнестъ обнародовалъ свой сборникъ дисциплинарныхъ законовъ, извѣстный подъ названіемъ Statuta Arnestis. Эти постановленія, отличавшіяся своею необыкновенною строгостью, удержали хотя на-время паденіе церкви въ Чехіи. По крайней мѣрѣ, благодаря имъ, чешское духовенство не достигло той степени разврата и безнравственности, какими отличались его нѣмецкіе и итальянскіе собратья.

[1] Смотри *Палацкаго*, Geschichte von Böhmen. 3 T. I Abth. S. 180.

Императоръ и архіепископъ, какъ-бы понимая недостаточность своихъ усилій, не безъ удовольствія смотрѣли на первыя проявленія реформаціоннаго духа въ Чехіи и старались воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Около 1350 г., мы встрѣчаемъ первое извѣстіе о Конрадѣ Вальдгаузенѣ и его проповѣднической дѣятельности въ чешской Прагѣ [1]. Личность Конрада Вальдгаузена теперь значительно разъяснена, благодаря изслѣдованіямъ — Палацкаго, въ его „исторіи Чехіи"; Іордана въ его сочиненіи „Vorläufers des Gussiethums", и Неандера въ шестомъ томѣ его „Geschichte der christlichen Religion und Kirche". Онъ былъ родомъ нѣмецъ [2], рано вступилъ въ августинскій орденъ и проповѣдывалъ въ Вѣнѣ съ 1345 г. Празднество юбилея, объявленное папою Климентомъ VI, дало новое направленіе его проповѣди. Конрада, какъ нравственнаго человѣка, не могли не поразить святотатство и безстыдный образъ дѣйствія продавцевъ индульгенцій. Вполнѣ раздѣляя католическій догматъ объ отпусткахъ, онъ однакоже счелъ долгомъ возстать противъ злоупотребленій. Путешествіе въ Италію и Римъ, гдѣ онъ увидѣлъ не мало самыхъ возмутительныхъ сценъ при продажѣ индульгенцій, еще болѣе утвердило его въ этомъ намѣреніи. На обратномъ пути своемъ, а потомъ и по возвращеніи въ Австрію, Кон-

[1] Въ Чехіи онъ появился въ 1360 г. Главнѣйшій источникъ о Конрадѣ—«его апологія», впрочемъ еще не напечатанная. Мы пользуемся большими извлеченіями изъ нея у *Неандера*.

[2] Вотъ что говоритъ о Конрадѣ *Матвей изъ Янова:* Conradus Volthausar homo utique religiosus et devotus, qui dictis suis et scriptis principales metropoles sanctae ecclesiæ repleverunt, utpote Romam et Avenionem, ubi papa, et Bohemiam atque Pragam, ubi ecclesiae imperatoris. Unus ipsorum Conradus in Praga occubuit, ubi Cæsar, cæt....

радъ явился проповѣдникомъ истиннаго покаянія и нравственности. Слухъ о его дѣятельности скоро дошелъ до Карла IV и Арнеста, и они убѣдили Конрада переѣхать въ Чехію и занять мѣсто проповѣдника въ Лютомышлѣ. Но такая дѣятельность не могла удовлетворить его; онъ искалъ себѣ болѣе обширнаго поприща, а потому и перешелъ въ Прагу. Здѣсь онъ проповѣдывалъ сначала въ церкви св. Галла; но вскорѣ стеченіе народа сдѣлалось такъ велико, что онъ принужденъ былъ перенести свою каѳедру подъ открытое небо. Всеобщій развратъ и безнравственность казались ему предвѣстниками близкаго скончанія міра, и, съ потрясающимъ душу краснорѣчіемъ, призывалъ онъ народъ къ исправленію и покаянію. Онъ нападалъ на господствующіе пороки того времени: на пышность женской одежды, на легкомысліе и безнравственность юношества, на отдаваніе денегъ въ ростъ. Дѣйствіе его проповѣдей было чрезвычайно. Пражанки оставили свои любимыя и постоянныя украшенія, драгоцѣнныя ожерелья, украшенныя золотомъ и другими каменьями одѣянія, и одѣлись въ простое платье. Ростовщики отказывались отъ своего постыднаго занятія и, въ знакъ раскаянія, возвращали всѣ деньги, пріобрѣтенныя ими незаконнымъ путемъ. Одинъ молодый человѣкъ, по имени, Сланко, извѣстный во всемъ городѣ своею безнравственностью, недававшій покоя порядочнымъ дѣвушкамъ даже въ церкви, пораженный словами Конрада, перемѣнилъ совершенно свой образъ жизни, сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ его слушателей и посѣтителей божественной службы [1]. Самые евреи

[1] Слова Конрада о немъ: Ille fuerat valde indisciplinatus ante adventum meum in Pragam. Ita quando civissæ quibus honisabat, vel quecunque aliae sedebant in quadragesima in prædicatione, jaciebat super earum capillos. Etiam in principio adventus mei in Pragam fuit aliquamdiu inquietus; postea fuit conversus cum multis aliis com-

приходили слушать Конрада,—и ни въ чемъ не раскрывается такъ высокій образъ мыслей проповѣдника, какъ въ его обращеніи съ этими отверженными тогда людьми. Когда ихъ хотѣли удалить изъ церкви, то онъ возсталъ противъ этого, напоминая пророчество Ісаіи, по которому всѣ евреи должны обратиться ко Христу еще до страшнаго суда, и совѣтовалъ не сомнѣваться въ божественной силѣ Евангелія, превратившей даже такого человѣка, какъ Сланко. Нападая на все внѣшнее обрядовое въ христіанствѣ, настаивая на необходимости внутренняго покаянія и очищенія, Вальдгаузенъ естественно долженъ былъ прійдти въ столкновеніе съ нищенствующими монахами, у которыхъ все основывалось на чистой внѣшности. Съ жаромъ проповѣдывалъ онъ противъ симоніи всякаго рода, а особенно противъ той, которою занимались нищіе монахи, подъ видомъ совершенной бѣдности. Онъ называлъ симонію ересью. Эта ересь, говорилъ онъ, хуже ереси пневтомаховъ, считавшихъ Св. Духа созданіемъ (creatus): тогда-какъ они подчиняли его только Богу Отцу, симонисты дѣлаютъ его своимъ рабомъ, рабомъ денегъ. Понятіе симоніи у Конрада было весьма обширно. Плату, требуемую за леченіе больныхъ, дары, внесенные въ монастыри поступавшими въ нихъ монахами, онъ считалъ преступною симоніею[1] и призывалъ противъ нея архіепископа Арнеста[2]. Арнестъ, разумѣется, отвѣ-

plicibus suis ejusdem vanitatis, quod valde devote mecum sedebat in quadragesima ad sermonem.

[1] Ille enim Macedoniani creaturam et servum dei patris et filii spiritum sanctum delirando fatebantur. Isti vero eundem spiritum sanctum efficiunt suum servum, quia divendunt ipsum quasi adversarii.

[2] Объ этомъ говорилъ самъ Конрадъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Domino archiepiscopo Pragensi id ipsum significare, quod talibus, ne fierent, remediam adhiberet opportunum. Qui respondit, quod

чалъ, что онъ не можетъ тутъ сдѣлать ничего, такъ-какъ большая часть монастырей не подлежитъ его власти. Послѣ этого Конраду не осталось ничего другаго, какъ возставать противъ монаховъ въ проповѣдяхъ и частныхъ бесѣдахъ. Въ рѣзкихъ словахъ обличалъ онъ кажущуюся святость монаховъ и безпощадно раскрывалъ всѣ ихъ плутни. „Подъ покровомъ своей святой бѣдности и лицемѣрной святости обманываютъ они простаковъ; съ словами набожности, которыя, какъ я думаю, исходятъ не отъ сердца, грабятъ они имущество исповѣдниковъ своихъ и лишаютъ ихъ средствъ къ жизни". Не менѣе сильно возстаетъ онъ противъ неразумнаго обычая, весьма распространеннаго въ тогдашнее время, посвящать дѣтей, часто еще въ утробѣ матери, въ монашескіе ордена. Напрасно воображаютъ родители, что они дѣлаютъ этимъ доброе дѣло; добро только то, что вытекаетъ изъ свободной воли. Только тѣ суть истинные сыны Бога, которые дѣйствуютъ по внушенію Духа Святаго; то, что возможно для внутренней силы, не возможно внушить извнѣ. Уважая монашество въ принципѣ, онъ тѣмъ съ большею силою возставалъ противъ уклоненій отъ этого принципа. Какъ настоящее монашество есть идеалъ совершеннѣйшей христіанской жизни, такъ его теперешнее извращеніе есть полнѣйшая и отвратительнѣйшая противоположность этому идеалу. Онъ убѣждалъ всякаго, имѣющаго друга или сына, предостерегать ихъ всѣми силами отъ вступленія въ тѣ ордена, гдѣ безнравственность сдѣлалась главнѣйшимъ правиломъ жизни. Грозный голосъ Вальдгаузена никого такъ не поражалъ, какъ нищенствующихъ монаховъ. Неоднократно сожа-

---

monasteria monialium fere omnia essent ab ejus cura in civitate Pragensi exempta, sed sub aliis fratrum ordinum mendicantium, ut communiter essent. *Неандеръ*, 245 стр.

лѣлъ онъ о своемъ вступленіи въ одинъ изъ ихъ орденовъ, какъ о величайшей ошибкѣ въ жизни. „О! если-бы я пришелъ къ этому самому сознанію десять лѣтъ тому назадъ, то всѣ мои занятія и труды были бы посвящены уже тогда на славу Бога“. Не довольствуясь однимъ обличеніемъ лицемѣрной жизни монаховъ, Конрадъ старался доказать нелѣпость самаго ихъ учрежденія, противность его Св. Писанію. Нищіе монахи утверждали, что ихъ жизнь сообразуется съ жизнью Христа, и что они живутъ подаяніемъ точно такъ-же, какъ и божественный основатель христіанства. Конрадъ, напротивъ, доказывалъ, что Христосъ никогда не жилъ милостынею, и предлагалъ 30 чешскихъ грошей тому, кто докажетъ ему противное, на основаніи словъ Св. Писанія. Отвергая такимъ образомъ божественное установленіе нищенствующаго монашества, проповѣдникъ въ то-же время показываетъ, какъ далеки были эти монахи отъ дѣйствительной нищеты.

„Что сказалъ бы ты теперь, о св. Бернардѣ, если-бы ты видѣлъ, какъ нищенствующіе монахи, вопреки апостольской заповѣди, владѣютъ великолѣпнѣйшими дворцами. Напрасно воображаютъ монахи, что они спасутся уже потому, что основатель ихъ ордена былъ святой человѣкъ; это было бы все равно, если-бы я надѣялся, что св. Августинъ сдѣлаетъ меня блаженнымъ одними своими добрыми дѣлами, безъ малѣйшаго усилія съ моей стороны“. „Ошибаются тѣ, которые считаютъ особенною заслугою дарить жирныхъ монаховъ, вмѣсто того, чтобы помогать дѣйствительно нуждающимся бѣднымъ.“ „О, восклицаетъ онъ, что скажетъ Господь, въ день страшнаго суда, тѣмъ, которые, не нуждаясь сами, отнимали милостыню у дѣйствительныхъ бѣдняковъ и нищихъ. Во-истину онъ скажетъ имъ: я былъ голоденъ и вы не накормили меня, вы отняли у меня то, что должно было служить мнѣ пищею“. „Я надѣюсь, продолжаетъ

онъ, что всякой благоразумный человѣкъ согласится со мною въ томъ, что странно давать милостыню богатому человѣку, услаждающему себя каждый день роскошными пирами, и смотрѣть равнодушно на настоящаго бѣдняка, умирающаго съ голоду". Съ не меньшею силою возстаетъ онъ противъ чрезмѣрнаго почитанія мощей и обнаруживаетъ, притомъ, какія выгоды извлекали монахи изъ народнаго суевѣрія и набожности. „Гораздо больше любятъ они (т. е. монахи), говоритъ онъ, временныя тѣлеса святыхъ, нежели ихъ дѣйствительныя заслуги, и мало подражаютъ этимъ послѣднимъ, забывая, что не святые дѣлаютъ святость, а святость сдѣлала святыхъ, а потому святость должна бы быть любима не менѣе святыхъ" [1]. Онъ примѣнялъ къ нимъ слова, сказанныя Христомъ фарисеямъ, что они украшаютъ гробницы убитыхъ пророковъ, а своимъ образомъ мыслей походятъ на самыхъ убійцъ. „Вы почитаете гробницы пророковъ, говоритъ онъ имъ, за то, что они приносятъ вамъ доходъ, вы обманываете свою кажущуюся религію". Если Конрадъ убѣдилъ многихъ ростовщиковъ отказаться отъ своего ремесла, то монахи, напротивъ, успокоивали ихъ совѣсть, давая имъ за деньги разрѣшеніе. Одного ростовщика, подарившаго имъ значительную сумму денегъ, они чуть не объявили святымъ и совершили надъ нимъ торжественный обрядъ погребенія. Онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они праздновали св. мессу въ память того, чья душа будетъ въ аду вмѣстѣ съ богатымъ человѣкомъ.

[1] Слова его выражены въ подлинникѣ такъ: Quod sicut verum est, quod plus diligunt pereuntia sanctorum corpora, quam imitentur et diligantur propter coeleste regnum ipsorum merita, cum tamen sancti non fecerint sanctitatem, sed sanctitas sanctos. Unde sanctitas non minus quam sancti esset diligenda.

О нищихъ монахахъ онъ говоритъ такъ: тѣхъ, которые хотятъ быть столпами церкви, можно видѣть скитающимися по городамъ, замкамъ и деревнямъ; два — три мѣсяца не возвращаются они въ свои монастыри и ни одной проповѣди не повторяютъ они такъ часто, какъ: дайте намъ, а мы будемъ молиться за васъ Богу. Такъ заботятся они о себѣ, а не о Христѣ, и производятъ безчисленные соблазны въ церкви [1]. Такія безпощадныя и систематическія нападенія не могли не возбудить противъ Вальдгаузена всей ярости монаховъ. Францисканцы и доминиканцы забыли свою старинную вражду и соединились противъ общаго врага. Конрадъ сравнивалъ эту коалицію съ союзомъ Ирода и Пилата противъ Христа. Монахи употребили всѣ усилія, чтобы обвинить его въ ереси и возбудить противъ него гоненіе. Въ 1364 г. прибылъ въ Прагу генералъ доминиканскаго ордена, бывшій въ то-же время и папскимъ легатомъ. Враги Конрада спѣшили воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Оба ордена подали архіепископу пражскому 29 статей, извлеченныхъ ими изъ проповѣдей Вальдгаузена, и просили нарядить слѣдствіе. Архіепископъ учредилъ для разбора дѣла многочисленную коммисію; но уже въ первый день ея засѣданія никто изъ обвинителей не явился. Въ это-же время Конрадъ написалъ свое оправданіе и представилъ его коммисіи. Здѣсь онъ показалъ отчасти своимъ противникамъ, что они преувеличили и извратили, съ намѣре-

---

[1] Подлинныя слова: Eos qui se dicunt columnas ecclesiæ, per villas, civitates, castra discurrentes vidisses, sed infra duos menses vel quod amplius ad monasteria non redeuntes, et nil aliud ita ferventer sicut: «Date nobis et orabimus pro vobis» praedicantes, et tantum quæ sua sunt, et Jesu Christi quaerentes et infinita scandala in ecclesia ponentes.

ніемъ, многія его выраженія; вообще онъ подтвердилъ снова все то, что говорилъ прежде и за что жаловались на него монахи. Если его обвиняли въ нарушеніи міра, то онъ не безъ основанія отвѣчалъ на это: „я никогда не старался въ своихъ проповѣдяхъ нарушать мира и никогда не нарушалъ его, т. е. мира, между добрыми“. Онъ ссылается на то, что самъ Христосъ нарушилъ миръ между книжниками и фарисеями и, по собственнымъ словамъ Своимъ, пришелъ принести не миръ, а мечъ. И такъ, если меня обвиняютъ въ нарушеніи такого мира, то я охотно принимаю это на себя, по словамъ Христа „и какъ преслѣдовали пророковъ до васъ“ и т. д. Послѣ этой попытки, монахи не рѣшались болѣе нападать на Вальдгаузена, и до самой своей смерти, въ 1369 г., пробылъ онъ въ Прагѣ, дѣйствуя съ тѣмъ-же энтузіазмомъ и успѣхомъ. На него мы не можемъ смотрѣть, какъ на тѣхъ странствующихъ монаховъ, которые, скитаясь отъ города къ городу, гремѣли съ каѳедръ противъ всеобщаго разврата и безбожія и грозили близкимъ концемъ свѣта. Конрадъ, сколько можемъ судить мы, не принадлежалъ къ этимъ исключительнымъ фанатическимъ людямъ, которыми такъ богаты средніе вѣка. Это былъ человѣкъ жизни, мало занимавшійся безплодными фантазіями и боровшійся всѣми доводами разума и религіи противъ общественнаго зла и пороковъ. Хотя, за исключеніемъ нищихъ-монаховъ, никто не заподозрѣлъ его въ уклоненіи отъ римской церкви, хотя у него нѣтъ и слѣдовъ какой-либо догматической оппозиціи католицизму, тѣмъ не менѣе дѣятельность его не осталась безъ глубокихъ и важныхъ послѣдствій. Направленіе его, чисто нравственное по наружности, было въ сущности своей враждебно іерархіи. Конрадъ, какъ мы видѣли, неограничивался [illegible] наставленіями мірянамъ; онъ первой рѣ[illegible] картину страшной испорченности,

если не всей римской церкви, то по крайней мѣрѣ одного изъ важнѣйшихъ ея органовъ—нищенствующаго монашества. Не довольствуясь однимъ обличеніемъ пороковъ этихъ служителей папства, онъ осмѣлился напасть на самый принципъ, лежавшій въ основѣ этого учрежденія, и тѣмъ нанесъ сильный ударъ самой папской іерархіи, тѣсно связанной съ этимъ учрежденіемъ. Хотя Конрадъ былъ родомъ не чехъ, хотя онъ былъ пришельцемъ въ Прагѣ и говорилъ свои проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакого права считать его явленіе случайнымъ, не имѣющимъ никакого внутренняго отношенія къ чешскому движенію. Только на чешской почвѣ, только среди народа, настроеннаго такъ, какъ чешскій, могла имѣть великія послѣдствія дѣятельность подобныхъ людей. Кажется, Конрадъ сознавалъ самъ это. Прагу намѣренно выбралъ онъ мѣстомъ своего дѣйствія, онъ любилъ ее и не хотѣлъ оставлять ее до самой смерти, не смотря на неоднократныя приглашенія тогдашняго австрійскаго герцога Рудольфа переѣхать обратно. Дѣятельность Вальдгаузена пріобрѣтетъ для насъ еще большее значеніе, когда мы вспомнимъ, что она была первымъ поводомъ къ выступленію на реформаціонное поприще другаго человѣка, природнаго моравапина, имѣвшаго еще большее вліяніе на дальнѣйшее развитіе движенія въ народно-религіозномъ духѣ. Этотъ человѣкъ былъ Миличъ z Kroměříže, (Кремсира), къ разсмотрѣнію значенія котораго мы и обратимся теперь.

Миличъ [1], какъ мы уже сказали, былъ родомъ изъ Моравіи;

[1] О немъ см. между проч. *Палацкаго* Geschichte von Böhmen. 3 B. 1 Abth. S. 164, а въ особенности біографію Милича, написанную однимъ изъ учениковъ его и напечатанную Бальбиномъ въ его Miscellaneis hist. regni Bohemiae. Pragae. 1662, decadis I, lib. IV, pars II, tit. 34, pag. 44. Мы пользовались также *Неандеромъ*, Geschichte der christlichen Religion und Kirche. T. 6, c. 228.

онъ вступилъ въ духовное сословіе и его блестящія способности рано проложили ему путь къ высокимъ должностямъ. Еще въ молодости сдѣланъ онъ былъ архидіакономъ пражской капитулы, обратилъ на себя вниманіе императора Карла IV, былъ у него секретаремъ и вицеканцлеромъ и сопровождалъ его въ путешествіяхъ по Германіи. Уже въ то время отличался онъ своею неутомимою святою ревностью, своею самоотверженною, безкорыстною любовью. Архіепископъ посылалъ его визитировать церкви и монастыри. Съ необыкновенною добросовѣстностью исполнялъ Миличъ эти порученія; онъ ѣздилъ всегда на свой счетъ и не соглашался жить, по примѣру прежнихъ визитаторовъ, на счетъ бѣднаго приходскаго духовенства. Но скоро это призваніе перестало удовлетворять его. Познакомившись, въ своихъ поѣздкахъ, поближе съ народомъ, повѣривъ собственными глазами его бѣдственное, заброшенное положеніе, онъ рѣшился посвятить свою жизнь на служеніе ему. Понимая, какъ не легко поднять нравственный и религіозный уровень народа, онъ рѣшился подготовить сначала самого себя для этой цѣли. Зная, что внѣшній блескъ и величіе скорѣе всего отталкиваетъ народъ, онъ рѣшился отказаться отъ своего выгоднаго положенія въ свѣтѣ и взять на себя тяжелый крестъ Христовъ. Тщетно уговаривали его члены капитулы и самъ архіепископъ Арнестъ отказаться отъ такого страннаго, по ихъ мнѣнію, намѣренія: воля Милича была непреклонна. Осенью 1363 г. онъ удалился въ одинъ маленькій городъ пльзенскаго округа и провелъ тамъ болѣе полугода, помогая священнику въ исполненіи церковныхъ требъ и проповѣдуя народу. Въ жизни Милича замѣтно сильное вліяніе примѣра, поданнаго Конрадомъ Вальдгаузеномъ. И ему было тѣсно въ маленькомъ городкѣ, и онъ устремился въ Прагу, на болѣе обширное поприще. Проповѣдь его въ Прагѣ шла сначала не совсѣмъ

успѣшно. Онъ не обладалъ такимъ даромъ краснорѣчія, какъ Конрадъ, манера его проповѣди была проста и неизысканна, его выговоръ былъ не совсѣмъ правиленъ [1]; онъ часто запинался при произнесеніи извѣстныхъ литургическихъ формулъ [2]. Число его слушателей было крайне мало, и многіе друзья его совѣтовали ему отказаться отъ взятой на себя обязанности. На всѣ ихъ убѣжденія Миличъ отвѣчалъ имъ одно: „если мнѣ удастся спасти хотя одну душу, то и тѣмъ я буду доволенъ; я слѣдую примѣру Христа, не погнушавшагося обратить свое вниманіе на бѣдную хананитянку". Такая пламенная, непреклонная ревность скоро увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Слушатели привыкли наконецъ обращать болѣе вниманія на внутренній смыслъ и содержаніе рѣчей Милича, нежели на его внѣшность и манеры. Число ихъ начало возрастать со дня на день. Мужчины и женщины оставляли свою прежнюю безнравственность, каялись ему въ своихъ грѣхахъ и начинали новую жизнь. Ростовщики и вообще люди, занимавшіеся непозволительными ремеслами, отказывались отъ своихъ занятій. Болѣе пламенные характеры наполнялись отвращеніемъ къ суетному и бросались въ строго-аскетическое направленіе. Еще болѣе, нежели проповѣдью, дѣйствовалъ Миличъ частными бесѣдами и увѣщаніями. Едва онъ выходилъ изъ церкви, какъ уже его окружала цѣлая толпа людей, искавшихъ у него духовнаго свѣта и утѣшенія, и всѣ уходили отъ него съ облегченнымъ сердцемъ. Не довольствуясь одними чешскими проповѣдями, онъ уже въ старости выучился языку нѣмецкому и началъ говорить на немъ; кромѣ того, для студентовъ произносилъ

[1] Въ біографіи его это выражено такъ: Propter incongruentiam vulgaris sermonis.

[2] Propter oblivionem infestis indicendis, на стр. 45.

проповѣди на языкѣ латинскомъ. Въ-особенности велико было вліяніе Милича на общественную нравственность. Прага была въ то время поприщемъ самаго необузданнаго разврата. Цѣлая часть города занята была непотребными домами и называлась маленькою Венеціею, по-чешски—*Бенатки*. Миличъ поставилъ задачею своей дѣятельности уничтожить это зло. Онъ началъ съ малаго и кончилъ великимъ. Прежде всего ему удалось обратить около двадцати непотребныхъ женщинъ. Онъ поручилъ ихъ заботѣ набожныхъ, достаточныхъ женщинъ, и самъ неутомимо трудился надъ ихъ нравственнымъ возрожденіемъ. Однѣ изъ нихъ вышли потомъ за-мужъ, другія поступили въ услуженіе къ частнымъ семействамъ. Число обращающихся увеличивалось мало-по-малу, и наконецъ безпутные дома опустѣли. Очищенное такимъ образомъ мѣсто было частью куплено Миличемъ за собранныя имъ для благотворительныхъ цѣлей деньги, частью же было подарено ему императоромъ и магистратомъ.

Здѣсь онъ основалъ такъ называемую обитель Магдалины съ часовнею, въ которой проповѣдывалъ всякій день на пользу новообращенныхъ. Маленькая Венеція, обращенная такимъ образомъ въ мѣсто набожности и добродѣтели, названа была теперь малымъ Іерусалимомъ. Приведенныхъ чертъ достаточно для того, чтобы показать, какого рода человѣкъ былъ Миличъ. Его нельзя назвать реформаторомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; онъ не былъ теоретикомъ и всего менѣе думалъ объ оппозиціи Риму на поприщѣ догматики. Его призваніе было другаго рода. Своими проповѣдями, а еще болѣе своею духовно-нравственною дѣятельностью, онъ первый пробудилъ въ массахъ чешскаго народа внутренній религіозный интересъ и началъ успѣшную реакцію противъ внѣшне-чувственнаго, почти языческаго культа, извратившагося католицизма. Современники смотрѣли на него, какъ на ви-

новника глубокаго нравственнаго переворота въ Чехіи, какъ на спасителя чешскаго отъ безвозвратнаго нравственнаго упадка. Мы не можемъ, разумѣется, вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, но и въ своемъ увлеченіи оно указываетъ намъ какъ - нельзя лучше на назначеніе Милича; и мы не можемъ пропустить слѣдующихъ словъ его восторженнаго ученика, Матфея изъ Янова: [1] „О, сколько пороковъ истреблено было имъ, и если-бы не пришелъ и не сдѣлалъ такъ много однимъ своимъ голосомъ, восходившимъ до неба, то мы навѣрно сдѣлались бы Содомомъ и погибли бы какъ Гоморра. Но теперь, благодаря милосердію Христа и симъ трудамъ Милича, Прага возвращена къ своему старому достоинству и изъ Вавилона превращена духовнымъ образомъ и полна слова Христа и Его спасительнаго ученія; ибо послѣ того, какъ побѣждены отвратительные, особливо публичные пороки, христіанскія добродѣтели въ душахъ укрѣпляются все болѣе и болѣе и увеличиваются каждый день числомъ и силою“.

Мы не должны смотрѣть на эти слова, какъ на пустыя и хвалебныя фразы. Безнравственность есть величайшее зло, могущее постигнуть какой бы то ни было народъ, и нигдѣ не рас-

---

[1] Подлин. слова: O quam multa vitia et abundantia omnis iniquitatis abierunt retro debellata, perindeque nisi Myliczius venisset et procul dubio suo clamore ad coelum usque effecisset, quod prorsus quasi Sodoma et quasi Comorra periissemus. Ast nunc Christo Jesu propitio, virtute et labore Myliczii Sodoma rediit in antiquam dignitatem et de Babylone spiritualiter facta est. Praga jam abundans omni verbo Christi et doctrina Salutori, nam vitiis horrendis, praesertim publicis, jam depugnatis et post tergum projectis, virtutes Christi Jesu in animabus jam pulsant caputque erigentes, continue atque quotidie invalescunt secundum numerum et gradus, Jesu Crucifixo ipsis praestante gloriosa incrementa.

пространяется она такъ легко и быстро, какъ тамъ, гдѣ происходитъ смѣшеніе различныхъ народностей. Проникновеніе въ страну чужеземнаго языка и обычаевъ влечетъ неизбѣжно за собою не только упадокъ національной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ политическій и общественный индифферентизмъ. Чехія во второй половинѣ XIV в. находилась именно въ этомъ опасномъ положеніи; вмѣстѣ съ потерею народнаго языка и обычаевъ, ей грозило паденіе нравственныхъ и соціальныхъ силъ. Бороться противъ послѣдняго зла значило вмѣстѣ съ тѣмъ бороться и противъ перваго.

Съ этой точки зрѣнія должны мы разсматривать дѣятельность Милича. Его религіозно-нравственное значеніе условливается его народнымъ направленіемъ; громадное вліяніе его проповѣди объясняется столько-же высоко-нравственными принципами, лежавшими въ ея основаніи, сколько и тѣмъ, что ораторъ обращался съ нею прямо къ народу, говорилъ ему его языкомъ и повсюду обнаруживалъ тонкое знаніе его нуждъ и страданій. Для того, чтобы съ успѣхомъ провести свое религіозно-народное движеніе, чешскому народу необходимо было сначала возродиться нравственно, и на дѣятельность Милича мы именно должны смотрѣть, какъ на развитіе этого послѣдняго процесса.

Но въ жизни Милича была еще и другая сторона, еще болѣе сближающая его съ явленіями послѣдующей эпохи. Въ его характерѣ было много склонности къ мистицизму, къ аскетикѣ. Умъ его, настроенный постояннымъ чтеніемъ таинственнаго Апокалипсиса, не могъ удовлетвориться благотворными результатами одной практической дѣятельности.

Посреди всѣхъ успѣховъ, имъ часто овладѣвало нравственное уныніе, сознаніе собственнаго недостоинства. Въ такія минуты онъ готовъ былъ отказаться отъ своей проповѣднической обязан-

ности и начать строгую аскетическую жизнь монаха, и съ трудомъ могли отговорить его друзья отъ подобнаго намѣренія. Но вскорѣ мысли его приняли другое направленіе. Отъ самого себя обращалъ онъ свой взоръ на остальной міръ, и тутъ его поражали: упадокъ истинной вѣры и неподдѣльнаго религіознаго одушевленія, преобладаніе внѣшней формы надъ внутреннимъ содержаніемъ, всеобщее нравственное растлѣніе мірянъ и духовенства. Это ужасное зрѣлище производило потрясающее вліяніе на воспріимчивую душу Милича.

Черты современнаго ему человѣчества отожествлялись въ его фантазіи съ темными пророчествами Апокалипсиса. Твердое убѣжденіе въ приближающемся концѣ міра все болѣе-и-болѣе овладѣвало его душою. Такія фантазіи были вообще не рѣдкость въ средневѣковомъ обществѣ. Онѣ проявлялись особенно во времена необычайныхъ физическихъ бѣдствій — войны, голода, мора; но, со времени начинающагося религіознаго движенія, онѣ получають иное значеніе. Если въ прежніе вѣка убѣжденіе это является слѣдствіемъ напуганнаго воображенія массъ, то у Милича оно было плодомъ глубокой скорби о страшномъ упадкѣ церкви и въ то-же время темнымъ предчувствіемъ чего-то лучшаго, приближающейся новой эпохи. Ожидая божественнаго суда надъ извратившеюся церковью, онъ въ то-же время твердо надѣялся на ея возрожденіе. Пророческіе образы, представлявшіеся внутреннему его взору, казались ему откровеніями божественнаго духа. Миличъ изложилъ свои идеи въ особенномъ сочиненіи „*de Antichristo*“, сохраненномъ для насъ ученикомъ его Матѳеемъ Яновымъ. Вотъ что говоритъ онъ въ этомъ сочиненіи о близкомъ концѣ и пришествіи антихриста: „хотя церковь и въ излишествѣ наслаждается теперь миромъ и земными сокровищами, но за-то она лишена своихъ духовныхъ богатствъ. И такъ, приходятъ въ исполненіе слова

писанія, „и водворится повсюду неправда". Развѣ не охладѣла любовь, развѣ не торжествуетъ повсюду несправедливость? Оттого у нихъ такъ много пребендъ, которыя они пріобрѣтаютъ угодничествомъ, симоніею и средствами любостяжанія; и многіе другіе принуждены оттого нищенствовать или красть, и у членовъ церкви Христовой отнимается ими должное. Отсюда продажа и покупка таинствъ и мѣстъ погребенія, отсюда безчисленная симонія въ монашескихъ орденахъ, собственное имущество у тѣхъ, кому запрещено богатство. Развѣ это не есть мерзость и идолопоклонство? Развѣ не опустошается храмъ Господень лицемѣріемъ, царствующимъ теперь во всѣхъ и побуждающимъ всякаго казаться однимъ и быть на дѣлѣ другимъ?..". За-тѣмъ изображаетъ онъ нравственный упадокъ всѣхъ сословій, царей, князей, дворянъ, купцевъ, ремесленниковъ и крестьянъ, изображаетъ какъ повсюду распространены развратъ и роскошь, несправедливый судъ, угнетеніе бѣдныхъ, всѣ роды пороковъ; какъ волшебству и предсказателямъ вѣрятъ болѣе самаго евангелія. „Думая объ этомъ, говоритъ онъ, спросилъ я духа, говорившаго во мнѣ: кто-же антихристъ? И онъ отвѣчалъ мнѣ: есть много антихристовъ. Кто отрицаетъ Христа и его величіе, тотъ и есть антихристъ. И сколь многіе, говорящіе, что они познали Его, отрицаютъ Его своими дѣлами, а другіе отрицаютъ Его, безмолвствуя и не осмѣливаясь исповѣдывать Его и его истину передъ людьми, изъ этого пойми кто антихристъ". Изъ этихъ словъ видно, какъ далеко представленіе Милича объ антихристѣ отъ уродливо-фантастическихъ понятій о немъ, въ средніе вѣка. У него антихристъ не является ни чудовищемъ, ни дьяволомъ въ видѣ папы, какъ у послѣдующихъ реформаторовъ, а персонифицированнымъ представленіемъ всего нравственнаго зла и порчи, заразившихъ церковь Христову. Также духовно было и его пониманіе другихъ апокалипсическихъ пред-

сказаній. Въ ангелахъ, долженствующихъ возвѣстить трубнымъ звукомъ кончину вселенной, онъ видитъ символъ тѣхъ божественныхъ вѣстниковъ, которые разойдутся по всей землѣ, передъ пришествіемъ Христа, для проповѣди его евангелія и сокрушенія царства антихриста. Такія мысли и представленія часто нарушали душевный покой Милича. Тщетно старался онъ отогнать ихъ отъ себя; онѣ возвращались снова, и онъ наконецъ предался имъ совершенно. Миличъ не хотѣлъ оставаться одинъ съ своею тайною; онъ счелъ своею обязанностью предупредить современниковъ и прежде всего главу христіанства, папу Урбана V. Онъ рѣшился возвѣстить папѣ, что уже подходитъ жатва или конецъ міра, что пора вырвать съ корнемъ плевелы, заглушившіе пшеницу Господню, возвратить церковь на путь спасенія и разослать возвѣстителей приближающагося судилища. По мнѣнію Милича, папа долженъ былъ собрать соборъ и совѣтоваться на немъ съ своими епископами и духовными о ввѣренной имъ христіанской общинѣ, о возстановленіи въ ней дисциплины и нравственности; онъ долженъ былъ побудить монаховъ и священниковъ къ проповѣди слова Божія, вмѣсто того, чтобы жить въ лѣни и праздности; онъ долженъ былъ объявить мирный крестовый походъ, и поручить его такимъ воинамъ, которые готовы исповѣдывать Христа, бороться и умирать за Него, а не убивать другихъ. Не завоеваніе земнаго Іерусалима должно было быть цѣлью этого похода, а побѣдоносное распространеніе Слова Христова, открытіе пути для всѣхъ въ Іерусалимъ небесный. Вотъ какую великую задачу предлагалъ Миличъ папѣ. Въ его словахъ слышится пророческій голосъ новаго реформаціоннаго духа, въ послѣдній разъ предостерегающій первосвященника римскаго и напоминающій ему объ его обязанности. Въ 1367 г. Миличъ прибылъ въ Римъ. Неизвѣстно, думалъ ли онъ застать

тутъ папу Урбана, о которомъ въ то время разнеслись слухи, что онъ хочетъ перенести резиденцію свою въ Римъ, или же прежде всего хотѣлъ онъ возвѣстить свое откровеніе въ древней столицѣ папства и западно-католической церкви. Цѣлый мѣсяцъ пробылъ онъ въ Римѣ, приготовляясь къ своему подвигу постояннымъ чтеніемъ св. писанія, усердною молитвою и постомъ. Папа Урбанъ между-тѣмъ все еще не пріѣзжалъ, и Миличь не могъ молчать долѣе. По обычаю тогдашняго времени, онъ прибилъ, на дверяхъ церкви св. Петра, объявленіе, что въ опредѣленный день онъ намѣренъ выступить тамъ публично и объявить всему народу пришествіе антихриста [1]. Такое объявленіе возбудило сильное подозрѣніе папскаго инквизитора, монаха доминиканскаго ордена, давно уже ненавидѣвшаго Милича за его смѣлыя нападки на нищенствующее монашество. Онъ приказалъ арестовать его и его спутника Теодериха и начать надъ ними судебный процессъ. Миличъ не потерялъ присутствія духа. Въ своихъ страданіяхъ онъ обнаружилъ величайшее терпѣніе и кротость, и ни одно гнѣвное слово не исходило изъ устъ его. Онъ утѣшалъ своего спутника примѣромъ еще большихъ страданій Спасителя, молившагося за враговъ своихъ. Спустя нѣкоторое

---

[1] Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Миличъ въ своемъ соч. «de antichristo». Et tunc jam desperassem de adventu domini nostri papae... et tunc irruit in me spiritus, ita ut me continere non possem, dicens in corde, vade in Roma, publice pertracta, qua quomodo afligetur hostis ecclesiæ s. Petri, sic sollicitus fuisti intimare in Praga, quoniam eris praedicaturus, quod velis praedicare, quod antichristus venit, et cohortari eos velles et populum, ut orent pro domino nostro papa et domino imperatore, ut ita ordinent ecclesiam sanctam in spiritualibus et temporalibus, ut securi fideles deserviant Creatori.

время, Миличу предложили вопросъ: о чемъ онъ хотѣлъ проповѣдывать. „Дайте мнѣ только отнятую вами библію, бумаги, пера и чернилъ, отвѣчалъ онъ, и тогда узнаете". Желаніе его было исполнено, и съ него сняли даже оковы. Предъ многочисленнымъ собраніемъ прелатовъ и ученыхъ, въ церкви св. Петра, держалъ Миличъ свою проповѣдь на латинскомъ языкѣ, и всѣ присутствующіе поражены были его краснорѣчіемъ и ученостью. Съ этихъ поръ съ нимъ стали обращаться гораздо кротче, а прибытіе папы Урбана V въ Римъ повело къ его полному освобожденію. Но Миличъ увидѣлъ теперь всю безуспѣшность попытокъ своихъ въ Римѣ, увидѣлъ какъ глухи и слѣпы тѣ, которые хотятъ быть главами всего христіанскаго міра, и поспѣшилъ обратно въ Прагу къ своимъ любимымъ чехамъ, на прежнее поприще своей дѣятельности. Съ новою ревностью принялся онъ снова за проповѣдь, и, недовольный своими собственными усиліями, рѣшился образовать цѣлую школу проповѣдниковъ и основалъ съ этою цѣлью общество болѣе нежели изъ 200 молодыхъ людей. Онъ жилъ въ одномъ домѣ съ своими питомцами, развивалъ ихъ своимъ вліяніемъ и своею бесѣдою, самъ доставлялъ и переписывалъ для нихъ книги. Все должно было быть свободно въ этой общинѣ: не внѣшняя дисциплина, не обѣты, не однообразная одежда, а внутренняя сила идеи связывала его членовъ. Не могло быть болѣе рѣзкаго контраста, какъ между мертвою формальностью и бездушнымъ схоластицизмомъ тогдашняго пражскаго университета и живою свободною дѣятельностью на пользу науки и религіи этой чисто славянской общины. Ученики Милича свято сохраняли и исполняли наставленія своего учителя. Они отличались отъ всѣхъ другихъ своею серьезною, нравственною жизнію, своею безъискусственною, сердечною манерою проповѣди и своимъ національнымъ духомъ. Такія достоинства бы-

ли, разумѣется, преступленіемъ въ глазахъ нищенствующихъ монаховъ. Не надѣясь на успѣхъ въ Прагѣ, они обвинили его при авиньонскомъ дворѣ. Папѣ донесли, что проповѣди Милича полны самыхъ еретическихъ и опасныхъ мнѣній, что онъ возвѣщаетъ народу пришествіе антихриста, совѣтуетъ мірянамъ частое принятіе св. Таинъ, поноситъ все духовенство, отъ папы до послѣдняго монаха, не обращаетъ вниманія на папскій интердиктъ, считаетъ грѣхомъ изученіе свободныхъ искусствъ, запрещаетъ женщинамъ даже самыя приличныя украшенія, раздражаетъ свѣтскую власть противъ духовной, оспариваетъ у духовенства право имѣть собственность. При этомъ случаѣ мы имѣемъ возможность узнать, какъ велико было число послѣдователей Милича и какъ далеко простиралось вліяніе его ученія. Папѣ Григорію XI доносили, что уже вся Чехія, Моравія и Селезія заражены еретическими мнѣніями этого человѣка. Какъ видно, самъ папа не былъ, однако-же, убѣжденъ въ виновности Милича. Въ буллахъ, разосланныхъ имъ архіепископу гнѣзненскому, епископу бреславскому и архіепископу пражскому, онъ прежде всего выражаетъ свое удивленіе, какъ могутъ терпѣть епископы распространеніе такихъ опасныхъ и еретическихъ мнѣній въ столь обширныхъ кругахъ, и требуетъ отъ нихъ принять всѣ мѣры къ истребленію еретиковъ, если только вы найдете справедливымъ то, что доносили мнѣ [1], прибавляетъ папа, и этимъ обнаруживаетъ ясно, какъ смотрѣлъ онъ самъ на обвинителей Милича. Папская булла произвела большое впечатлѣніе въ Прагѣ. Архіепископъ испугался не на-шутку; онъ призвалъ Милича и спрашивалъ у него совѣта — что дѣлать. Но смѣлый проповѣдникъ непоколебимо выдержалъ и это послѣднее испы-

[1] Annales Raynaldi, tom. VII, ad ann. 1374, N 10 et 11, pag. 251.

таніе. „Не безпокойтесь обо мнѣ, сказалъ онъ архіепископу, совѣсть моя чиста, я надѣюсь на Бога и на силу правды, они побѣдятъ всѣхъ враговъ“. Въ 1374 г. Миличъ отправился въ Авиньонъ, но умеръ тамъ, не дождавшись рѣшенія своего дѣла.

Значеніе Милича въ исторіи чешскаго движенія велико. Вліяніемъ своей высокой личности онъ далъ толчекъ нравственному возрожденію народа и образовалъ цѣлое поколѣніе учениковъ, которые повели его дѣло далѣе. Какъ человѣкъ жизни и чувства, онъ мало обращалъ вниманія на теорію, онъ стремился достигнуть видимыхъ результатовъ въ практической жизни и не имѣлъ ни времени, ни охоты заниматься систематическимъ изложеніемъ мыслей своихъ на бумагѣ. То, что было упущено имъ такимъ образомъ изъ виду, за то взялся другой человѣкъ, Матѳей изъ Янова, одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ его. Природныя дарованія этого человѣка и все его развитіе влекли его на литературное поприще. Онъ былъ сынъ чешскаго рыцаря Вячеслава изъ Янова и принадлежалъ къ числу молодыхъ клириковъ, находившихся подъ вліяніемъ Милича. Что именно это вліяніе поставило его на истинную дорогу и произвело въ немъ полный нравственный переворотъ, объ этомъ можно догадываться изъ собственныхъ словъ Матѳея. Онъ говоритъ не однократно, что и самъ былъ прежде не чуждъ тѣхъ заблужденій и высокомѣрія, которыя заражали все современное ему духовенство. „Когда-то, говоритъ онъ, духъ мой былъ окруженъ густою тьмою, и я думалъ только о томъ, что услаждаетъ зрѣніе и слухъ, пока Господь ни извлекъ меня, какъ головню изъ пламени. И когда я, сквернѣйшій рабъ моихъ похотей, противился Ему, то Онъ спасъ меня изъ содомскаго огня, и ввелъ меня въ обитель печали, многихъ горестей и презрѣнія. И тогда я обѣднѣлъ и покаялся духомъ и съ страхомъ обратился къ словамъ ев. пи-

санія. И я началъ изумляться истинѣ св. писанія и вѣрному исполненію всего сказаннаго въ немъ и удивляться коварству сатаны, омрачившаго своимъ туманомъ и тѣхъ, которые считаютъ себя мудрѣйшими". Какъ ни теменъ отчасти смыслъ этихъ словъ Матѳея, тѣмъ не менѣе мы не можемъ сомнѣваться, что этимъ своимъ перерожденіемъ онъ былъ обязанъ прежде всего Миличу, о которомъ онъ говоритъ всюду съ величайшимъ энтузіазмомъ и котораго онъ называетъ въ одномъ мѣстѣ сыномъ и подобіемъ І. Христа [1]. Вмѣстѣ съ потребностію нравственнаго очищенія, Матѳей почувствовалъ и необычайную жажду знанія. Этой жажды не могли удовлетворить вполнѣ ни Миличь, ни Прага съ своимъ университетомъ. Еще до смерти своего учителя, Матѳей отправился въ Парижъ, средоточіе тогдашней богословской учености, и пробылъ тамъ около шести лѣтъ. Съ ревностію продолжалъ онъ тутъ свои занятія и, получивши степень магистра, возвратился въ Прагу. Въ 1381 г., съ разрѣшенія папы Урбана VI, онъ былъ опредѣленъ на вакантное мѣсто каноника, при пражской соборной капитулѣ. Тихій, сосредоточенный въ самомъ себѣ, характеръ Матѳея, не позволялъ ему дѣйствовать словомъ и дѣломъ на массы народа, но за-то его вліяніе на будущее развитіе, какъ теоретика, было громадно. Имя и слáва Матѳея долго были заслонены другими болѣе блистательными лицами, его лучшія сочиненія долго несправедливо приписывались другимъ. Только новѣйшія изслѣдованія пролили, наконецъ, свѣтъ на его личность и дали возможность судить о его значеніи. Многочисленныя, отдѣльныя изслѣдованія Матѳея собраны были имъ самимъ въ одно цѣлое и извѣстны подъ однимъ общимъ загла-

---

[1] Ipse Milicius filius et imago Domini Jesu Christi, *Палацкаго* «Geschichte Böhmen's». 3 B. 1 Abth. стр. 173, прим. 2.

віемъ: De regulis veteris et novi testamenti. Полнаго рукописнаго экземпляра этого знаменитаго сочиненія, по словамъ Палацкаго, не существуетъ болѣе; но изъ отрывочныхъ манускриптовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ архивахъ, можно кажется возстановить его въ первоначальномъ видѣ. Отдѣльныя части или трактаты сочиненія носятъ слѣдующія заглавія: Liber I. De discretione spirituum in doctoribus et prophetis et de venerabili sacramento. Liber II de judicio et notitia falsorum et verorum christianorum; въ ней трактаты: 1) de falsa specie sanctitatis seu hypocrisi, 2) de distincta veritate. Liber III. De regula generali, и въ ней трактаты: 1) de regula in se, 2) de apostolis et prophetis, 3) de frequenti communione, 4) de universitate et unitatae ecclesiae, 5) de antichristo, 6) de abominatione in loco sancto. Во всемъ сочиненіи весьма мало чисто догматическаго матеріала. Авторъ обращаетъ, по преимуществу, свое вниманіе на исторію церкви и на ея современное состояніе, старается уяснить принципы или основные законы христіанства, изложенные въ библіи ветхаго и новаго завѣта, и высказываетъ, на основаніи ихъ, предположенія, пророчества на-счетъ будущаго. Онъ изображаетъ картину упадка современной ему церкви и показываетъ намъ его причины. О цѣли и духѣ своего сочиненія Матѳей говоритъ слѣдующее [1]: „Господь Іисусъ научилъ меня написать все, касающееся современнаго состоянія свя-

---

[1] Dominus Jesus instituit me ad scribendum ea omnia, quae contingunt statum praesentem sacerdotum, puta carnalium et quae explicant qualitatem horum temporum; ad quem autem finem hoc perveniat, ipse solus novit, qui me in id posuit; et misit me spiritus ejus, qui mittit ignem in ossibus meis et in meo pectore, et quietum esse non sinit, quin revelem filium iniquitatis et perditionis, et quin denudem ac discooperiam abdita decoris fornicariae mulieris.

щенниковъ, плотскихъ духомъ, и объясняющее положеніе этого времени; къ чему-же поведетъ все это, знаетъ лишь Онъ, побудившій меня къ тому. И Онъ послалъ мнѣ Своего духа, который жжетъ огнемъ мои члены и мою грудь и не даетъ мнѣ покоя пока ни обнаружу я сѣмена зла и гибели, и пока ни раскрою сокрытый позоръ великой блудницы" (апокалипсическое опредѣленіе извратившейся церкви). Взглянемъ же прежде всего на то, какъ изображаетъ Матѳей нравственный упадокъ церкви и духовенства. Источникъ всего зла онъ видитъ въ пренебреженіи священниками обязанностей своего сана, въ погруженіи ихъ въ мірскія дѣла и занятія. Онъ называетъ ихъ плотскими священниками и говоритъ, что менѣе всего заботятся они объ изученіи библіи и древнихъ отцевъ церкви. Не смотря на свое полное невѣжество, они смѣло однако-же выступаютъ учителями и наставниками народа, покупаютъ себѣ какой-нибудь сборникъ проповѣдей, заучиваютъ его обороты и выраженія и, пользуясь своимъ умѣньемъ болтать, произносятъ пышныя, но пустыя проповѣди. Изображая, чѣмъ должна быть церковь на самомъ дѣлѣ, Яновъ показываетъ, какъ далеко удалилась она отъ своего идеала. Церковь, по его мнѣнію, есть такой организмъ, въ которомъ всѣ части должны быть такъ-же тѣсно соединены и сплочены другъ съ другомъ, какъ члены человѣческаго тѣла. Упадокъ церкви начался, какъ только разрушено было это единство и согласіе. Папы высокомѣрно поднялись надъ епископами, присвоили себѣ всю власть и исключительное право раздавать бенефиціи. Съ своей стороны, и епископы отказались отъ необходимаго и прекраснаго соединенія съ низшими духовными. Они вступили въ связи съ богатыми баронами и князьями и, занявшись свѣтскими дѣлами, оставили безъ вниманія сыновей своихъ, священниковъ. И сердца этихъ послѣднихъ также не соединены любовью съ общиною

мірянъ, а отдѣлены отъ нея пустымъ тщеславіемъ и алчностію. Что-же можетъ быть естественнѣе того неповиновенія и презрѣнія, которое встрѣчаетъ теперь повсюду духовенство. Само оно подало къ тому главную и единственную причину. Утративши небесную силу, данную ему свыше, предавшись плотской любви и наслажденіямъ, оно сдѣлалось презрѣннымъ и ненужнымъ для народа. Отказавшись отъ повиновенія Богу, оно потеряло право и на повиновеніе своихъ подчиненныхъ. Забывъ Христа распятаго, оно не можетъ жаловаться на то, что и народъ забылъ его великую власть и притязанія. Отбросивъ крестъ Христовъ и Его страданія, оно потеряло вмѣстѣ съ тѣмъ и свою славу. И такъ, исчезновеніе единства изъ церковнаго организма, свѣтское, противо-религіозное направленіе его отдѣльныхъ членовъ является у Янова первою причиною деморализаціи и упадка самой церкви. Другая и важнѣйшая причина есть—ея уклоненіе отъ единаго божескаго закона и проникновеніе въ нее безчисленныхъ человѣческихъ вымысловъ и постановленій. Богъ есть единственный источникъ закона для церкви. Онъ одинъ, непогрѣшимый и самодовольный, не нуждается во внѣшнихъ законахъ и правилахъ; Его воля есть Его законъ и Его мудрость есть Его неизмѣнное правило. Богъ Отецъ есть высочайшій законъ, Богъ Сынъ есть законъ всея твари. Первообразъ закона есть Слово Отца, все творитъ Отецъ черезъ Него, Святый же Духъ есть красота и гармонія этого закона; а потому Св. Духъ и Слово есть единственно вѣрное правило для всего человѣчества. Отецъ есть творящій принципъ, отъ котораго все исходитъ, Сынъ—творящій принципъ, къ Которому все стремится, Св. Духъ, въ Которомъ все покоится, и всѣ Они суть не три правила или формулы, а одно. Отсюда ясно, что высшее правило, которому все должно подчиняться, есть Самъ Христосъ,

то единственное правило, котораго одного необходимо и довольно для всѣхъ апостоловъ и людей, для всякаго времени и мѣста, для самыхъ ангеловъ, ибо оно одно есть всесильная истина и мудрость. Богъ сообщилъ всѣмъ существамъ стремленіе къ одной цѣли, а въ этомъ отношеніи заключается все ихъ совершенство и совершенство мірозданія. Только тѣ человѣческія постановленія законны и разумны, которыя истекаютъ изъ божескаго закона. Многіе законы только стѣсняютъ и спутываютъ ихъ понятія. Какъ ни просты и какъ ни понятны для каждаго десять заповѣдей Моисея, однако-же Христосъ соединилъ ихъ въ одну: люби Бога и ближняго, ибо исполненіе закона есть любовь и она есть законъ полной свободы. Всѣ остальные законы и постановленія людей лишни и безплодны. Но церковь забыла слова своего божественнаго Установителя. Потерявши живой духъ, она начала искать спасенія въ мертвыхъ формахъ. Съ каждымъ столѣтіемъ росли и накоплялись ея законы и каноническія правила. Никто уже не въ состояніи понять и разобрать безпорядочной массы, никто не можетъ отличить главное и существенное отъ неважнаго и второстепеннаго. Ученѣйшіе юристы часто останавливаются передъ нею въ недоумѣніи; что-же сказать о бѣдныхъ, неученыхъ, приходскихъ и сельскихъ священникахъ. У кого изъ нихъ найдутся средства пріобрѣсти эти безчисленные томы церковныхъ законовъ и папскихъ декреталій! У кого хватитъ времени и умѣнья разобрать и изучить ихъ. И однако-жъ отъ каждаго изъ нихъ требуется знаніе всего этого, и малѣйшее нарушеніе считается уже преступленіемъ. Но и міранъ отягощаютъ не меньшимъ количествомъ запутанныхъ и сложныхъ постановленій: на нихъ возлагаютъ исполненіе безчисленныхъ церемоній и обрядовъ, и если кто изъ нихъ, хотя и не намѣренно, не исполняетъ чего-либо, ему уже грозятъ небеснымъ гнѣвомъ и анаѳемою. Что-же

выходитъ изъ этого? Внѣшность и форма стоятъ у всѣхъ на первомъ планѣ. За исполненіемъ ихъ гонятся всѣ, и малѣйшее нарушеніе обряда или церемоніи считается величайшимъ грѣхомъ, достойнымъ наказанія. Настоящія постановленія религіи находятся во всеобщемъ пренебреженіи, ибо законы Божіи духовны и невидимы, масса же всегда увлекается скорѣе внѣшностію. Совѣсть мучитъ священника за малѣйшую небрежность или оплошность, при совершеніи литургіи; она остается спокойною при самыхъ грубыхъ и преступныхъ нарушеніяхъ божественныхъ заповѣдей. Мірянину непростительно забывать и не исполнять внѣшніе обряды и постановленія церкви, не соблюдать постовъ и времени опредѣленнаго для молитвы, но ему извиняется нерадѣніе въ его домашнихъ дѣлахъ, пьянство и всевозможные пороки. „Сатана много успѣлъ, въ послѣднее время, отвести людей отъ Христа, ибо люди боятся уже теперь произносить Христа распятаго и поруганнаго". Они не хотятъ даже слышать такихъ истинъ и порицаютъ и преслѣдутъ тѣхъ, которые исповѣдуютъ такъ Христа [1]. Довольно произносить такія слова и разъ въ годъ, говорятъ они съ каѳедръ. Авторъ не видитъ спасенія для церкви, пока не будетъ отброшена въ сторону вся эта масса 'ложныхъ и ведущихъ лишь ко злу человѣческихъ постановленій, пока не будетъ отмѣнена всякая безполезная внѣшность. Матѳей прибавляетъ при этомъ, что онъ вовсе не думаетъ отвергать всѣ законы человѣческіе безъ исключенія, всякое положительное право. Законы эти могутъ имѣть свое значеніе, но они не должны претендовать на равенство съ законами божественными. Пусть возь-

[1] Idcirco hac via satanas multum hodie profecit in Christianorum abductione, nam hodie jam Christiani horrent nominare Jesum crucifixum vel Jesum consputum vel suspensum in patibulo aut horrende occisum.

мутъ въ примѣръ славнѣйшаго апостола церкви христіанской св. Павла. Съ какою умѣренностію и кротостію относится онъ повсюду къ своимъ собственнымъ установленіямъ, какъ не прибѣгаетъ въ отношеніи къ нимъ ни къ какимъ принужденіямъ и угрозамъ, какъ тщательно отличаетъ ихъ по-всюду отъ заповѣдей Самого Христа. Какой контрастъ между этимъ истинно-христіанскимъ смиреніемъ и кротостію верховнаго апостола и властолюбивымъ высокомѣріемъ папъ, начинающихъ свои буллы словами: Jubeamus, mandamus.

Ни въ чемъ не выражается такъ вся реформаторская сила и пророческій духъ Матѳея, какъ въ слѣдующихъ словахъ его: [1] „я говорю ко всѣмъ; кто можетъ постигнуть это, такъ слушай! Такъ заключаю я изъ св. писанія и такъ вѣрю, что всѣ выше поименованныя дѣла человѣческія, постановленія и обряды будутъ истреблены до основанія и прекратятся, и Богъ одинъ будетъ возвышенъ и Его слово останется въ вѣчности, и уже близко то время, когда будутъ истреблены всѣ эти вымыслы“. Въ этихъ словахъ, высказанныхъ съ неподдѣльнымъ пророческимъ одушевленіемъ, опредѣлено напередъ все развитіе реформаціи и вѣрно показанъ ея послѣдній результатъ.

Вездѣ старается внушить Матѳей единственное значеніе и силу божественной заповѣди, ничтожество и безполезность человѣческихъ постановленій въ сравненіи съ нею. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается объ этомъ такъ: „всѣ заповѣди суть одно и то-же, онѣ исходятъ отъ одного и сходятся къ одному, но онѣ

[1] Вотъ послѣдняя и знаменательнѣйшая часть этого изреченія въ подлинныхъ словахъ: Et puto quod omnia prænotata opera hominum, cærimoniæ et traditiones funditus destruentur et cessabunt et exaltabitur Deus solus, et verbum ipsius manebit in aeternum et tempus illud jam instat, in quo illa evacuabuntur.

имѣютъ значеніе не сами по себѣ и не ради самыхъ себя соблюдаются въ церкви Божіей, а нераздѣльно соединены въ одномъ и томъ-же святомъ законѣ Христа, вписанномъ Духомъ Святымъ въ сердца вѣрующихъ" [1]. Христосъ, упростившій такъ законъ, уничтожилъ также многочисленныя жертвы и обряды и на мѣсто ихъ поставилъ одну—единую небесную жертву, которая и должна сохранять единство церкви. И св. апостолы слѣдовали этому примѣру Христа, не издавали никакихъ новыхъ постановленій и не внушали другихъ заповѣдей, кромѣ любви къ Богу и ближнему.

„Я убѣжденъ, такъ заключаетъ Матѳей свое разсужденіе объ этомъ предметѣ, что, для возстановленія мира и единства въ христіанствѣ, необходимо вырвать съ корнемъ всѣ плевелы человѣческихъ установленій и соединить опять все въ одной заповѣди, возвратить христіанскую церковь къ ея здоровымъ и простымъ началамъ и удержать лишь немногіе и то только апостольскіе законы. Предъ лицемъ моего Господа Христа, распятаго за ны, признаю я, что довольно закона Св. Духа, обыкновенныхъ отцевъ, папы, епископовъ, священниковъ и ихъ помощниковъ для правильнаго управленія общиною, для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ и дѣлъ предъ трибуналомъ суда и совѣсти". Хотя Матѳей нигдѣ не нападаетъ явно на іерархію, и его усилія, по видимому, направлены къ возстановленію значенія и власти рим. церкви; но, посредственнымъ образомъ, въ своемъ ученіи о сущности церкви и объ отношеніи ея къ небесному ея главѣ Христу, онъ подкапываетъ самыя основы іерархіи, уничтожая въ принципѣ разли-

[1] Regulæ omnes sunt unum et ex uno ad unum, non autem per se celebratae et auctorisate in dei ecclesia, ut definitae seorsim, sed inclusae indivisibiliter in una eademque sancta lege et regula christiana, a Christo Jesu tradita, per spiritum sanctum in cordibus fidelium descripta.

чіе между духовными и мірянами. Матөей является первымъ реформаторомъ въ томъ смыслѣ, что вездѣ старается показать личное, непосредственное отношеніе религіознаго сознанія каждаго вѣрующаго къ Христу, и на этомъ одномъ основываетъ истинное единство церкви. „Всякое единство, говоритъ онъ, предполагаетъ отношеніе къ извѣстному принципу“ [1]. Принципъ единства церкви есть единый Богъ, единый Господь, единый Владыка, единая религія, единый законъ, единая заповѣдь. „Всѣ христіане, принявшіе въ себя духъ Христа распятаго, руководимые этимъ духомъ и не уклонявшіеся отъ своего Бога, суть единая церковь Христа, Его прекрасная невѣста, Его тѣло, и они не суть отъ міра сего, какъ и Самъ Христосъ, а потому міръ и ненавидитъ ихъ“. Какъ рѣзко противорѣчитъ это ученіе съ наивнымъ догматомъ католицизма, утверждавшимъ, что папа и кардиналы составляютъ всю церковь или тѣло Христово. Вѣра въ божественнаго Искупителя и любовь къ Нему является у него по-всюду единственнымъ путемъ къ спасенію. „Все св. писаніе, вся христіанская вѣра, говоритъ онъ, напоминаетъ и исповѣдуетъ, что Іисусъ Христосъ, распятый на крестѣ, есть единственный Спаситель, и вѣра въ Него достаточна для оправданія всякаго; въ Немъ одномъ вся сила и мудрость для каждаго христіанина, Онъ альфа и омега, начало и конецъ всего“.

Съ этой точки зрѣнія, церковь является обществомъ, соединеннымъ единственно внутреннею связью съ главою своимъ, Христомъ.

---

[1] Эта мысль развита у *Матөея* такъ: Universitas dicitur ab uno aliquo, ad quod omnia supposita universitatis habent ordinem et attributionem, et nisi, sit tale unum principale a quo reliqua omnia et tale quid, quod possit formare de multis universitatem et conservare, non unitas neque universitas, sed dispersa diversitas esset.

Неминуемымъ слѣдствіемъ подобнаго принципа, есть, разумѣется, исчезновеніе различія между духовными и мірянами, идея всеобщаго священства, очистительный процессъ христіанства отъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ, теократическихъ элементовъ. „Всякій христіанинъ, говоритъ онъ, есть помазанникъ Божій и священникъ". Отсюда ясно, какъ неразумно притязаніе людей, считающихъ единственнымъ путемъ къ спасенію вступленіе въ какой-нибудь монашескій или духовный орденъ. Религіозныя понятія тогдашняго времени извращены были до крайней степени. Жить въ мірѣ значило то-же, что свободно предаваться всѣмъ страстямъ и порокамъ. На человѣка нравственнаго, старавшагося и въ свѣтскомъ быту быть набожнымъ и религіознымъ, смотрѣли какъ на совершенно несообразное явленіе. „Что тебѣ дѣлать въ свѣтѣ; съ такими правилами надо идти въ монастырь".

Общины и братства мірянъ съ религіозно-нравственнымъ характеромъ подвергались самымъ яростнымъ преслѣдованіямъ духовенства. Ихъ старались заподозрить въ глазахъ общества, взводили на нихъ небывалыя преступленія, клеймили ихъ названіемъ еретиковъ, беггардовъ, турлепиновъ [1]. Вотъ, къ какимъ результатамъ привело, наконецъ, общество римско-іерархическое устройство. Духъ религіи и набожности сдѣлался исключительною принадлежностью одного сословія, безнравственность же и порокъ считался неизбѣжною особенностью другаго. Со всею силою своего одушевленія возсталъ Матѳей противъ этого духа касты. Все преимущество священника состоитъ лишь въ томъ, что онъ одинъ приноситъ жертву тѣла и крови Христовой, вкушаютъ же ее и мі-

---

[1] Такъ называли въ средніе вѣка фанатическія секты, враждебныя римской церкви. Названіе это распространялось часто на приверженцевъ самыхъ различныхъ мнѣній.

ряне наравнѣ съ нимъ. Хотя такимъ образомъ призванiе священника въ церкви выше и благороднѣе призванiя мiрянина, но если мiрянинъ свято и справедливо исполняетъ свои обязанности, то и его служенiе не менѣе полезно и необходимо церкви. Если священникъ полезенъ церкви своимъ служенiемъ и совершенiемъ таинствъ, то и крестьянинъ полезенъ не менѣе его своими полевыми работами и своимъ домашнимъ хозяйствомъ [1]. Точно то-же можно сказать и о другихъ мiрянахъ, какъ напримѣръ — ремесленникахъ и купцахъ. Ибо если церковь Божiя не можетъ обойдтись безъ священниковъ и воиновъ, то столько-же необходимы ей землепашцы и другiе ремесленники. Призванiя тѣхъ и другихъ одинаково необходимы. Какъ занятiя священника, такъ и земледѣльца происходятъ одинаково отъ Бога и Iисуса Христа; послѣднее даже неизбѣжнѣе и первобытнѣе перваго въ обществѣ, ибо земледѣлiе и ремесла были раньше всякой другой дѣятельности. Земледѣльцы и воины существуютъ не ради духовныхъ, а духовные ради ихъ. Каждый христiанинъ становится черезъ крещенiе помазанникомъ Божiимъ, всякiй получаетъ даръ священства, и различiе между вѣрующими можетъ быть лишь по степени служенiя, а не благодати. Человѣкъ способенъ къ безконечному развитiю или совершенствованiю. Вся жизнь есть безпрестанное движенiе впередъ или назадъ. Степени совершенства безчисленны, но человѣкъ никогда не можетъ достигнуть полнаго

[1] Вотъ мѣсто, относящееся сюда: Sicut sacerdos psallens et orans atque sacramenta administrans per hoc servit communi domin. J. Christo, et in eo est utilis ecclesiae, ita rusticus arando et sua pecora pascendo manens in communi caritate similiter in eo ipso optime servit J. Christo, et est utilis et necessarius ipsius familiae vel ecclesiae sacro sanctae, et ita de alliis singulis laicis mechanicis in republica.

безгрѣшія. Какъ странно и смѣшно должно казаться послѣ этого высокомѣріе духовныхъ. За оскорбленіе всякаго духовнаго всегда готовы проклятіе и интердиктъ, оскорбленіе же свѣтскихъ людей очень часто остается безнаказаннымъ. „Праведнымъ судомъ Божіимъ духовные пали, какъ Люциферъ". Единство церкви не возстановится до тѣхъ поръ, пока ни уничтожится ложное различіе между клириками и мірянами, пока ни изгнаны будутъ изъ церкви люди, погрязшіе въ эгоизмѣ, заботящіеся о своихъ земныхъ выгодахъ, а не о словѣ Христѣ. Высокомѣріе духовныхъ влечетъ за собою развратъ и упадокъ нравственности мірянъ. Духовные величаютъ себя единственными наслѣдниками Христа и апостоловъ, остальное христіанство клеймятъ они названіемъ Вавилона и міра. Примѣняя такимъ образомъ все къ себѣ, выставляя себя предметомъ наивысшаго почитанія и исключая отовсюду народъ, они тѣмъ самымъ потворствуютъ развитію въ немъ плотской вольности, паденію христіанской нравственности, страшному самообольщенію въ массахъ, извиняющихъ себя словами: „мы мірскіе, во плоти живущіе люди, намъ позволяется дѣлать то и другое". Оттого такое малое сдѣлалось теперь число набожныхъ людей между мірянами, отсюда преслѣдованіе и ненависть противъ нихъ. Въ связи съ вопросомъ, только-что разсмотрѣннымъ нами, находится, у Матѳея Янова, и вопросъ о причащеніи мірянъ, имѣющій чрезвычайное значеніе для его времени. Усилія чешской реформаціонной партіи успѣли уже принести, во время Янова, значительные плоды. Религіозная жизнь начала пробуждаться въ массахъ. Вмѣстѣ съ духомъ набожности и любви проявилась въ народѣ и потребность болѣе частаго причащенія Св. Таинъ. Потребность эта тѣмъ сильнѣе должна была развиться въ народѣ, чѣмъ явственнѣе была связь этого обычая съ преданіями восточной церкви. Католицизмъ, согласно своему іерархическому принципу, давая повсюду преиму-

щество духовнымъ передъ мірянами, не только отнялъ у этихъ послѣднихъ право причащенія подъ обоими видами хлѣба и вина, но даже старался допускать ихъ какъ-можно рѣже къ принятію Св. Таинства. Это стремленіе, съ успѣхомъ проведенное во всей остальной Европѣ, встрѣтило однако-же въ Чехіи самое упорное сопротивленіе. Противъ него было не только личное убѣжденіе людей, подобныхъ Миличу и Матѳею изъ Янова, но и неизгладимое сочувствіе народа къ старому православному догмату. Только этимъ сочувствіемъ массы народа можемъ мы себѣ объяснить тотъ интересъ, который возбуждалъ къ себѣ постоянно этотъ вопросъ въ Чехіи, и то обстоятельство, что онъ сдѣлался въ послѣдствіи главнымъ центромъ всего религіознаго движенія въ Чехіи. Матѳей и въ этомъ отношеніи является первымъ сознательнымъ представителемъ и защитникомъ религіозныхъ стремленій массъ. Съ особенною любовью занимается онъ этимъ вопросомъ и постоянно возвращается къ нему. Его своеобразный взглядъ на христіанство выражается какъ-нельзя лучше въ этой полемикѣ. Вмѣстѣ съ частымъ принятіемъ причащенія, онъ замѣтно, хотя и осторожно, защищаетъ и раздачу его мірянамъ подъ обоими видами; по крайней мѣрѣ доказательства его одинаково приноровлены для той и другой цѣли. Онъ исходитъ изъ того, что Богъ, какъ существо всеблагое, одинаково принадлежитъ всѣмъ безъ различія лицамъ. Онъ ссылается также на сравненіе съ ветхимъ завѣтомъ, на вседневную жертву, соотвѣтствующую причащенію и состоявшую, подобно ему, изъ хлѣба и вина. Онъ жалуется, что эта жертва прекратилась теперь, что тщеславный народъ отсталъ не только отъ ежедневнаго, но дажа и отъ частаго причащенія, и что онъ принимаетъ въ немъ участіе лишь изъ лицемѣрія и принужденія. Виною всего этого, разумѣется, священники, лишенные истинной любви къ народу христіанскому, жестокосердо

отказывающіе въ пищѣ алчущей и жаждущей общинѣ [1]. Они хотятъ вознаградить за это народъ своими мессами, которыя, по ихъ словамъ, суть то-же, что и духовное причастіе. Но это было бы справедливо лишь тогда, когда бы мы были ангелы, а не существа, составленныя изъ души и тѣла. Въ такомъ случаѣ было бы лишнее и самое воплощеніе Сына Божія и учрежденіе таинства причащенія. Отказывать мірянамъ въ частомъ причащеніи, главнѣйшемъ средствѣ единенія съ Богомъ, тѣмъ несправедливѣе, что въ ихъ средѣ не мало лицъ, превосходящихъ самихъ духовныхъ своими добродѣтелями, заслугами и любовью къ Таинству. Столь-же несправедливо не допускать часто къ принятію Таинства женщинъ. Подобное исключеніе противорѣчитъ прямо христіанскому принципу, не признающему никакого различія въ новой твари. Къ чему-же послѣ этого слова Св. Писанія: единъ Отецъ, единъ Духъ, едина вѣра, единъ Господь, едино крещеніе для всѣхъ. Напрасно ссылаться тутъ на слабость женщины, ибо Господь избралъ слабаго, дабы посрамить сильнаго. Мужчины, гордясь своими природными дарами, не хотятъ смиряться предъ Христомъ и нести его позора, и Господь оставилъ ихъ и перенесъ свои сокровища на женщинъ. Женщины, дѣвицы и вдовы, по преимуществу, отличаются своими добродѣтелями и набожностью; онѣ болѣе тщеславныхъ мужчинъ спѣшатъ къ покаянію и таинству, кто-же осмѣлится отказывать имъ въ немъ. Только великимъ и притомъ всѣмъ извѣстнымъ грѣшникамъ, какъ напр. ростовщикамъ и блудникамъ, можетъ быть отказано въ причащеніи, и такія лица должны быть поименованы передъ всѣмъ народомъ въ церкви. Для остальныхъ же христіанъ принятіе Св.

---

[1] Въ словахъ «алчущій и жаждущій» заключается явный намекъ на причащеніе подъ обоими видами.

Таинъ такъ-же необходимо, какъ молоко матери младенцу. Самый грѣхъ, если только за нимъ послѣдовало сознаніе и раскаяніе, не можетъ служить къ тому препятствіемъ. Начинающіе и грѣшники нуждаются еще болѣе въ причащеніи, нежели совершенные и блаженные. Св. причастіе является у Матѳея вершиною и средоточіемъ всего христіанскаго богослуженія, пѣніе же, молитвы, обряды и самая проповѣдь есть только приготовленіе къ нему. Оно есть пища, приготовляемая въ особенности слабымъ и слѣпымъ людямъ, нечистымъ грѣшникамъ, сожалѣющимъ и скорбящимъ о грѣхахъ своихъ. Какъ несправедливо поступаютъ духовные, отказывая въ ней именно этимъ людямъ и сохраняя ее для какихъ-то ангеловъ, или, что еще хуже, для самихъ себя! Мы не будемъ слѣдовать за Матѳеемъ Яновымъ въ его дальнѣйшихъ доказательствахъ; приведенныхъ замѣчаній достаточно для нашей цѣли. Историческое же значеніе этого вопроса то, что въ немъ выражается не столько мнѣніе самого Янова, сколько голосъ всего чешскаго народа.

Намъ остается взглянуть еще на ту сторону сочиненія Матѳея, въ которой онъ развиваетъ свои понятія о приближающемся судѣ Божіемъ надъ церковію и объ антихристѣ. По его мнѣнію, совершилось уже то отпаденіе отъ Христа, о которомъ говорится въ св. писаніи, во второмъ посланіи къ ѳессалоникійцамъ. Исчезла вѣра, а вмѣстѣ съ нею и всѣ остальныя добродѣтели, ибо она есть совокупность ихъ всѣхъ. Хитрый сатана морочитъ людей и заставляетъ ихъ ожидать пришествія будущаго антихриста, между-тѣмъ какъ антихристъ давно уже явился. Чтобы люди не замѣтили настоящаго бѣдствія, онъ пугаетъ ихъ еще худшимъ въ будущемъ и тѣмъ еще болѣе увлекаетъ церковь въ заблужденіе. Каждый день является теперь безчисленное количество антихристовъ, а они все еще ожидаютъ какого-

то антихриста въ будущемъ. Какъ-же представлялъ себѣ этого послѣдняго Матѳей, — любопытно сравнить въ этомъ отношеніи его мысли съ мыслями Милича. По словамъ Матѳея, антихристъ не будетъ ни жидъ, ни язычникъ, ни сарацинъ, ни мірской тираннъ, преслѣдующій христіанство; все это было уже и прежде, и не можетъ обмануть никого болѣе. Онъ не нападетъ съ проповѣдью своею на церковь такъ явно, какъ Магометъ при распространеніи своего ученія. Онъ не составитъ себѣ особенной секты и не будетъ имѣть ни апостоловъ, ни учениковъ своихъ. Сатана придумаетъ новыя средства для борьбы съ христіанствомъ. Антихристъ явится человѣкомъ, по наружности проникнутымъ христіанскою истиною и нравственностью. Онъ займетъ самое высшее достоинство въ церкви, ему покорятся духовные и міряне, его признаютъ богатѣйшія и ученѣйшія корпораціи, онъ будетъ окруженъ почестями и богатствомъ, въ его рукахъ будутъ самые дары Христа, св. писаніе и Таинства и вся надежда религіи. Онъ будетъ злоупотреблять всѣмъ этимъ для удовлетворенія своихъ злыхъ похотей и желаній, все духовное и святое превратитъ онъ въ плотское и грѣховное, и то, что служило прежде на спасеніе христіанскаго народа, употребитъ онъ на то, чтобы отвести церковь отъ истины и силы Христа. Его органы выступятъ именемъ Христа; они выдадутъ себя сами за его служителей; онъ ослѣпитъ глаза плотскихъ людей, они повѣрятъ его баснямъ и будутъ убѣждены, что идутъ по истинному пути: преслѣдуя вѣрныхъ Христа и Его церковь, они будутъ думать, что преслѣдуютъ антихриста. Съ ними случится то-же, что съ жидами и язычниками, позорившими Христа названіемъ искусителя, убивавшими его апостоловъ и думавшихъ тѣмъ услужить Богу. Еще отъ сотворенія міра, сатана былъ лжецомъ и убійцею, но сдѣлался онъ убійцею Христа и антихристомъ, только

со времени основанія христіанской церкви. До появленія Христа, сатана не нуждался въ большихъ ухищреніяхъ для поддержанія господства своего надъ людьми. „Ибо сатана покорилъ уже себѣ весь родъ человѣческій и, сильно вооруженный, охранялъ онъ свой дворъ; онъ владѣлъ всѣмъ въ мірѣ и не нуждался въ большихъ трудахъ и обманахъ. Другое дѣло, когда явился Христосъ, когда семь даровъ Духа Св. были излиты на человѣка и когда все видимое и невидимое должно было служить къ его спасенію. Сатана, обезоруженный и побѣжденный такимъ образомъ Христомъ, собралъ вокругъ себя всѣхъ злѣйшихъ духовъ и воспользовался ихъ ухищреніемъ и коварствомъ, чтобы бороться и обмануть святыхъ Божіихъ. И не одни діаволы служатъ его цѣлямъ; онъ привлекъ къ себѣ и недостойныхъ монаховъ, плотскихъ духовныхъ, и мудрецовъ міра сего, и великихъ учителей: это его дѣйствительнѣйшія и сильнѣйшія орудія. Попущеніемъ Божіимъ, ему даже дарована власть творить чудеса и завлекать тѣмъ людей, обреченныхъ на гибель. Какъ объяснить себѣ иначе то, что теперешніе лицемѣры не обращаютъ вниманія ни на чьи добродѣтели и ученіе и требуютъ прежде всего чудесъ. Уже давно прекратились истинныя и святыя чудеса. Въ тяжкія времена испытанія антихристова, вѣра лишена этой послѣдней опоры, и будутъ существовать только чудеса ложныя, для ея искушенія. Умерщвленіе антихриста, побѣда надъ нимъ Христа, совершится не вдругъ, а постепенно. Какъ сатана цѣлые вѣка продолжалъ соблазнять народъ Христовъ и подъ личиною добра уничтожалъ въ немъ добрые порядки и обычаи и вводилъ свои заблужденія, такъ-же точно и Господь І. Христосъ будетъ мало-по-малу проявлять свою славу передъ послѣднимъ судомъ, въ своихъ ученикахъ и пророкахъ. Духовное откровеніе Христа въ этихъ своихъ органахъ, духовное истребленіе антихриста этими послѣдними и новое просвѣщеніе церк-

ви подготовятъ послѣднее дѣйствительное пришествіе Іисуса Христа и будутъ предшествовать ему. Всѣ пророчества Апокалипсиса объ этой побѣдѣ Христа Матѳей понималъ, подобно Миличу, совершенно духовно. Въ ангелахъ, долженствующихъ возвѣстить кончину міра, онъ видѣлъ ниспосланіе истинно божественныхъ вѣстниковъ, восторженныхъ проповѣдниковъ Евангелія, которые произведутъ нравственное очищеніе между извращенными народами и отвратятъ простодушныхъ отъ хищныхъ волковъ, выдающихъ себя за служителей слова Божія. Также духовно понимаетъ онъ слова, что Христосъ умертвитъ своимъ дыханіемъ антихриста. Это значитъ, говоритъ онъ, что Христосъ одушевитъ Своимъ Духомъ избранныхъ пророковъ и проповѣдниковъ, наполнитъ ихъ духомъ Иліи и Эноха, духомъ ревности и невинности, духомъ пламеннаго огня и покаянія, духомъ неутомимой дѣятельности и благодати, и пошлетъ еще разъ своихъ ангеловъ во всѣ концы вселенной, дабы всѣ соблазны исчезли изъ Его царства, дабы духъ Іисуса Христа дѣйствовалъ чрезъ нихъ самымъ внутреннимъ образомъ и дабы вновь ожила мертвая вѣра многихъ, на обширномъ полѣ церкви, и облеклись опять кости плотью и кровью и возстали къ новой жизни во имя Христа Сына Божія". Говоря о знакахъ своего времени, онъ выражается такъ: „Какъ Іоаннъ Креститель указывалъ на Христа, такъ эти знаменія указываютъ намъ на пришедшаго уже антихриста; они указываютъ на него и будутъ еще болѣе указывать; они открыли его и откроютъ еще болѣе, до тѣхъ поръ, пока Господь ни умертвитъ его дыханіемъ устъ Своихъ, и Онъ истребитъ его блескомъ Своего новаго откровенія и сатана будетъ раздробленъ подъ Его ногами. Друзья же Христа, соимъ проповѣдниковъ Его имени, убьютъ его любовью и мудростію, исходящею отъ Бога, и разграбятъ его сокровища". „Все Св. Писаніе, говоритъ Матѳей

изъ Янова, возвѣщаетъ, что церковь Христова будетъ преобразована, обновлена и расширена еще передъ концемъ міра и будетъ возвращена къ своему первобытному достоинству и въ старости ея плодородіе будетъ еще умножено". Мы думаемъ, что приведенныя мѣста достаточно уясняютъ взгляды Матѳея на апокалипсическіе образы и пророчества, такъ волновавшіе умы его современниковъ. Страшное нравственное состояніе тогдашняго міра было источникомъ и причиною подобныхъ фантастическихъ ожиданій и опасеній. Римская церковь долго держала въ какомъ-то обаяніи умы западно-европейскихъ народовъ, но ея первоначальные принципы падали мало-по-малу, и весь внѣшній блескъ и величіе не могли скрыть, отъ глазъ народовъ, отвратительнаго зрѣлища разлагающейся, гніющей іерархіи. Цѣлые вѣка жили массы почти исключительно религіознымъ интересомъ; каково имъ было видѣть теперь этотъ интересъ поруганнымъ, втоптаннымъ въ грязь, въ лицѣ его главнѣйшихъ представителей. Гдѣ могла найдти себѣ тогда утѣшеніе истинно набожная религіозная душа? Престолъ св. Петра, пользовавшійся такимъ авторитетомъ, такимъ безусловнымъ уваженіемъ вѣрующихъ, былъ теперь опозоренъ, оскверненъ раскольниками и злодѣями. Изъ прибѣжища слабыхъ и невинныхъ, какимъ онъ слылъ, по крайней мѣрѣ, въ общеественномъ мнѣніи, онъ сдѣлался теперь вертепомъ кровопійцъ и тиранновъ. Народъ давно уже отказался отъ своей прежней поговорки, утверждавшей, что хорошо жить подъ папскимъ жезломъ; среди своихъ епископовъ и прелатовъ, онъ видѣлъ теперь гнуснѣйшихъ деспотовъ и утѣснителей. И чисто личное, внутреннее, религіозное чувство нигдѣ не находило себѣ тогда удовлетворенія. Въ монастыряхъ и духовныхъ орденахъ оно встрѣчалось съ дикимъ разгуломъ и безнравственностью, въ свѣтѣ оно подвергалось преслѣдованію ненависти монаховъ и священниковъ.

Но не одинъ церковный разладъ и упадокъ смущали и пугали тогдашнее поколѣніе; не менѣе страдало оно и подъ сокрушительнымъ бичемъ политическаго безправія и дикой междоусобной войны; неслыханныя физическія бѣдствія, страшный голодъ и повальныя болѣзни дѣлали бѣдствіе еще болѣе невыносимымъ. Подобныя обстоятельства нерѣдко повторялись въ средніе вѣка, и каждый разъ они возбуждали въ массахъ то-же болѣзненное, фантастическое предчувствіе и ожиданіе близкаго конца вселенной. Вторая половина XIV в., казалось, превзошла своими ужасами все предшествовавшее; съ физическимъ и матеріальнымъ зломъ она соединила еще страшную болѣзнь разлагающейся общественной нравственности, порчу и упадокъ церкви и религіи. Но тогда, какъ большинство людей слабыхъ предавалось глухому отчаянію или страшному ожиданію, немногіе сильные умы открывали, въ безпорядочномъ броженіи, зародыши живаго, органическаго развитія и съ восторгомъ привѣтствовали новое время.

Среди чешскаго народа, самою судьбою опредѣленнаго къ развитію духовной, умственной жизни, зародился впервые этотъ духъ бодрости и надежды. Изъ Чехіи пронеслись надъ Европою слова спасенія и жизни, отсюда указаны были, западному человѣчеству, какъ цѣль, такъ и средства движенія. Миличъ и Матѳей изъ Янова были первыми представителями новаго евангельскаго свѣта и свободы. Восторженный взоръ ихъ проникалъ тайны будущаго и, среди общаго разложенія и упадка, одни они не теряли надежды и увѣренности. Свои пророчества и надежды они выражали въ привычныхъ формахъ и образахъ своего времени, но въ этихъ старыхъ формахъ и знакомыхъ образахъ у нихъ скрывалось новое могучее содержаніе. Этимъ фантастическимъ образамъ они придавали нравственное, духовное значеніе и лишали ихъ подавляющей, уничтожающей человѣка,

силы. Антихристъ и сатана суть для нихъ лишь олицетвореніе всего нравственнаго зла, и они ищутъ ихъ не въ аду, не въ темномъ будущемъ, а среди извращеннаго современнаго общества, въ отвратительной дѣйствительности римской іерархіи. Они предсказываютъ, правда, близкую кончину міра, но ожидаютъ и увѣрены въ то-же время, что этой послѣдней катастрофѣ будетъ предшествовать полное преобразованіе церкви и общества, возрожденіе христіанской идеи и жизни, и такихъ результатовъ ждутъ они не отъ сверхъестественныхъ силъ и явленій, а отъ энергическихъ усилій новаго человѣчества, воодушевляемаго энтузіазмомъ и надеждою свыше. Въ сочиненіяхъ Матѳея изъ Янова лежатъ, какъ-бы въ зародышѣ, всѣ будущія направленія чешскаго реформаціоннаго движенія. Его заслуга какъ теоретика велика. Въ своихъ трудахъ онъ собралъ и привелъ въ сознаніе всѣ предшествовавшіе опыты и результаты, добытыя народомъ чешскимъ. На немъ отразилось вліяніе возродившейся недавно въ странѣ внутренней религіозной жизни. Въ немъ выразилась вполнѣ чистота и искренность религіознаго сознанія и чувства, столь свойственная славянской натурѣ вообще. Не будучи тонкимъ діалектикомъ и философомъ, онъ тѣмъ неменѣе вѣрно понялъ и указалъ самую сущность христіанской религіи. Подкопавъ въ самомъ основаніи римско-іерархическое начало въ христіанствѣ, онъ провозгласилъ торжество начала личнаго. Своимъ возвращеніемъ къ основѣ восточной церкви, особливо въ ученіи о причащеніи, онъ крѣпко связалъ дѣло реформы съ дѣломъ народности. Въ принципѣ никто изъ чешскихъ реформаторовъ не могъ пойдти далѣе его, и лишь развитіе подробностей и практическое осуществленіе цѣлаго предоставилъ онъ своимъ послѣдователямъ. Ему обязанъ былъ Гуссъ болѣе, нежели кому-либо другому, успѣхомъ, и какъ теоретикъ онъ стоитъ далеко ниже. На его ученіи утвердили Яку-

бекъ изъ Стрибра и чашники свой догматъ о причащеніи, изъ него извлекли таборити зародыши своего ученія, въ его системѣ коренились и многія другія секты. Громадный теоретическій умъ рѣдко бываетъ соединенъ съ геройскою силою воли, съ практическою смѣлостью и умѣньемъ. Матѳей изъ Янова не принадлежалъ къ числу людей, способныхъ не только отстоять свои убѣжденія, но и провести ихъ въ жизнь. Вѣрно понялъ онъ направленіе и цѣль чешскаго движенія, по крайней мѣрѣ съ религіозной стороны, и, раскрывъ предъ глазами націи пройденный ею путь и добытые уже результаты, осмыслилъ и облегчилъ такимъ образомъ дальнѣйшее развитіе. Но когда дѣло дошло до борьбы, до рѣшительнаго столкновенія съ партіею старины; тогда смѣлый теоретикъ не только не могъ заинтересовать народъ въ свою пользу, но и принужденъ былъ къ позорному отступленію.

Въ Чехіи давно уже начали выходить наружу противоположности какъ народной и нѣмецкой партіи, такъ старо-католической и партіи нововводителей. Борьба начинала уже вспыхивать и на религіозномъ поприщѣ. Слѣды начинавшагося ожесточенія сохранились въ сочиненіяхъ самого Матѳея изъ Янова. Говоря объ ухищреніяхъ приверженцевъ антихриста, онъ безъ сомнѣнія подразумѣваетъ подъ ними продѣлки католической партіи. „Эти люди, говоритъ онъ, давно уже угнетаютъ апостоловъ, мудрецовъ и пророковъ Христа, преслѣдуютъ ихъ всѣми способами и дерзко клеймятъ служителей Бога именами лицемѣровъ, еретиковъ и антихристовъ“. Изъ другаго мѣста мы заключаемъ, какъ слабо и незначительно было еще тогда число приверженцевъ новаго направленія и какимъ сильнымъ преслѣдованіямъ подвергались они со стороны противной партіи. „Многіе и сильные органы антихриста (Membra fortia et multa antichristi) вытѣсняютъ немногихъ и слабыхъ членовъ Христа изъ городовъ и изъ хра-

мовъ*. Сколько можно понять, въ этихъ словахъ идетъ рѣчь о преслѣдованіи отдѣльныхъ личностей, не пощадившихъ, какъ мы видѣли, и вождей новаго направленія, напр. Милича. Вскорѣ однако-же католическая партія обратилась къ мѣрамъ, имѣвшимъ болѣе общій характеръ и поражавшимъ не столько самыхъ нововводителей, сколько ихъ ученія и мнѣнія. Зная, откуда грозитъ ей наибольшая опасность, она направила свой ударъ именно противъ того пункта, въ которомъ реформаторы встрѣчали наибольшее сочувствіе массъ. На провинціальномъ соборѣ въ Прагѣ, 13 октября 1388 г., запрещено было чешскому духовенству причащать мірянъ болѣе разу въ мѣсяцъ. Рѣшеніе это прошло, не смотря на сопротивленіе приверженцевъ новаго направленія, и, разумѣется, придало не мало смѣлости старой партіи. Теперь она положила направить свои усилія противъ главнаго вождя и защитника нововведеній Матѳея изъ Янова. На соборѣ 1389 г., его обвинили въ неуваженіи къ иконамъ и мощамъ святыхъ, въ несоблюденіи соборныхъ постановленій касательно таинства причащенія. Что касается перваго пункта, то нѣтъ положительнаго основанія утверждать, чтобы Матѳей совершенно отвергалъ молитвы и заступничество святыхъ, или проповѣдывалъ неуваженіе къ иконамъ и мощамъ святыхъ. Но, безъ всякаго сомнѣнія, онъ возставалъ противъ той формы, противъ того размѣра, которые даны были этимъ догматамъ въ тогдашнее время. Его понятія о христіанствѣ, понятія чисто внутреннія, духовныя, не могли, разумѣется, сойдтись съ католическими сказаніями о святыхъ, съ чисто внѣшнимъ, почти идолопоклонническимъ почитаніемъ предметовъ, сдѣланныхъ руками человѣческими. Съ этой-же точки зрѣнія смотрѣлъ онъ и на безчисленныя чудеса, совершавшіяся тогда повсюду при мощахъ и иконахъ святыхъ; онъ считалъ ихъ скорѣе ухищ-

реніями сатаны и антихриста, нежели истинными дѣлами могущества Божьяго. Взглядъ его на иконопочитаніе лучше всего выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Хотя святая церковь допускаетъ иконы и изображенія и учитъ чтить ихъ, однако-же она никогда не учила поклоняться и молиться имъ. Не смотря на то, есть въ настоящее время не мало великихъ и знаменитыхъ мужей, утверждающихъ, что подобныя вещи полезны простымъ людямъ, и что въ нихъ необходимо набожно вѣрить, ибо онѣ суть отъ Бога. И такъ, по ихъ увѣренію, Богъ отвратился, отъ своихъ святыхъ и избранныхъ, къ каменнымъ статуямъ, перестадъ творить чудеса Своимъ именемъ и Своимъ словомъ и дѣйствуетъ лишь черезъ дерево и камень. Или можетъ быть святый и вѣрный Богъ хочетъ проявить свою силу и этими статуями и другими безжизненными предметами. Или хочетъ распространить такимъ образомъ въ своемъ христіанскомъ народѣ поклоненіе истуканамъ, какъ у язычниковъ. Но какъ-бы-то-ни-было, а только многія коллегіи и сонмы людей, зовущихъ себя магистрами и мудрецами, предписали на соборѣ, выдавая это за повелѣніе Бога, поклоняться деревяннымъ, каменнымъ и серебрянныхъ истуканамъ, вопреки заповѣди евангелія и ветхаго завѣта“. Но доктора, магистры и духовные не ограничились однимъ этимъ общимъ постановленіемъ; они принудили и представителей противной стороны отказаться торжественно отъ своихъ мнѣній и признать справедливость соборнаго ученія. Смѣлость, не покидавшая Матоея въ его литературной дѣятельности, оставила его тутъ: вмѣсто того, чтобы защищать свое убѣжденіе, онъ безпрекословно подписалъ формулу отреченія. Формула эта начиналась слѣдующими словами: „Noverint omnes fideles, quod ego M. Mathias praedicavi aliqua non tam recte, caute et prudenter, sicut debitum fuisset et aptum, per quae et fui et esse

potui aliquibus causa et occasio erroris et scandalis. Quare ad tollendum istud, et ne virus lateat, atque ut fideles sciant, quæ in his credere debent et tenere dico *primo quod imagines Christi et sanctorum non dant causam et occasionem idolatriae..* и т. д. Хотя эта формула и не заключаетъ въ себѣ прямаго обвиненія или указанія на ересь, распространяемую Матѳеемъ; но тѣмъ не менѣе изъ словъ ея ясно полное торжество его противниковъ и его собственное униженіе. Мы не будемъ упрекать знаменитаго ученаго и реформатора за это отреченіе; но какъ-бы-то ни было, а оно не мало затемняетъ его славу, и, въ сравненіи съ нимъ, тѣмъ величавѣе возстаетъ передъ нами свѣтлый образъ Яна Гусса, безсмертнаго учителя и вождя чешской народной партіи, правда менѣе искуснаго и смѣлаго теоретика, но за-то великаго борца за свободу человѣческой мысли, безтрепетно смотрѣвшаго въ глаза смерти и скорѣе искавшаго, нежели боявшагося вѣнца мученическаго.

Ходъ и развитіе чешскаго движенія уясняются намъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ наше изложеніе. До сихъ поръ мы слѣдили за постепеннымъ зарожденіемъ и развитіемъ какъ народной, такъ и церковной оппозиціи. Мы видѣли, что какъ для той, такъ и для другой, массы чешскаго народа были подготовлены цѣлыми вѣками историческаго процесса. Ненависть ко всему иноземному нѣмецкому, инстиктивное отвращеніе къ католицизму условливались въ нихъ любовью къ своему родному, неизгладимою преданностью къ гонимымъ идеямъ и формамъ восточной церкви. Мы видѣли, какъ послѣ многихъ частныхъ столкновеній, борьба должна была сосредоточиться, наконецъ, на спорѣ за преобладаніе въ университетѣ. Въ этой послѣдней борьбѣ мы замѣчаемъ нѣсколько ступеней развитія.

Въ первое время, когда не могло быть и рѣчи о существованіи народной партіи въ средѣ самаго университета, усилія передовыхъ людей націи были направлены къ тому, чтобы, помимо ученой корпораціи, стараться сообщить народу необходимое нравственное и научно-религіозное развитіе, вырвать науку изъ рукъ касты и сдѣлать ее орудіемъ общаго образованія. Такія стремленія, естественно, возбудили сильный отпоръ со стороны университета и подвергли немалымъ преслѣдованіямъ и нападкамъ благороднѣйшаго представителя народной популяризаціи науки, Ѳому Штитнаго. Тѣмъ не менѣе результаты подобнаго направленія были благодѣтельны. Вскорѣ въ средѣ самой ученой корпораціи появились люди, не только по имени, но и на дѣлѣ — чехи, люди, съ негодованіемъ смотрѣвшіе на преобладаніе нѣмцевъ въ университетѣ и на ихъ господство во всѣхъ почетныхъ и выгодныхъ должностяхъ. Благопріятствуемые внѣшними обстоятельствами, эти люди начали мало-по-малу заявлять права своего народа на матеріальныя и нравственныя выгоды университета и, съ теченіемъ времени, успѣли пріобрѣсти не мало успѣховъ. Но эти успѣхи народной партіи не могли быть прочны до тѣхъ поръ, пока она стремилась лишь къ формальному преобладанію, а не къ духовному господству въ университетѣ. Борьба ея съ нѣмцами не могла интересовать народа до дѣхъ поръ, пока цѣлью борьбы ни сдѣлалось освобожденіе націи отъ духовнаго ига иноземцевъ, ея религіозное и нравственное возрожденіе. Идеи, проложившія чешской народности путь къ господству въ университетѣ, зародились однако-же не въ самомъ университетѣ, а въ сторонѣ отъ него. Старанія пробудить въ народѣ дремлющую оппозицію католицизму и поднять этотъ народъ до того уровня, съ котораго была бы возможна такая оппозиція, вышли, по крайней мѣрѣ въ первое время, не отъ ученыхъ представителей уни-

верситета, а отъ простыхъ монаховъ и проповѣдниковъ. Мы уже видѣли дѣятельность Вальдгаузена и Милича и оцѣнили ея значеніе. Мы видѣли, что эти люди, въ своихъ стараніяхъ о нравственно-религіозномъ возрожденіи націи менѣе всего были опредѣляемы вліяніемъ университета; но результаты, добытые ими, должны были подѣйствовать благодѣтельно и на этотъ послѣдній. Община молодыхъ людей, сгруппировавшаяся вокругъ Милича и поставившая своею цѣлью религіозно-научное просвѣщеніе народа, должна была чрезвычайно усилить значеніе и вѣсъ народной партіи въ университетѣ и сообщить ей новый духъ. Еще замѣчательнѣе была, въ этомъ отношеніи, дѣятельность Матѳея изъ Янова. Вращаясь, преимущественно, на ученомъ литературномъ поприщѣ и будучи самъ членомъ университета, онъ необходимо долженъ былъ имѣть на него самое могущественное вліяніе. Его изслѣдованія о такихъ важныхъ религіозныхъ вопросахъ, какъ — о причинахъ упадка церкви, о различіи между духовными и мірянами, о вредѣ человѣческихъ постановленій для церкви Божіей, и преимущественно о догматѣ причащенія, безъ сомнѣнія, возбуждали самое живѣйшіе участіе, pro и contra, въ университетѣ. Источники упоминаютъ, что въ вопросѣ о причащеніи на сторонѣ Матѳея было не мало ученѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ людей и, между прочими, члены университета, какъ напримѣръ: Матѳей изъ Кракова, Альбрехтъ Енгельшалькъ, Іоаннъ фонъ-Беръ, Вячеславъ Роле и Іоаннъ Штекна. Можно предполагать, что какъ самая личность реформатора, такъ и свойство его ученія, сходившагося во многомъ съ мнѣніями и склонностями самого народа, должны были привлекать на его сторону скорѣе чешскую, нежели нѣмецкую партію. При существующихъ отношеніяхъ, нѣмцамъ, какъ господствующей сторонѣ въ университетѣ, никакъ не могла быть пріятна оппозиція католи-

цизму и папству. При тѣсной зависимости тогдашнихъ университетовъ отъ высшей духовной власти, подобныя стремленія могли повлечь за собою потерю всѣхъ правъ и привилегій, какъ и случилось это въ послѣдствіи. Для чеховъ не могло существовать подобныхъ опасеній и соображеній. Права и привилегіи не были имъ такъ дороги, какъ нѣмцамъ, потому что они мало пользовались ими. Перемѣны въ устройствѣ университета могли быть для нихъ только выгодны, а этихъ перемѣнъ можно было достигнуть путемъ чисто научной, или, что было равнозначуще, богословской оппозиціи. Чехи стали на сторонѣ религіозныхъ нововведеній, какъ потому, что они исходили изъ ихъ народа, такъ и потому, что, только преслѣдуя ихъ, они могли достигнуть права и торжества своей народности.

Въ своей религіозно-народной оппозиціи чешская партія въ университетѣ, если она хотѣла достигнуть какого-нибудь успѣха, должна была искать союза съ симпатіями и стремленіями самого народа. Съ другой стороны, и люди народа, старавшіеся поднять религіозно-нравственный уровень массъ, хорошо понимали, какъ важно для нихъ въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе университета, главнаго органа ученаго образованія въ странѣ. Ясно было, что въ предстоящей борьбѣ нація должна сосредоточить свои лучшія силы въ одномъ рѣшительномъ пунктѣ. Религіозно-нравственное возрожденіе массъ должно было доставить движенію энтузіазмъ и неистощимую силу; догматическая ученость университета должна была освятить и упрочить его законность своимъ авторитетомъ. Но, для достиженія подобныхъ результатовъ, обѣ стороны должны были отказаться отъ своей прежней исключительности и стремиться къ возможному сліянію, отожествленію своихъ интересовъ. Чешскіе патріоты конца XIV в. превосходно поняли это первое существеннѣйшее условіе торжества своего дѣла и посвѣшили

связать неразрывными узами новое религіозное направленіе, развившееся въ массахъ, съ національною оппозиціею университета.

Съ самаго начала характеръ дѣятельности чешскихъ реформаторовъ выражался по преимуществу въ проповѣди народу на родномъ языкѣ; въ живомъ, полномъ духа словѣ, видѣли они главнѣйшее орудіе христіанскаго пастыря. Содержаніе этого слова должно было быть по возможности практическое и нравственное: оно должно было уяснять народу истинное значеніе и сущность обязанностей христіанина, поражать, раскрывать предъ глазами свѣта пороки и злоупотребленія, какъ мірянъ, такъ и въ особенности духовенства. Вальдгаузенъ и Миличъ уже успѣли показать, какъ могущественно дѣйствуетъ подобное орудіе на возвышеніе и возбужденіе массъ. Благодаря ихъ дѣятельности, христіанская жизнь начала мало-по-малу возраждаться въ Чехіи; въ народѣ начало теряться слѣпое уваженіе къ пустому формализму и церемоніалу католицизма.

Чтобы вести далѣе начатое съ такимъ успѣхомъ дѣло, необходимо было придать этой проповѣди еще большую степень внутренняго содержанія и силы, расширить ее до сихъ поръ исключительное практическое поприще, ввести въ нее новый элементъ теоретико-догматическій оппозиціонный, съ такою ясностью выразившійся въ сочиненіяхъ Матѳея изъ Янова, и сблизить ее такимъ образомъ съ чисто ученымъ направленіемъ университета. Другими словами, дѣятельность народныхъ реформаторовъ должна была выйдти изъ своего изолированнаго положенія, проникнуть въ среду университета и, заимствовавъ отъ него ученую систематичность, дать ему въ-замѣнъ свѣжій жизненный духъ. Давно уже чешскіе патріоты стремились съ сознаніемъ и послѣдовательностью къ достиженію этой цѣли. Миличъ, а еще болѣе Матѳей изъ Янова, успѣли провести свое новое направленіе въ универ-

ситетъ и сгруппировать вокругъ себя немалое количество восторженныхъ, преданныхъ народному дѣлу учениковъ. Сначала силы новаго направленія далеко не могли равняться съ силами католическо-нѣмецкой партіи, но вскорѣ онѣ получили значительное подкрѣпленіе. Въ концѣ XIV вѣка, въ головѣ нѣсколькихъ чешскихъ патріотовъ зародилась мысль усилить народную сторону въ университетѣ основаніемъ учрежденій, подобныхъ прежнимъ коллегіямъ, учрежденій, долженствовавшихъ служить, съ одной стороны, поддержкою чешскимъ магистрамъ и студентамъ, съ другой—давать имъ возможность дѣйствовать на народъ въ духѣ новаго направленія. Часть перваго осуществленія этой мысли принадлежитъ безспорно чешскому рыцарю и дворянину Ганушу изъ Мюльгейма, одному изъ любимцевъ короля Вячеслава. Личность этого человѣка, мало извѣстнаго впрочемъ, останется на-вѣки памятною въ исторіи чешскаго народа. Ему обязана Чехія основаніемъ той виѳлеемской часовни, которой суждено было пріобрѣсти въ послѣдствіи такую извѣстность и сдѣлаться, хотя на время, исходною точкою и центромъ реформаціонныхъ стремленій времени. Что Мюльгеймъ дѣйствовалъ не въ-слѣдствіе личной набожности, бывшей причиною столь многихъ религіозныхъ учрежденій въ среднія вѣка, а съ полнымъ сознаніемъ великой цѣли и съ горячею любовью къ своему народу, это доказывается содержаніемъ учредительной записи, данной имъ 24 мая 1391 г. Въ предисловіи къ этому важному документу [1] онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ причину и цѣль своего учрежденія. Милосердный Господь оставилъ въ святомъ Своемъ словѣ нетлѣнную пищу всѣмъ вѣрующимъ въ Него. Устами св. отецъ, онъ установилъ, чтобы слово это не было стѣсняемо ни кѣмъ, чтобы про-

[1] *Tomek.* Déje University Pražské. T. I. 112 стр.

повѣдь его была важнѣйшею и существеннѣйшею частью христіанскаго богослуженія, ибо она полезнѣе всего святой церкви и ея членамъ. Святые отцы ветхаго и новаго завѣта, равно и Самъ Спаситель, показали это ясно, подвизаясь до самой смерти на поприщѣ проповѣди; Христосъ, возставъ изъ мертвыхъ и явившись Своимъ ученикамъ, первою обязанностью ихъ объявилъ проповѣдь Слова Божія. Въ пражскихъ городахъ, говорится далѣе, есть не мало св. храмовъ, устроенныхъ для службы Божіей, но всѣ они опредѣлены болѣе для совершенія другихъ богослужебныхъ обрядовъ, нежели для проповѣди. Проповѣдники же, и особенно чешскіе, принуждены отправлять свою обязанность по частнымъ домамъ и часовнямъ. Въ вознагражденіе этого недостатка, Мюльгеймъ и выстроилъ часовню святыхъ младенцевъ, или Виѳлеемъ. Къ ней опредѣлилъ онъ священника, единственною обязанностью котораго было проповѣдывать каждое воскресенье и каждый праздникъ народу на чешскомъ языкѣ, притомъ ему вмѣнялось въ обязанность не отвлекать прихожанъ отъ богослуженія въ другихъ церквахъ. Перваго проповѣдника въ виѳлеемской часовнѣ Мюльгеймъ назначилъ самъ, относительно же будущаго времени онъ поставилъ, чтобы при каждой вакансіи три старшіе магистра коллегіи Карла, и притомъ непремѣнно народа чешскаго, вмѣстѣ съ бургомистромъ стараго города Пражскаго, представляли ему, или его потомкамъ, трехъ кандидатовъ, которыхъ они считаютъ наиболѣе способными къ проповѣднической должности, и изъ нихъ уже онъ или его потомки могутъ выбирать любаго. Мюльгеймъ позаботился и о матеріальныхъ средствахъ для поддержки своего учрежденія. Съ согласія короля, онъ записалъ на часовню 30 копъ пражскихъ грошей ежегоднаго дохода; деньги эти, довольно значительныя по тогдашнему, онъ предполагалъ покрыть частью

собственными доходами, частью пожертвованіями другихъ лицъ, изъ нихъ 9 копъ назначалось на содержаніе самаго проповѣдника; на-случай будущаго повышенія доходовъ часовни, плата эта могла быть возвышена до 20 копъ. Болѣе этой суммы не могъ получать никто; самыя пожертвованія, приносимыя въ часовню, не должны быть отдаваемы проповѣднику, во избѣжаніе любостяжанія (pro wystrihani se lakomstwí), а складываемы въ особую кассу и употребляемыя частью на поправку и другія потребности часовни, частью-же на покупку книгъ, необходимыхъ для занятій проповѣдника. При дальнѣйшемъ увеличеніи доходовъ, по волѣ учредителя долженъ быть опредѣленъ въ часовнѣ еще другой проповѣдникъ, съ тѣмъ-же жалованьемъ въ 20 коп. На счетъ ея, кромѣ того, могло содержаться неопредѣленное число студентовъ богословія, чешской націи, и каждому изъ нихъ назначалось по 5 копъ; студенты эти должны были находиться подъ надзоромъ трехъ, упомянутыхъ нами выше, чешскихъ магистровъ. Новое учрежденіе Мюльгейма встрѣтило горячее сочувствіе въ груди другаго чешскаго патріота, пражскаго торговца — Крижа, или Крейца. Онъ не только подарилъ мѣсто подъ новую часовню, но и дѣйствительно опредѣлилъ къ ней втораго проповѣдника и устроилъ при ней на свой счетъ студентскую бурсу. Неменьшее сочувствіе проявилось какъ со стороны народа, такъ и со стороны правительства чешскаго, духовнаго и свѣтскаго. Богатыя пожертвованія текли въ часовню, король Вячеславъ IV принялъ ее подъ свое покровительство, архіепископъ пражскій, Янъ изъ Енштейна, самъ положилъ основной камень и провозгласилъ часовню дѣйствительною духовною бенефиціею; Вячеславъ, епископъ никопольскій, посвятилъ при ней кладбище, во имя св. апостола Матеея, и объявилъ сорокодневные отпуски (индульгенціи) всѣмъ посѣтителямъ часовни; бургомистръ

и совѣтъ стараго города пражскаго отпустили Крижу двѣ копы, которыя онъ долженъ былъ заплатить городу за переходъ мѣста изъ-подъ городской власти къ духовной, и освободили его на будущее время отъ платежа всѣхъ городскихъ повинностей[1]. Поддерживаемое такимъ единодушнымъ участіемъ, новое учрежденіе возрасло быстро и пріобрѣло себѣ большое значеніе и славу. Соединенное самыми тѣсными узами съ университетомъ, оно въ то-же время дѣйствовало благотворно на народъ. Въ числѣ проповѣдниковъ упоминается и магистръ Стефанъ изъ Колина, одинъ изъ передовыхъ людей въ университетѣ, горячій патріотъ и ревностный защитникъ интересовъ чешской націи. Подобныя явленія не оставались безъ величайшаго вліянія на развитіе религіозно-народнаго броженія въ Чехіи. Благодаря имъ, притекло, съ одной стороны, въ университетъ свободное практическое направленіе народной проповѣди, съ другой—сдѣлались доступными для народа чисто ученые богословскіе интересы университета.

Только этимъ взаимнодѣйствіемъ двухъ противоположныхъ элементовъ, только этою ассоціаціею народной силы и ученой мысли можетъ объясниться намъ то странное, на первый взглядъ, явленіе, которое представляется намъ въ отношеніи виклефитизма къ чешскому движенію. Въ этомъ вопросѣ мы придаемъ всего менѣе значенія личнымъ наклонностямъ Гусса и другихъ пражскихъ профессоровъ. Нельзя сказать съ точностью, кто первый принесъ въ Чехію сочиненія Виклефа, да и не слѣдуетъ придавать этому обстоятельству особеннаго значенія. Развитіе чешскаго движенія во всякомъ случаѣ должно быть при-

---

[1] Обо всемъ, касающемся до виѳлеемской часовни, смотри подробныя свѣдѣнія у *Томка,* въ его «исторіи университета пражскаго» отъ стр. 81, 113 до 119.

знано вполнѣ самостоятельнымъ. Тогда какъ явленіе Виклефа въ Англіи было чѣмъ-то единичнымъ, случайнымъ, въ Чехіи, напротивъ, движеніе носитъ на себѣ всѣ признаки истинно-органическаго развитія. Въ немъ нѣтъ ничего особенно выдающагося, рѣзкаго; каждая новая степень условливается прежними, и единичныя личности являются въ громадной цѣпи событій не больше, какъ орудіями Провидѣнія.

Вліяніе Виклефа и его системы являются въ чешскомъ движеніи не болѣе, какъ однимъ изъ многочисленныхъ моментовъ его, и притомъ моментомъ не главнымъ. Въ предыдущемъ развитіи заключалась уже вся сущность чешской религіозной реформы. Въ полнѣйшемъ теоретическомъ представителѣ ея, Матѳеѣ изъ Янова, мы не открываемъ ни малѣйшаго слѣда вліянія Виклефа. Обѣ реформаціонныя системы, англійская и чешская, рѣзко отличались одна отъ другой, какъ по духу, оживлявшему ихъ, такъ и по идеямъ, лежавшимъ въ ихъ основѣ. Исходными точками чешскаго движенія были—практически-христіанскій интересъ и историческое преданіе. Дѣятельность чешскихъ реформаторовъ началась съ нравственной реформы; могущественнѣйшими рычагами ея были—народное чувство и враждебныя Риму историческія преданія. Англійская реформа вышла изъ чисто спекулятивнаго теоретическаго духа, единичнаго представителя; въ основѣ ея лежалъ отвлеченный философскій принципъ, и всѣ ея результаты были послѣдовательными выводами изъ этого принципа. Такой чисто ученый характеръ ея дѣлалъ ее скорѣе принадлежностью университета и ученаго сословія, нежели народныхъ массъ. Это послѣднее обстоятельство лучше всего уясняетъ намъ и ея значеніе для чешскаго развитія. Если ученіе Виклефа осталось въ Англіи безъ большихъ послѣдствій для самого народа, то еще менѣе могло оно обнаружить вліянія на массы въ

Чехіи; но оно могло и должно было проникнуть въ пражскій университетъ и смѣшаться, идентифицироваться тамъ съ чешскимъ реформаціоннымъ направленіемъ, проникшимъ туда еще ранѣе.

Средневѣковые университеты находились между собою въ постоянной связи и сношеніяхъ; ученыя сочиненія и трактаты докторовъ и магистровъ одного часто объяснялись и читались членами другаго университета; странствующіе преподаватели, бродившіе подобно рыцарямъ съ мѣста на мѣсто и вездѣ показывавшіе свою схоластическую ученость и ловкость въ диспутахъ, студенты, рѣдко довольствовавшіеся образованіемъ какого-нибудь одного университета, усиливали и оживляли эту связь еще болѣе. Пражскій университетъ съ самаго своего основанія вступилъ въ подобныя отношенія къ старшимъ своимъ собратіямъ. Вниманіе пражскихъ магистровъ и ученыхъ, разумѣется, прежде всего обращалось на главнѣйшія свѣтила и центры тогдашней учености: Парижъ, Болонью и Оксфордъ. Съ Парижемъ сближало его въ особенности одинаковое устройство и учрежденія; съ Болоньею связь поддерживалась особливо корпораціею юристовъ, но едва-ли не самыя тѣсныя отношенія были у Праги съ Оксфордомъ. Оксфордскій университетъ, особливо со времени выступленія Виклефа, сдѣлался главнымъ центромъ ученофилософскаго направленія, извѣстнаго въ схоластикѣ подъ именемъ *реализма*. Реализмъ и номинализмъ, эти два полюса схоластической науки, въ буквальномъ смыслѣ слова раздѣляли весь тогдашній ученый міръ на два враждебныхъ лагеря. Приверженцы противоположныхъ системъ не только упрекали своихъ противниковъ въ научномъ заблужденіи, но даже и заподозрѣвали въ ереси. Парижъ съ конца XIV в. сталъ центромъ номиналистовъ; противоположное направленіе сосредоточивалось, по преимуществу, въ Оксфордѣ. Пражскій университетъ, съ самаго своего основа-

нія, колебался между обѣими партіями; по крайней мѣрѣ въ немъ были приверженцы того и другаго ученія. Къ номиналистамъ принадлежали по большей части всѣ нѣмцы, чехи же склонялись больше къ реализму. Подобное группированіе партій безъ сомнѣнія не было случайностью. Римская іерархія давно уже взяла подъ свое покровительство номиналистическій схоластицизмъ. Туманная неопредѣленность и сбивчивость этого ученія прекрасно служила ея цѣлямъ; съ помощью его безъ труда можно было объяснить и оправдать самые темные, сверхъестественные и наиболѣе доступные сбивчивымъ толкованіямъ, догматы. Правда, основной принципъ номиналистовъ, утверждавшій, что общія представленія, или идеи, суть не болѣе, какъ названія (nomina) вещей, могъ иногда вести къ опаснымъ для церкви заключеніямъ; но, съ другой стороны, съ помощью его возможно было и блистательное оправданіе, съ философской точки зрѣнія, даже католическаго догмата о пресуществленіи. Со второй половины XIV вѣка номинализмъ сдѣлался знаменемъ, если и не оффиціально признанныхъ, то по крайней мѣрѣ явно покровительствуемыхъ римскою церковью схоластиковъ. Мы уже видѣли, что самое положеніе, занимаемое нѣмцами въ пражскомъ университетѣ, дѣлало ихъ ярыми приверженцами іерархіи, а слѣдовательно и ученаго направленія, покровительствуемаго ею. Съ другой стороны, оппозиція чеховъ нѣмецкому вліянію въ университетѣ неизбѣжно должна была перейдти въ оппозицію философскому принципу противниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой ихъ іерархической тенденціи. Реалистическій принципъ самъ по себѣ не заключалъ еще оппозиціи враждебнаго, католицизму, начала, но, при послѣдовательномъ, хотя и отчасти одностороннемъ мышленіи, онъ могъ повести къ нему. На схоластическія формы средневѣковой философіи вообще слѣдуетъ

смотрѣть, какъ на ловкое орудіе, какъ на внѣшность, способную принять какое угодно содержаніе. Что и реализмъ могъ служить цѣлямъ іерархіи, доказательствомъ тому знаменитѣйшіе схоластики XI, XII и XIII в.; но что, при случаѣ, онъ могъ сдѣлаться и опаснымъ для нея орудіемъ, въ головѣ смѣлаго мыслителя, это доказало позднѣйшее его направленіе. Виклефъ, о вліяніи ученія котораго на пражскій университетъ идетъ у насъ теперь дѣло, былъ прежде всего философомъ и реалистомъ. Его богословія никакъ нельзя разсматривать отдѣльно отъ его философіи, такъ-какъ всѣ положенія первой, въ-сущности, вытекали изъ принциповъ второй.

Самъ Виклефъ съ жаромъ возставалъ противъ людей, утверждавшихъ различіе богословской истины отъ философской. Вѣрить въ особенное существованіе свѣта разума, не всегда согласнаго съ свѣтомъ вѣры, онъ считалъ безуміемъ (infatuatio). Всѣ его догматическія положенія вытекали прямо изъ его реалистическаго принципа. Какъ реалистъ, онъ утверждалъ полное согласіе истиннаго мышленія съ бытіемъ, основаннымъ Богомъ; человѣкъ, правда, можетъ думать многое, несоотвѣтствующее истинному бытію, но это мышленіе не есть истинное мышленіе, не есть дѣйствительное воспринятіе душою мыслей, а лишь воспринятіе знаковъ мысли, или словъ; надо строго отличать intelligere res отъ intelligere signa rerum, verba cogitare. Полное значеніе реалистическаго принципа уясняется, Виклефомъ, приложеніемъ его къ Богу. Здѣсь исчезаютъ всѣ видимыя противорѣчія, и философская истина является во всемъ блескѣ схоластическаго умствованія. Все заключается въ идеяхъ Творца, въ идеальномъ смыслѣ составляетъ единую сущность съ нимъ, отсюда возможно лишь то, что существуетъ или существовало когда-либо дѣйствительно. Человѣкъ можетъ представлять себѣ чудовищныя вещи, несоотвѣтствующія идеямъ

въ Богѣ; но Богъ не можетъ познать ничего, что не есть уже само Богъ, что не преобразовано напередъ, извѣстнымъ образомъ, по идеѣ въ немъ самомъ. Идея, по своей сущности, есть сама Богъ; по формѣ, она есть способъ, коимъ познаетъ Богъ тварей. Въ связи съ этимъ ученіемъ объ идеяхъ находится и положеніе, что все возможное — дѣйствительно. Въ Богѣ нѣтъ различія между желаніемъ и дѣйствіемъ, по этому Его всемогущество относится лишь къ тому, что дѣйствительно случается. И какъ Богъ внутри Самого себя не можетъ произвести ничего, кромѣ того, что Онъ дѣйствительно производитъ, такъ и во внѣшнемъ мірѣ Онъ можетъ создать лишь то, что дѣйствительно создаетъ въ свое время.

Такова была сущность чисто философской части ученія Виклефа. Подобныя идеи, взятыя въ своемъ абстрактномъ значеніи, не могли еще заключать въ себѣ ничего прямо противнаго господствующей догмѣ, еретическаго, по тогдашнему выраженію. Безъ сомнѣнія, онѣ были встрѣчены съ восторгомъ всѣми, раздѣлявшими реалистическое направленіе. Въ пражскомъ университетѣ всеобщее вниманіе было обращено на философскія идеи знаменитаго оксфордскаго ученаго. Какъ и слѣдовало ожидать, онѣ нашли себѣ наиболѣе энергическихъ защитниковъ между чехами, давнишними сторонниками реализма. Для объясненія проникновенія сочиненій Виклефа въ Чехію нѣтъ нужды, по моему мнѣнію, придавать особеннаго значенія случайнымъ обстоятельствамъ, въ родѣ женитьбы англійскаго короля Ричарда II на чешской принцессѣ Аннѣ, сестрѣ короля Вячеслава IV. Странно выводить отсюда ближайшее знакомство чеховъ съ оксфордскимъ университетомъ и его тогдашнимъ корифеемъ, Виклефомъ, когда мы знаемъ положительно, что между обоими университетами существовала уже и прежде тѣсная связь и постоянныя

сношенія. Если въ Прагѣ, съ самаго дня основанія университета, постоянно читались и объяснялись ученые трактаты знаменитѣйшихъ профессоровъ Оксфорда, то какъ-же можно допустить, чтобы сочиненія такого извѣстнаго ученаго, какъ Виклефъ, оставались тамъ неизвѣстными до тѣхъ поръ, пока случайныя обстоятельства ни занесли ихъ въ Чехію. Безъ сомнѣнія, замужство чешской принцессы въ Англіи не могло не усилить сношеній съ Англіей и еще болѣе сблизить умы, работавшіе на одномъ и томъ-же полѣ науки, но выводить отсюда первое знакомство чеховъ съ идеями англійскаго реформатора, заинтересовавшими весь тогдашній ученый европейскій міръ, значитъ, по моему мнѣнію, разсматривать съ слишкомъ внѣшней, случайной стороны самую внутреннюю часть исторіи, незамѣтное, но тѣмъ неменѣе могущественное воздѣйствіе нравственно-научныхъ идей. Можно не безъ основанія предполагать, что молва о Виклефѣ достигла Праги еще при его жизни, что странствующіе схоластики и студенты еще въ раннюю пору принесли сюда вѣсть о его ученіи и борьбѣ съ іерархіею, что его сочиненія распространены были тутъ еще за-долго до того времени, какъ началась за нихъ открытая распря въ университетѣ. Что нѣмецкіе магистры, заклятые номиналисты и приверженцы догмы, единодушно возстали противъ враждебныхъ имъ идей, и что ихъ противники, чехи-реалисты, явились ихъ сторонниками—понятно само собою. Но теперь спрашивается, что же привлекало, по преимуществу чеховъ, въ ученіи Виклефа, и на какой сторонѣ его идей сосредоточилось въ особенности ихъ вниманіе? Факты показываютъ намъ, что ихъ интересовала всего менѣе чисто догматическая часть его сочиненій, что спекулятивный, а за-тѣмъ практическій нравственный элементъ привлекалъ ихъ всего болѣе. Философская сторона была дорога для нихъ тѣмъ, что за-

ключала въ себѣ полнѣйшее оправданіе ихъ собственнаго реалистическаго ученія; въ смѣлыхъ нападкахъ на испорченность іерархіи, во имя нравственно-христіанскаго принципа, они точно также узнавали свои собственныя чешскія стремленія. И такъ, чехи ухватились именно за ту сторону ученія Виклефа, которая была наиболѣе близка и родственна имъ. Съ своимъ всегдашнимъ, вѣрнымъ инстинктомъ, они узнали и усвоили себѣ въ чужомъ лишь то, что было годно для ихъ цѣлей и органически примыкало къ ихъ собственному развитію. Приведемъ, въ доказательство приведеннаго мнѣнія, подлинныя слова вождя и представителя чешской реформаціонной партіи — Гусса, считавшагося долго исключительнымъ послѣдователемъ Виклефа. „Меня влечетъ къ нему, говоритъ онъ, та слава, которою онъ пользуется у всѣхъ добрыхъ духовныхъ, въ университетѣ оксфордскомъ и у народа вообще, а не у злыхъ, корыстолюбивыхъ, пышныхъ и развратныхъ прелатовъ. Меня привлекаютъ его сочиненія, въ которыхъ онъ всѣми силами старается обратить всѣхъ людей къ закону Христову, и побуждаетъ духовныхъ отказаться отъ величія и господства міра сего и жить съ апостолами жизнью Христа. Меня влечетъ къ нему та любовь, которую онъ имѣлъ къ закону Христа, истину котораго утверждая, онъ говорилъ, что этотъ законъ не можетъ быть ложнымъ ни въ малѣйшемъ словѣ. (Replica contra Joannem Stokes, сочиненіе *Гусса* T. I, in-folio, 109 c. Movet me scripta sua, quibus nititur toto conamine, omnes homines ad legem Christi reducere, et clerum praecipue, ut dimittendo saeculi pompa, dominationem vivat cum apostolis vitam Christi. Movet me affectus suus ad Christi legem habuit, asserens de veritate ejus, quae non potest in uno jota vel apice fallere). Въ доказательство онъ приводитъ въ особенности книгу Виклефа объ истинѣ св. писанія, въ которой онъ ста-

рался оправдать законъ Христа, во всемъ его объемѣ. Далѣе онъ ссылается на то, что многія сочиненія Виклефа—чисто философскаго содержанія, вовсе не касающіяся догматовъ вѣры, и которыя, слѣдовательно, можно читать безъ всякой опасности для души. Отсюда ясно, какого рода было отношеніе Гусса, а слѣдовательно и всей реформаціонной чешской партіи, къ ученію Виклефа. Принимая къ сердцу практически-нравственную часть его ученія, раздѣляя вполнѣ и его взглядъ на іерархію римской церкви, признавая справедливость его философскихъ принциповъ и логическую правильность его выводовъ, они однакоже далеки были отъ того, чтобы безусловно принимать всѣ его догматическія мнѣнія. Мы сей часъ увидимъ, какъ далеки и чужды были многія изъ этихъ мнѣній самостоятельному оригинальному направленію, принятому чешскимъ движеніемъ, съ самаго начала.

Чехи знали очень хорошо, что значительная часть богословскихъ мнѣній Виклефа осуждена авторитетомъ церкви и признана еретическою; но они знали также, какъ односторонне и пристрастно извлечены были эти мнѣнія англійскими инквизиторами изъ сочиненій знаменитаго ученаго. Раздѣляя вполнѣ ожесточеніе Виклефа противъ іерархіи, они утѣшали себя мыслію, что и догматическая часть ученія уважаемаго учителя навѣрно не такъ ошибочна, какъ увѣряли заклятые враги реформы; что одни изъ положеній, осужденныхъ англійскимъ соборомъ, вовсе не принадлежатъ Виклефу, а другимъ, вырваннымъ произвольно изъ связи цѣлаго, приданы ложный смыслъ и значеніе. Напротивъ, нѣмцы, ненавидя прежде всего Виклефа, какъ реалиста, съ жаромъ хватались за осужденныя церковью положенія, стремясь прикрыть авторитетомъ Рима свою схоластическую вражду и національное отвращеніе къ противникамъ. Борьба, подготовлявшаяся такимъ образомъ, должна была превзойти своимъ ожесточеніемъ

все предидущее, такъ-какъ въ ней дѣйствовали самые сильные мотивы — національная вражда, ученая и догматическая противоположность. Но борьба вспыхнула не вдругъ; искра долго таилась подъ пепломъ, долго все дѣло ограничивалось чисто учеными диспутами и спорами. До открытаго столкновенія дѣло дошло бы, по всей вѣроятности, не скоро, если-бъ оно оставалось лишь въ стѣнахъ университета и удержало свой чисто ученый, теоретическій характеръ. Но обѣ стороны скоро сами придали дѣлу болѣе широкіе размѣры, вывели его изъ тѣсныхъ рамокъ философско-догматическаго диспута и придали ему чисто жизненный, практическій характеръ. Съ одной стороны, чешскіе магистры постарались заинтересовать въ свою пользу народныя массы, съ другой—нѣмцы не замедлили обратить вниманіе духовныхъ начальствъ на грозящую имъ опасность. Открытіе виѳлеемской часовни и другихъ подобныхъ учрежденій давно уже связало національную партію въ университетѣ съ живою народною средою, проложило путь смѣлому слову ученаго представителя реформы въ массу, подготовленную уже, съ другой стороны, къ движенію. Гуссъ и подобные ему люди прежде всего отбросили отъ себя ученый педантизмъ и чванство, и стали смотрѣть на науку какъ на общее достояніе всего человѣчества. Презирая безплодныя хитросплетенія и механическую дрессировку ума, они заговорили живымъ языкомъ и сдѣлали народъ участникомъ своихъ богословско-научныхъ стремленій. Проповѣдническая каѳедра въ виѳлеемской часовнѣ обратилась въ трибуну чисто-народнаго реформатора. Вмѣсто узкой морали и нелѣпыхъ легендъ, бывшихъ главною темою тогдашняго духовнаго, по преимуществу монашескаго краснорѣчія, пражане услышали съ нея смѣлый, правдивый голосъ, взывавшій народъ къ новой истинной нравственной жизни, безпощадно громившій пороки и развратъ всѣхъ сословій, и без-

боязненно раскрывавшій коварныя ухищренія католической іерархіи и тѣсно соединенныхъ съ нею враговъ чешской народности. Понятно, въ какомъ видѣ должно было представляться все спорное дѣло Виклефа, въ устахъ подобнаго оратора и предъ такою публикою. Немного труда стоило ученому магистру разсѣять въ глазахъ своихъ слушателей всякое подозрѣніе на-счетъ правовѣрности сочиненій Виклефа, показать истинный источникъ вражды и обвиненій нѣмецкихъ профессоровъ и привлечь на свою сторону сердца народа. Массы, всего менѣе способныя къ пониманію тонкостей христіанско-схоластической догматики, на-слово вѣрили своему проповѣднику, говорившему, что національная нетерпимость и ученый педантизмъ были единственными мотивами ожесточенія нѣмцевъ, и что съ вопросомъ о Виклефѣ связана не столько защита истинно-католической вѣры, сколько несправедливое нападеніе на права чешской народности въ университетѣ. Но если чешская партія, въ лицѣ Яна Гусса, завлекала такимъ образомъ на свою сторону народъ, то и нѣмцы не оставались праздными. Понимая невозможность дѣйствовать прямо черезъ университетское начальство, они обратились къ церковному авторитету. Пражская соборная капитула, представлявшая тогда собою (1403 г.), по случаю вакансіи пражской архіепископской каѳедры, высшій іерархическій авторитетъ, съ жаромъ взялась за дѣло Виклефа. Два ея члена — *Янъ Кбель*, архіепископскій офиціалъ, и Вячеславъ, архидіаконъ бехинскій, потребовали ея именемъ, отъ ректора университета, всеобщаго собранія магистровъ для обсужденія спорныхъ положеній Виклефа. Нѣмецкій ректоръ, магистръ Гарасеръ, поспѣшилъ исполнить столь пріятное ему требованіе капитулы. Въ полномъ университетскомъ собраніи, 3 мая 1403 года, прочтены были прежде всего 24 старыхъ положенія Виклефа, осужденныхъ уже на лондонскомъ соборѣ, въ-слѣдъ за тѣмъ пред-

ложены были еще 11 новыхъ положеній, извлеченныхъ и представленныхъ капитулѣ магистромъ Яномъ Гюбнеромъ, членомъ университета пражскаго, родомъ изъ Силезіи. Бросимъ бѣглый взглядъ на содержаніе положеній; оно уяснитъ намъ какъ значеніе самаго спора, такъ и положеніе, занятое четскою реформаціонною партіею, по отношенію къ Виклефу [1]. Первыя три положенія касались таинства причащенія. Какъ ни произвольно выбраны они были изъ сочиненій Виклефа, но тѣмъ не менѣе въ-сущности они принадлежали ему и вытекали прямо изъ его реалистическаго взгляда. Утверждая, что матеріальный составъ хлѣба остается въ святыхъ тайнахъ и послѣ поевященія, а что Христосъ не присутствуетъ въ нихъ тѣлесно, Виклефъ, очевидно, хотѣлъ быть лишь послѣдовательнымъ въ проведеніи своего философскаго принципа. Въ связи съ положеніемъ находилось другое, отвергавшее евангельское установленіе мессы, и третье, объявлявшее излишнею внѣшнюю исповѣдь и требовавшее единственно внутренняго покаянія грѣшника. Слѣдующія за симъ положенія касались власти и силы, даруемой священнику его саномъ (при совершеніи литургіи). Въ нихъ заключался знаменитый принципъ Виклефа, наносившій смертельный ударъ самому основанію іерархіи. Утверждая, что епископъ, находящійся въ смертномъ грѣхѣ, неспособенъ къ совершенію таинства священства, Виклефъ тѣмъ самымъ объявлялъ несостоятельность іерархическаго принципа и устройства вообще. Столь-же революціоннаго свойства была и другая часть

[1] Эти положенія напечатаны въ извлеченіи у *Томка*, на стр. 135 до 137. Подробный же протоколъ находится въ старинной хроникѣ университета пражскаго и въ сборникѣ актовъ констанцскаго собора *Фонъ-деръ-Гардта. Т. IV*, 652, въ Depositiones testium.

этого положенія, утверждавшая, что св. таинство, совершаемое священникомъ, зараженнымъ смертнымъ грѣхомъ, не имѣетъ никакой силы и значенія и ведетъ скорѣе къ осужденію и проклятію, нежели къ оправданію и спасенію. Естественнымъ выводомъ изъ всего этого было то, что подобный епископъ и священникъ перестаетъ вовсе быть духовнымъ лицомъ и теряетъ всѣ дары и заслуги, присвоиваемые священническому сану. Громадное значеніе подобныхъ идей раскроется намъ вполнѣ, если мы вспомнимъ, на какихъ началахъ развивалась католическая іерархія и каково было нравственное состояніе духовнаго сословія, въ разсматриваемое нами время. Ничто не могло такъ повредить учрежденію,—покоившемуся на чисто общихъ, идеальныхъ основахъ, имѣвшему въ виду прежде всего цѣлостную, строго организованную систему, разсматривавшему всѣхъ членовъ своей іерархической лѣстницы не какъ живыя самостоятельныя личности, а какъ органы, бездушныя звенья громадной цѣпи, и согласно съ тѣмъ требовавшему отъ нихъ лишь безусловнаго повиновенія высшему авторитету и служенія извѣстнымъ цѣлямъ, а въ прочемъ предоставлявшему имъ полный просторъ и не стѣснявшему строгими нравственными правилами и контролемъ, — ничто не могло такъ повредить подобному учрежденію, какъ это смѣлое выдвиженіе на первой планъ личныхъ достоинствъ каждаго духовнаго лица, какъ это требованіе отъ него чисто христіанской нравственности, прежде всего. Справедливо замѣчаютъ, что средніе вѣка характеризуются болѣе всего отсутствіемъ чисто индивидуальныхъ, самостоятельныхъ личностей, что въ нихъ мы видимъ лишь болѣе или менѣе совершенныхъ представителей цѣлыхъ группъ и системъ, общихъ идеальныхъ направленій. Новое время, повсюду ставившее на первый планъ личность, въ лицѣ Виклефа и чешскихъ реформаторовъ прорвало

разивъ искусственную систему іерархіи, возобновивъ истинно христіанскій принципъ личной нравственности, ищущей спасенія въ прямомъ отношеніи каждаго индивидуума къ божественному ходатаю, Христу. Столь-же разрушительны для іерархическаго начала были положенія относительно свѣтскаго имущества духовнаго сословія. Если въ предыдущихъ пунктахъ подкапывался самый принципъ католической церкви, то здѣсь наносился тяжелый ударъ матеріальной основѣ ея могущества и ея стремленій. Смѣлый еретикъ открыто подымалъ руки на несмѣтныя богатства церкви, скопленныя вѣками, и какъ-бы подавалъ сигналъ грабежа и расхищенія завистливымъ и жаднымъ свѣтскимъ властямъ. Принципъ свѣтскаго имущества и матеріальнаго владѣнія духовными объявлялся здѣсь прямо еретическимъ и противнымъ св. писанію; государи и свѣтскіе владѣльцы, надѣлявшіе имъ церковь, обвинялись въ причиненіи большаго вреда и въ дѣйствіи, по наущенію дьявола; въ заключеніе, эти-же свѣтскіе владѣльцы призывались къ конфискаціи церковныхъ имуществъ и даже самому простому народу предоставлялось право платить и не платить десятину священникамъ, смотря по обстоятельствамъ и по степени нравственности духовнаго лица. Еще съ большимъ ожесточеніемъ возставали положенія противъ монашескихъ орденовъ; ожесточеніе это было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ уродливѣе выражался въ этихъ учрежденіяхъ ненавистный реформаторамъ іерархическій принципъ католицизма, и чѣмъ сильнѣе сопротивленіе встрѣчали они въ этихъ фанатическихъ орудіяхъ римскаго произвола. Отдѣльныя положенія были направлены противъ власти и авторитета папы. Въ нихъ замѣтно обнаруживалась симпатія автора къ восточной церкви и грекамъ; онъ увѣщавалъ и своихъ земляковъ отложиться отъ папы и жить по примѣру послѣднихъ подъ особыми законами; называлъ римскую церковь школою сатаны

и говорилъ, что вовсе нѣтъ нужды для спасенія вѣрить, что Римъ вознесенъ надъ всѣми остальными церквями въ мірѣ. Въ особыхъ статьяхъ отрицалась всякая дѣйствительность папской клятвы и законность индульгенцій; присяга при свѣтскихъ судахъ объявлялась противною божеескому закону, а молитвы за отдѣльныхъ лицъ, молебны и панихиды — излишними. Одно изъ осужденныхъ положеній Виклефа направлено было противъ университетовъ и ихъ тогдашняго устройства. Противникъ іерархіи по принципу, Виклефъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не ограничивался порицаніемъ или отверженіемъ той или другой части ненавистной ему системы, всѣ ея формы и орудія были для него одинаково дурны и далеки отъ духа истиннаго христіанства. Въ университетахъ и ихъ тогдашней организаціи онъ открывалъ тотъ-же враждебный духъ истинному образованію и христіанству. Хитрый замыселъ іерархіи — заставить работать науку для посторонних ей цѣлей, сдѣлать ее простою слугою и орудіемъ своего мірового господства, не укрылся отъ его зоркаго взора. Желая вырвать науку и ея органы изъ этого постыднаго рабства, превратить университеты, изъ слѣпыхъ орудій омертвѣвшей системы, въ живыхъ и дѣятельныхъ проповѣдниковъ просвѣщенія и прогресса, онъ, съ свойственною ему рѣзкостью, возставалъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій противъ современнаго ему ихъ устройства, и, разбирая его, не находилъ и тѣни истинно-христіанскаго духа, и считалъ ихъ чисто языческими учрежденіями, ловко прикрытыми теократико-іерархическими формами. Вотъ этими-то нападками Виклефа и воспользовались его англійскіе и чешскіе обвинители. По своему обыкновенію, они выбрали изъ многочисленныхъ сочиненій реформатора наиболѣе рѣзкія тирады противъ университетовъ и старались выставить его противникомъ всякаго образованія и просвѣщенія. Всѣ разсмотрѣнныя нами по-

ложенія, заключавшія въ себѣ дѣйствительно собственныя мысли Виклефа, хотя часто искаженныя и поставленныя въ ложномъ свѣтѣ, казались однако все еще недостаточными ярымъ поборникамъ іерархіи, и они не задумались прибѣгнуть, для увеличенія числа обвиненій, къ явному обману и лжи. Уже на лондонскомъ соборѣ въ числѣ прочихъ положеній появилось и нелѣпое изреченіе, приписанное также Виклефу, что „Богъ долженъ послушать дьявола". Магистръ Гюбнеръ счелъ долгомъ прибавить еще одинъ тезисъ, что „все зависитъ отъ слѣпой необходимости", казавшійся особенно преступнымъ въ глазахъ философскихъ противниковъ Виклефа. Вотъ каковы были въ-сущности положенія англійскаго реформатора, осужденныя уже авторитетомъ церкви и представленныя теперь на разсмотрѣніе собравшихся магистровъ и докторовъ пражскаго университета. Уже изъ предыдущаго ясно, что чешская реформаціонная партія ни въ какомъ случаѣ не могла признать справедливости всѣхъ положеній Виклефа, такъ-какъ ея система, при всемъ сходствѣ съ системою англійскаго реформатора, далеко расходилась съ нею не только въ частностяхъ, но и въ самомъ основномъ принципѣ. Но если между Виклефомъ и чехами не было общности въ чисто догматической части системы, то зато ихъ крѣпко связалъ другъ съ другомъ философскій интересъ и вражда къ общему противнику іерархіи. Какъ и слѣдовало ожидать, пренія въ Каролинѣ были самыя оживленныя и бурныя. Защитники Виклефа тотчасъ-же выбрали для себя самую выгодную позицію. Вмѣсто того, чтобы защищать всѣ положенія цѣликомъ и навлечь на себя такимъ образомъ явное обвиненіе въ ереси, чехи начали разбирать пункты порознь, отстаивать безусловно тѣ изъ нихъ, въ которыхъ выражался ихъ собственный взглядъ, отрицать подлинность и принадлежность Виклефу тѣхъ, которые явно противорѣчили общепризнанной догмѣ, другими сло-

тами — не ограничиваясь защитою Виклефа, они перешли къ нападенію, и прямо уличили противниковъ въ злоумышленномъ подлогѣ и явномъ искаженіи смысла. Съ особенною рѣзкостью выражался въ этомъ духѣ магистръ Николай изъ Лютомышля. Обратясь къ Яну Гюбнеру, онъ объявилъ ему въ-глаза, что, при извлеченіи положеній, онъ поступилъ самымъ недобросовѣстнымъ, лживымъ и несправедливымъ образомъ, и что въ книгахъ Виклефа нѣтъ ничего, подобнаго его выдумкамъ.

Нѣсколько осторожнѣе и сдержаннѣе выражался магистръ Янъ Гуссъ. Не защищая положеній въ ихъ цѣлости, онъ однакоже не соглашался и на ихъ осужденіе, находилъ въ нихъ много истинно христіанскаго и справедливаго, и приписывалъ все дурное и ошибочное въ нихъ клеветамъ и злобѣ противниковъ и прежде всего — магистра Яна Гюбнера. „Такіе извратители истиннаго смысла книгъ знаменитаго ученаго, добавилъ онъ, гораздо болѣе достойны огненной казни, нежели два поддѣльщика шафрана, сожженные не задолго передъ тѣмъ въ Прагѣ“. Гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе выступилъ на защиту Виклефа одинъ изъ старѣйшихъ магистровъ пражскаго университета, Станиславъ изъ Знойма. Станиславъ принадлежалъ къ числу людей, легко увлекающихся идеями извѣстнаго рода, но столь-же легко и оставляющихъ, при случаѣ, для другихъ идеаловъ. Хотя лѣтами и жизненною опытностью онъ превосходилъ многихъ другихъ членовъ чешской партіи, хотя современные источники и называютъ Іоанна Гусса его ученикомъ, но тѣмъ не менѣе въ настоящемъ диспутѣ онъ велъ себя гораздо запальчивѣе и неосторожнѣе, нежели его младшіе товарищи. На Станислава, въ настоящемъ случаѣ, мы могли бы указать какъ на прямаго послѣдователя Виклефа, между чехами, если-бы насъ не останавливала его непослѣ-

довательность и явное отсутствіе въ немъ сознательнаго принципа. Тогда какъ рѣчи и сочиненія Гусса и другихъ представителей чешской реформаціи показываютъ въ нихъ прежде всего твердое сознательное убѣжденіе, взросшее на родной почвѣ подъ вліяніемъ идей, возвѣщенныхъ Миличемъ, Матѳеемъ изъ Янова и другими корифеями національнаго направленія, тогда какъ въ каждомъ словѣ ихъ слышится прежде всего свое народное, и каждый ихъ принципъ непремѣнно коренится въ глубинѣ народнаго духа и преданія; въ Станиславѣ намъ прежде всего бросаются въ глаза это—чисто внѣшніе, случайные мотивы его дѣятельности, это — слѣпое, безразсчетливое увлеченіе чуждыми идеалами, это—полная неспособность проникнуться духомъ и началами народной реформы. Въ собраніи 3 мая 1403 г., Станиславъ явился ярымъ поборникомъ Виклефа. Онъ сталъ прямо на точку зрѣнія осужденныхъ положеній, но отрицалъ принадлежность ихъ Виклефу и въ горячей рѣчи старался доказать противникамъ, что въ нихъ нѣтъ не только ереси, но даже тѣни заблужденія или ошибки. Рѣчь его навела ужасъ на старыхъ докторовъ богословія и нѣмцевъ; многіе изъ нихъ съ негодованіемъ оставили залу, объявивъ, что они не въ состояніи слушать долѣе подобныхъ богомерзкихъ рѣчей. Но Станиславъ ошибся, если онъ думалъ доставить своими выходками торжество чешской партіи; громадный перевѣсъ голосовъ упрочивалъ во всякомъ случаѣ побѣду за нѣмцами, и самыя внушительныя и блистательныя рѣчи чеховъ не въ силахъ были предотвратить рѣшенія. Послѣ нѣсколько-часоваго пренія, положенія Виклефа были осуждены большинствомъ голосовъ, и тутъ-же состоялось рѣшеніе университета, запрещавшее, подъ страхомъ наказанія за нарушеніе присяги, всѣмъ магистрамъ и другимъ членамъ университета, у-

чить, повторять или объяснять эти положенія, какъ публично, такъ и тайно.

Такъ окончилось это первое явное столкновеніе двухъ враждебныхъ партій въ университетѣ; но нѣмецко-католическая партія скоро успѣла разочароваться въ своей мнимой побѣдѣ. Приверженцы Виклефа въ университетѣ поспѣшили показать имъ, какъ мало стѣсняютъ ихъ торжественныя запрещенія университета. Религіозное волненіе, вмѣсто того, чтобы прекратиться въ университетѣ, начало принимать все болѣе обширные размѣры, все сильнѣе и сильнѣе располагать въ свою пользу массы. Виѳлеемская часовня, по прежнему, служила главнымъ органомъ при распространеніи новыхъ идей въ народѣ. Реформаціонная партія, главнымъ представителемъ которой былъ теперь Гуссъ, успѣла въ то-же время расположить въ свою пользу новаго архіепископа пражскаго Збинека.

Збинекъ вовсе не былъ человѣкомъ чисто духовнаго направленія; богословскіе споры и тонкости весьма мало интересовали его; богатый аристократъ и рыцарь по рожденію, онъ не могъ отказаться отъ жизни и привычекъ своего сословія и въ новомъ санѣ. Военная и дипломатическая дѣятельность была его страстью, но при всемъ томъ, въ немъ мало было замѣтно іерархическаго властолюбія, свойственнаго католическимъ прелатамъ вообще, а прирожденная нравственность дѣлала его противникомъ злоупотребленія и разврата въ церкви и соединеннаго съ ними суевѣрія. Эти личныя качества архіепископа дѣлали возможнымъ союзъ между нимъ и реформаціонною партіею, союзъ, разумѣется, временный и непрочный. Дружественныя отношенія Збинека къ Гуссу начались уже съ самаго перваго времени его посвященія на архіепископскую каѳедру. Заботясь объ установленіи болѣе строгой

церковной дисциплины въ своемъ округѣ, архіепископъ имѣлъ случай познакомиться съ Гуссомъ и оцѣнить его религіозно-нравственныя стремленія. Отрывокъ изъ письма Гусса, сообщаемый Палацкимъ, ясно показываетъ, какъ сильно было одно время взаимное довѣріе и дружба этихъ двухъ замѣчательныхъ людей. Архіепископъ просилъ Гусса лично передавать ему все, что онъ замѣтилъ дурнаго, въ его діоцезѣ, въ случаѣ же его отсутствія — обращаться къ нему письменно [1]. Гуссъ вполнѣ оправдалъ надежды архіепископа; злоупотребленія и пороки церкви всегда находили въ немъ самаго зоркаго и неумолимаго судью. — Въ развалинахъ одной церкви въ Силезіи, въ Пригинцѣ, открылось въ то время новое чудо: на остаткахъ каменнаго олтаря замѣчены были какія-то красныя пятна, въ родѣ крови. Явленіе, очень хорошо объясняемое въ наше время химическимъ анализомъ, принято было тогда за чудо, и вотъ разнеслась по всѣмъ окрестнымъ странамъ вѣсть, что въ Пригницѣ появилась кровь Господня. Безчисленные поклонники, часто изъ самыхъ отдаленныхъ земель, какъ — Швеціи, Норвегіи и Даніи, но въ томъ числѣ, разумѣется, и изъ сосѣдней Чехіи, устремились туда. Хитрые монахи спѣшили воспользоваться восторженнымъ состояніемъ фанатизированной массы, и Пригницъ вскорѣ сдѣлался поприщемъ безчисленныхъ чудесъ и безсовѣстнѣйшихъ спекуляцій. Архіепископъ Збинекъ не могъ равнодушно смотрѣть на скандалъ и составилъ коммисію изъ трехъ магистровъ, пору-

---

[1] Saepissime reitero, qualiter in principio vestri regiminis mihi pro regula paternitas vestra instituerat, ut quotiescunque aliquem defectum erga regimen conspicerem, mox personaliter aut in absentia per literam, defectum hujusmodi nuntiarem — подлинныя слова Гусса. См. *Палацкаго*, Geschichte von Böhmen. T. 3. Отд. I. с. 216.

чивъ ей изслѣдовать все дѣло и снять допросъ съ возвращающихся поклонниковъ. Изслѣдованіе комисіи, главнымъ лицомъ въ которой былъ Гуссъ, показало архіепископу ложь и обманъ, творившіе чудеса въ Пригницѣ, и тотъ запретилъ ходить туда на поклоненіе изъ своей митрополіи. Этотъ случай представилъ въ первый разъ Гуссу возможность открыто выступить на борьбу съ господствующимъ суевѣріемъ, подъ защитою архіепископа. Къ этому-же времени относится и одно изъ первыхъ сочиненій Гусса: „О прославленной крови Христа“ [1]. Въ этомъ сочиненіи Гуссъ становится не на точку зрѣнія Виклефа, а послѣдовательно развиваетъ принципы чешской реформаціи или, лучше сказать, возрожденія христіанства въ Чехіи. Онъ далекъ отъ скептическаго взгляда Виклефа на таинство пресуществленія, и его воззрѣніе на этотъ предметъ вполнѣ согласно съ догматомъ первоначальной христіанской церкви. Коренное различіе между англійскимъ и чешскимъ реформаторомъ со всею рѣзкостью выражается въ этомъ противоположномъ воззрѣніи. Если Виклефъ, представитель революціи въ церкви, не слишкомъ стѣснялся начальною догмою христіанства и въ пылу борьбы не щадилъ иногда самой основы вѣры, то Гуссъ реформаторъ, возобновитель истиннаго христіанства, старался лишь очистить католицизмъ отъ проникнувшихъ въ него суевѣрія и искаженія и возвратить ему первоначальный блескъ и чистоту. Оставляя неприкосновеннымъ догматъ таинственнаго пресуществленія, онъ тѣмъ съ большею силою возстаетъ противъ его искаженія и клеймитъ названіемъ побасенекъ чудесные разсказы о появленіи дѣйствительнаго тѣла и крови Христовой, бывшіе тогда въ ходу.

---

[1] Determinatio quaestionis cum suo tractulo de omne sanguine Christi glorificato, *Ioannis Hussi* opera (Norimberg). T. I, стр. 164.

„Преображенное тѣло Христа, говоритъ онъ въ [illegible] [illegible] этого сочиненія, присутствуетъ мѣстно лишь на небѣ, хотя дѣйствительно и реально оно пребываетъ и въ святыхъ [illegible] [illegible]. Ничего [illegible] отъ этого тѣла не можетъ быть и [illegible], [illegible] [illegible] объ [illegible] тѣла Христа, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]“. Но [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] теперь до того, что [illegible] [illegible] [illegible] образомъ [illegible] свое [illegible] [illegible] въ [illegible] Христа, и при совершеніи святаго [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] христіанами, [illegible] [illegible] [illegible]“. Здѣсь является [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ томъ, что повсюду [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и чувства, и [illegible] [illegible] [illegible] только [illegible]. Въ [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] безусловно [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] и не требуетъ для своего [illegible] [illegible] [illegible] и чудесъ. [illegible] не [illegible] [illegible] съ Христомъ непосредственно, [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] Господь не [illegible] [illegible] [illegible] для нашего спасенія. Вѣра не [illegible] бы [illegible] [illegible], если бы ей предшествовали [illegible] чудеса, поэтому Христосъ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]. Какъ Матѳей [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] чудеса, [illegible] [illegible] для [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible]. [illegible] въ [illegible] чудеса при [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] любви и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible]. Какъ Матѳей, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. И [illegible] въ [illegible] [illegible] Слова Божія, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]. [illegible] Христомъ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и

только-что разсмотрѣнное нами сочиненіе, относится именно ко времени возникновенія раздоровъ въ университетѣ, по поводу дѣла Виклефа. Эти отношенія имѣли, безъ сомнѣнія, не мало вліянія на ходъ дѣла и значительно сдерживали на первыхъ порахъ католическое рвеніе пражской капитулы. Въ то время, какъ изувѣры и фанатики толковали уже о проникновеніи виклефитской ереси и о необходимости принятія строгихъ мѣръ противъ нея, архіепископъ, рѣшительно очарованный краснорѣчіемъ, строгою нравственностью и истинно-христіанскими принципами Гусса, старался по мѣрѣ возможности расширить кругъ его вліянія и дѣятельности и нѣсколько разъ приглашалъ его проповѣдывать въ пражскій соборъ, въ присутствіи всѣхъ каноннковъ и всего собравшагося духовенства. До насъ дошли многія изъ этихъ рѣчей Гусса, и можно съ увѣренностью сказать, что подобное краснорѣчіе врядъ ли могло понравиться духовенству. Гуссъ съ успѣхомъ пользовался однимъ изъ общеупотребительныхъ пріемовъ ораторства, контрастомъ. Въ свѣтлыхъ идеальныхъ чертахъ выставлялъ сначала онъ то, чѣмъ долженъ быть истинный священникъ, добрый пастырь овецъ Христовыхъ, а вслѣдъ за тѣмъ выводилъ въ яркихъ краскахъ возмутительную картину дѣйствительнаго, нравственнаго состоянія духовенства. Вѣрующіе церкви Божіей на землѣ, по его мнѣнію, раздѣляются на три класса. Первая и низшая часть заключаетъ въ себѣ простой народъ, живущій трудами рукъ своихъ; и эта часть спасется, если только будетъ исполнять заповѣди Господа и прилежно работать. Вторая часть церкви заключаетъ въ себѣ свѣтскихъ господъ; ихъ состояніе почетнѣе, но за-то труднѣе первыхъ. Ихъ обязанность защищать законъ Господень, охранять служителей Христа и изгонять помощниковъ антихриста, и для этой цѣли данъ имъ въ руки мечъ. Третья и лучшая часть церкви есть духо-

„Преображенное тѣло Христа, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ этого сочиненія, присутствуетъ мѣстно лишь на небѣ, хотя дѣйствительно и реально оно пребываетъ и въ святомъ таинствѣ олтаря. Ничего отдѣльнаго отъ этого тѣла не можетъ быть на землѣ, всѣ разсказы объ останкахъ тѣла Христа, объ его крови, поэтому ложны и несправедливы“. Но испорченность корыстолюбивыхъ священниковъ усилилась теперь до того, что слуги антихриста дьявольскимъ образомъ выдаютъ свою собственную кровь за кровь Христа, и при совершеніи святаго таинства эта кровь обожается глупыми и невѣрными христіанами, ищущими повсюду чудесъ“. Гуссъ является вѣрнымъ послѣдователемъ Матеея изъ Янова, въ томъ, что повсюду напираетъ на внутреннюю вѣру и чувства, и имъ однимъ придаетъ только значеніе. Въ томъ и состоитъ сущность вѣры, что она безусловно должна держаться невидимаго, сокровеннаго и не требовать для своего убѣжденія внѣшнихъ знаменій и чудесъ. Мы не можемъ сообщаться съ Христомъ непосредственно, осязать его плоть, самъ Господь не находилъ это нужнымъ для нашего спасенія. Вѣра не имѣла бы никакой заслуги, если-бы ей предшествовалъ опытъ чувствъ, поэтому Христосъ съ своею кровью и сокрытъ матеріально для насъ. Какъ Матеей изъ Янова, Гуссъ приписываетъ всѣ чудеса, выдумываемыя попами для обиранія народа, ухищренію діавола. Довѣріемъ въ подобныя чудеса они отвращаютъ людей отъ сущности истинной любви и погружаютъ ихъ еще болѣе въ грѣхи. Какъ Матеей, онъ видитъ во всемъ этомъ сокровенно дѣйствующую силу антихриста, и убѣждаетъ къ внимательному изученію слова Божія, единственно вѣрному средству избѣгнуть сѣтей лживыхъ пророковъ и мессій, возвѣщенныхъ Христомъ. Дружественная связь архіепископа Збинека съ передовымъ вождемъ народной партіи, памятникомъ которой можетъ почесться и

только-что разсмотрѣнное нами сочиненіе, относится именно ко времени возникновенія раздоровъ въ университетѣ, по поводу дѣла Виклефа. Эти отношенія имѣли, безъ сомнѣнія, не мало вліянія на ходъ дѣла и значительно сдерживали на первыхъ порахъ католическое рвеніе пражской капитулы. Въ то время, какъ изувѣры и фанатики толковали уже о проникновеніи виклефитской ереси и о необходимости принятія строгихъ мѣръ противъ нея, архіепископъ, рѣшительно очарованный краснорѣчіемъ, строгою нравственностью и истинно-христіанскими принципами Гусса, старался по мѣрѣ возможности расширить кругъ его вліянія и дѣятельности и нѣсколько разъ приглашалъ его проповѣдывать въ пражскій соборъ, въ присутствіи всѣхъ канониковъ и всего собравшагося духовенства. До насъ дошли многія изъ этихъ рѣчей Гусса, и можно съ увѣренностью сказать, что подобное краснорѣчіе врядъ ли могло понравиться духовенству. Гуссъ съ успѣхомъ пользовался однимъ изъ общеупотребительныхъ пріемовъ ораторства, контрастомъ. Въ смѣлыхъ идеальныхъ чертахъ выставлялъ сначала онъ то, чѣмъ долженъ быть истинный священникъ, добрый пастырь овецъ Христовыхъ, а вслѣдъ за тѣмъ выводилъ въ яркихъ краскахъ возмутительную картину дѣйствительнаго, нравственнаго состоянія духовенства. Вѣрующіе церкви Божіей на землѣ, по его мнѣнію, раздѣляются на три класса. Первая и нисшая часть заключаетъ въ себѣ простой народъ, живущій трудами рукъ своихъ; и эта часть спасется, если только будетъ исполнять заповѣди Господа и прилежно работать. Вторая часть церкви заключаетъ въ себѣ свѣтскихъ господъ; ихъ состояніе почетнѣе, но за-то труднѣе первыхъ. Ихъ обязанность защищать законъ Господень, охранять служителей Христа и изгонять помощниковъ антихриста, и для этой цѣли данъ имъ въ руки мечъ. Третья и лучшая часть церкви есть духо-

„Преображенное тѣло Христа, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ этого сочиненія, присутствуетъ мѣстно лишь на небѣ, хотя дѣйствительно и реально оно пребываетъ и въ святомъ таинствѣ олтаря. Ничего отдѣльнаго отъ этого тѣла не можетъ быть на землѣ, всѣ разсказы объ останкахъ тѣла Христа, объ его крови, поэтому ложны и несправедливы“. Но испорченность корыстолюбивыхъ священниковъ усилилась теперь до того, что слуги антихриста дьявольскимъ образомъ выдаютъ свою собственную кровь за кровь Христа, и при совершеніи святаго таинства эта кровь обожается глупыми и невѣрными христіанами, ищущими повсюду чудесъ“. Гуссъ является вѣрнымъ послѣдователемъ Матѳея изъ Янова, въ томъ, что повсюду напираетъ на внутреннюю вѣру и чувства, и имъ однимъ придаетъ только значеніе. Въ томъ и состоитъ сущность вѣры, что она безусловно должна держаться невидимаго, сокровеннаго и не требовать для своего убѣжденія внѣшнихъ знаменій и чудесъ. Мы не можемъ сообщаться съ Христомъ непосредственно, осязать его плоть, самъ Господь не находилъ это нужнымъ для нашего спасенія. Вѣра не имѣла бы никакой заслуги, если-бы ей предшествовалъ опытъ чувствъ, поэтому Христосъ съ своею кровью и сокрытъ матеріально для насъ. Какъ Матѳей изъ Янова, Гуссъ приписываетъ всѣ чудеса, выдумываемыя попами для обиранія народа, ухищренію діавола. Довѣріемъ въ подобныя чудеса они отвращаютъ людей отъ сущности истинной любви и погружаютъ ихъ еще болѣе въ грѣхи. Какъ Матѳей, онъ видитъ во всемъ этомъ сокровенно дѣйствующую силу антихриста, и убѣждаетъ къ внимательному изученію слова Божія, единственно вѣрному средству избѣгнуть сѣтей лживыхъ пророковъ и мессій, возвѣщенныхъ Христомъ. Дружественная связь архіепископа Збинека съ передовымъ вождемъ народной партіи, памятникомъ которой можетъ почесться и

только-что разсмотрѣнное нами сочиненіе, относится именно ко времени возникновенія раздоровъ въ университетѣ, по поводу дѣла Виклефа. Эти отношенія имѣли, безъ сомнѣнія, не мало вліянія на ходъ дѣла и значительно сдерживали на первыхъ порахъ католическое рвеніе пражской капитулы. Въ то время, какъ изувѣры и фанатики толковали уже о проникновеніи виклефитской ереси и о необходимости принятія строгихъ мѣръ противъ нея, архіепископъ, рѣшительно очарованный краснорѣчіемъ, строгою нравственностью и истинно-христіанскими принципами Гусса, старался по мѣрѣ возможности расширить кругъ его вліянія и дѣятельности и нѣсколько разъ приглашалъ его проповѣдывать въ пражскій соборъ, въ присутствіи всѣхъ канониковъ и всего собравшагося духовенства. До насъ дошли многія изъ этихъ рѣчей Гусса, и можно съ увѣренностью сказать, что подобное краснорѣчіе врядъ ли могло понравиться духовенству. Гуссъ съ успѣхомъ пользовался однимъ изъ общеупотребительныхъ пріемовъ ораторства, контрастомъ. Въ смѣлыхъ идеальныхъ чертахъ выставлялъ сначала онъ то, чѣмъ долженъ быть истинный священникъ, добрый пастырь овецъ Христовыхъ, а вслѣдъ за тѣмъ выводилъ въ яркихъ краскахъ возмутительную картину дѣйствительнаго., нравственнаго состоянія духовенства. Вѣрующіе церкви Божіей на землѣ, по его мнѣнію, раздѣляются на три класса. Первая и низшая часть заключаетъ въ себѣ простой народъ, живущій трудами рукъ своихъ; и эта часть спасется, если только будетъ исполнять заповѣди Господа и прилежно работать. Вторая часть церкви заключаетъ въ себѣ свѣтскихъ господъ; ихъ состояніе почетнѣе, но за-то труднѣе первыхъ. Ихъ обязанность защищать законъ Господень, охранять служителей Христа и изгонять помощниковъ антихриста, и для этой цѣли данъ имъ въ руки мечъ. Третья и лучшая часть церкви есть духо-

своей доли справедливости и искренности. Энтузіастъ-реформаторъ является у него повсюду хитрымъ діалектикомъ и безсовѣстнымъ софистомъ, опаснымъ демагогомъ и человѣкомъ безъ твердыхъ убѣжденій. Такому человѣку, разумѣется, не стоило ничего, для проведенія своихъ разрушительныхъ плановъ, злоупотреблять благонамѣренными стремленіями истинныхъ сыновъ церкви — Герсона, д'Алліака и другихъ, переносить и преувеличивать ихъ мрачныя изображенія церквей западныхъ на болѣе чистую и неиспорченную церковь чешскую, волновать своими каррикатурными изображеніями безсмысленную толпу и увлекать ее за собою въ потокъ революціоннаго движенія. И такъ, вотъ какъ разрѣшается дѣло, съ точки зрѣнія вѣрнаго сына церкви; жаль только что, по прочтеніи подобныхъ образчиковъ историческаго доказательства, невольно приходитъ въ голову—уже не самого ли себя изображаетъ тутъ ревностный католикъ и не къ нему ли относятся прекрасные эпитеты, въ родѣ — софистъ, діалектикъ и т. д. Уже и прежде имѣли мы случай показать, какъ ложно и произвольно самое основное положеніе, исходная точка всѣхъ этихъ доказательствъ. Всѣ современные хроники и акты говорятъ намъ, что несправедливо было бы считать чешскую церковь какимъ-то отраднымъ исключеніемъ въ системѣ всеобщей деморализаціи католицизма. Напрасно выставлять въ такихъ случаяхъ на первый планъ благородныя стремленія отдѣльныхъ личностей, въ родѣ архіепископа Арнеста, и ими стараться прикрыть картину всеобщей порчи и разложенія. Странно видѣть въ чешскомъ духовенствѣ какую-то особую нравственность и чистоту, когда сотни свидѣтельствъ ясно говорятъ намъ, что большинство его, какъ и вездѣ, было невѣжественно, развратно и продажно. Что изъ среды духовенства выходили, по временамъ, высоконравственныя и истинно христіанскія личности, подобныя Мили-

дѣлаются строгими, неумолимыми критиками и всѣ писатели, даже самые ревностные католики, заподозрѣваются ими въ преувеличеніи зла, въ намѣренномъ или ненамѣренномъ искаженіи истины. Всеобщее опозиціонное стремленіе тогдашняго времени вынуждаетъ ихъ отчасти сознаться, что церковь не была тогда совершенно свободна отъ злоупотребленій и нравственнаго упадка, но они никакъ не хотятъ допустить, чтобы состояніе ея было таково, какимъ изображается оно въ литературныхъ произведеніяхъ того вѣка. Превознося похвалами какого-нибудь д'Алліако или Герсона, признавая въ нихъ истинно католическую ревность и приверженность къ господствующей догмѣ, они тѣмъ не менѣе въ ихъ рѣзкомъ изображеніи церкви и духовенства видятъ прежде всего преувеличеніе, происходящее отъ понятнаго увлеченія любимою идеею. Эти люди, говорятъ они, въ своей ревности къ преобразованію церкви, старались привести въ движеніе всѣ зависящія отъ нихъ пружины, раскрыть предъ глазами вѣрующихъ всѣ вопіющіе недостатки и преступленія и оставить совершенно въ сторонѣ болѣе свѣтлую сторону, для того, чтобы тѣмъ поразительнѣе раскрыть темную, дурную. Заподозрѣвая такимъ образомъ представителей умѣренной реформы въ излишнемъ преувеличеніи по увлеченію, писатели, подобные Гельферту [1], еще съ большею безцеремонностью отдѣлываются отъ болѣе страстныхъ и горячихъ нападеній поборниковъ реформы народной. Тутъ они предполагаютъ уже прямо злонамѣренное искаженіе, ложь и безсовѣстную софистику. Исходя отъ того, что состояніе чешской церкви конца XIV вѣка было далеко не такъ печально и безвыходно, какъ въ остальной Европѣ, Гельфертъ никакъ не хочетъ допустить въ словахъ Гусса

[1] Сочиненіе *Гельферта* «магистръ Янъ Гуссъ», на чешскомъ языкѣ, упоминалось нами не разъ.

своей лжи справедливости и искренности. Энтузіастъ-реформаторъ является у него повсюду хитрымъ діалектикомъ и безсовѣстнымъ софистомъ. опаснымъ демагогомъ и человѣкомъ безъ твердыхъ убѣжденій. Такому человѣку, разумѣется, не стоило ничего, для проведенія своихъ разрушительныхъ плановъ, злоупотребить благонамѣренными стремленіями истинныхъ сыновъ церкви — Герсона, д'Аліака и другихъ, перенести и преувеличивать ихъ při-ми изображенія церквей западныхъ на болѣе чистую и неиспорченную церковь чешскую, волновать своими карикатурными изображеніями безсмысленную толпу и увлекать ее за собою въ потокъ революціоннаго движенія. И такъ, вотъ какъ разрѣшается дѣло, съ точки зрѣнія вѣрнаго сына церкви; жаль только что, по прочтеніи подобныхъ образчиковъ историческаго доказательства, невольно приходитъ въ голову — уже не самого ли себя изображаетъ тутъ ревностный католикъ и не къ нему ли относятся прекрасные эпитеты, въ родѣ — софистъ, діалектикъ и т. д. Уже и прежде имѣли мы случай показать, какъ ложно и произвольно самое основное положеніе, исходная точка всѣхъ этихъ доказательствъ. Всѣ современныя хроники и акты говорятъ намъ, что несправедливо было бы считать чешскую церковь какимъ-то отраднымъ исключеніемъ въ системѣ всеобщей деморализаціи католицизма. Напрасно выставлять въ такихъ случаяхъ на первый планъ благородныя стремленія отдѣльныхъ личностей, въ родѣ архіепископа Арноста, и ими стараться прикрыть картину всеобщей порчи и разложенія. Странно видѣть въ чешскомъ духовенствѣ какую-то особую нравственность и чистоту, когда сотни свидѣтельствъ ясно говорятъ намъ, что большинство его, какъ и вездѣ, было невѣжественно, развратно и продажно. Что изъ среды духовенства выходили, по временамъ, высоконравственныя и истинно христіанскія личности, подобныя Мили-

чу, ничего не доказываетъ въ пользу католицизма. Эти личности вышли не изъ среды церкви, а изъ среды народа, и результатъ ихъ дѣятельности былъ скорѣе враждебенъ, нежели полезенъ іерархіи. Католицизмъ, разлагавшійся повсюду, обнаруживалъ и въ Чехіи всѣ симптомы порчи и деморализаціи. Если Гуссъ въ своихъ обличеніяхъ пользовался иногда свидѣтельствами и изображеніями западныхъ поборниковъ реформы, то онъ дѣлалъ это потому, что въ сущности отношенія, изображаемыя тамъ и тутъ, были одни и тѣ-же и не было нужды отличать въ чемъ-нибудь Чехію отъ другихъ католическихъ странъ.

На каждое слово своей проповѣди, Гуссъ, безъ сомнѣнія, могъ привести самое вѣрное и неопровержимое доказательство; да вѣроятно слушатели его и не нуждались въ подобныхъ доказательствахъ, имѣя предъ глазами истину во всей ея наготѣ. Къ тому-же припомнимъ, что Гуссъ произносилъ свои обличительныя проповѣди не въ одной только виелеемской часовнѣ и не предъ толпою простаго народа и мірянъ, но очень часто въ соборной пражской церквѣ, въ присутствіи архіепископа и высшаго духовенства. Могъ ли бы онъ осмѣлиться говорить ложь, голословить и клеветать предъ подобнымъ собраніемъ, и при томъ на кого же,—на самихъ членовъ этого собранія? Если архіепископъ самъ заставлялъ духовныхъ присутствовать на этихъ проповѣдяхъ, если лицо, заинтересованное наиболѣе въ хорошей репутаціи чешской церкви, заявляло такое высокое довѣріе къ лицу и словамъ проповѣдника; то не ясно ли послѣ того, что и сами члены чешской іерархіи не чужды были сознанія жалкаго состоянія своей церкви, съ которымъ никакъ не могутъ примириться ихъ новѣйшіе ярые защитники. Гуссъ не произноситъ въ своихъ рѣчахъ какихъ-нибудь небывалыхъ, чудовищныхъ обвиненій: онъ обличаетъ лишь очень обыкновенные, встрѣчавшіеся повсюду тогда,

факты; не его вина, если эти факты рисуютъ не совсѣмъ привлекательную картину деморализаціи католицизма въ Чехіи. Никто изъ современниковъ Гусса не могъ обвинить его въ преднамѣренномъ искаженіи истины, когда онъ по пунктамъ доказывалъ своимъ слушателямъ, что нѣтъ ни одного столь отвратительнаго грѣха или даже преступленія, которымъ бы не запятнало себя большинство тогдашняго духовенства. Развратъ и распущенность католическихъ священниковъ давно уже вошли тогда въ пословицу, и Гуссъ выражалъ только голосъ общеизвѣстнаго мнѣнія, клеймя все духовное сословіе именами блудниковъ и любодѣевъ. Бѣдный земледѣльческій народъ страдалъ тогда отъ поборовъ и тиранніи духовныхъ господъ, не менѣе какъ и отъ свѣтскихъ феодаловъ; и Гуссъ, не безъ основанія, говорилъ, что подобныя жестокія, эгоистическія стремленія еще позорнѣе и преступнѣе, когда они исходятъ отъ людей, обязанность которыхъ проповѣдывать миръ и согласіе между людьми. Еще съ большимъ правомъ могъ порицать Гуссъ непомѣрное честолюбіе духовныхъ, ихъ алчность къ пріобрѣтенію свѣтскихъ имуществъ и угодій, ихъ недостойные происки съ самыми корыстными цѣлями при папскомъ и королевскихъ дворахъ, ихъ расточительную, пышную и неприличную жизнь. Все это обличалось и порицалось еще до Гусса; но то, что дозволялось и извинялось нищенствующимъ монахамъ и другимъ покорнымъ орудіямъ церкви, никакъ не могло быть прощено противнику іерархіи, по принципу, какимъ былъ Гуссъ. Этимъ объясняется различіе во взглядѣ католиковъ на Милича и Вальдгаузена, на Гусса и Матѳея изъ Янова. Въ двухъ первыхъ преобладалъ еще исключительно нравственный элементъ оппозиціи, во вторыхъ— къ нему начала примѣшиваться систематическая оппозиція въ принципѣ и догматѣ.

Личный характеръ и догматическая неопытность архіепископа

Збинека долго скрывали отъ него это коренное отличіе Гусса отъ дѣятельности его предшественниковъ. Долгое время Збинекъ смотрѣлъ на Гусса, не какъ на противника іерархіи, но какъ на человѣка, могущаго принести ей громадную пользу проведеніемъ въ среду духовенства нравственнаго начала. Съ другой стороны, самъ Гуссъ, не сознававшій подобно многимъ другимъ реформаторамъ въ началѣ истиннаго значенія избраннаго имъ пути и результатовъ, къ которымъ онъ долженъ былъ привести его, былъ не прочь отъ содѣйствія архіепископу въ его благихъ начинаніяхъ, и могъ, хотя нѣкоторое время, признавать между нимъ и собою извѣстную общность, солидарность интересовъ. Но подобное согласіе могло быть только временнымъ и кажущимся. Тамъ, гдѣ существовало рѣзкое, хотя и незамѣтное на первой разъ, различіе въ основныхъ принципахъ, ничего не могло значить согласіе во второстепенныхъ вопросахъ. Борьба, поднятая въ университетѣ изъ-за Виклефа, борьба при всемъ своемъ чуждомъ богословскимъ интересамъ національномъ характерѣ, носившая тѣмъ не менѣе всѣ внѣшнія формы догмато-религіознаго спора и касавшаяся столь важныхъ интересовъ іерархіи, должна была сдѣлаться пробнымъ камнемъ дружбы и согласія католическаго прелата и народнаго реформатора. Какъ мы уже сказали, обѣ враждебныя стороны всѣми силами старались придать наибольшіе размѣры и значеніе спору: одна—располагая въ свою пользу народъ, другая—возбуждая и подстрекая духовное начальство. Нѣмцы, на первой разъ, нашли себѣ вѣрнаго союзника лишь въ пражской соборной капитулѣ. Пражскіе каноники всегда отличались своею фанатическою ревностью къ католицизму и охотно дали столь необходимое нѣмцамъ оружіе въ борьбѣ ихъ съ еретическими чехами. Съ другой стороны, положеніе архіепископа Збинека было долгое время самое нерѣшительное и двусмысленное. Не понимая догматической

тости или безъ гостіи, это есть союзъ Христа съ его сверхъестественнымъ тѣломъ, или церковью христіанскою. Одну только святость, или освященную гостію мы видимъ очами и вкушаемъ внѣшними чувствами, къ созерцанію же и воспринятію истиннаго тѣла и крови способно лишь одно духовное око, или вѣра. И такъ, тѣло Христово не можетъ быть поглощено звѣремъ, а развѣ только гостія; равно какъ и левъ можетъ пожрать только тѣло человѣка, а не душу. Далѣе, священникъ не разламываетъ тѣла Христова во время обѣдни, а только гостію, такъ-какъ мы не раздробляемъ луча солнца, разбивая стекло, въ которомъ онъ отражается. И, наконецъ, человѣкъ грѣховный, при принятіи Таинства, вкушаетъ только матеріальную гостію, и это служитъ ему къ вѣчному осужденію. При всемъ кажущемся сходствѣ съ положеніями Виклефа, только-что приведенное мнѣніе Гусса тѣмъ не менѣе отличалось существенно и отъ него и отъ догмата господствующей церкви. Не принимая пресуществленія въ католическомъ смыслѣ, онъ былъ далекъ и отъ Виклефа, утверждавшаго, что и послѣ освященія остается одна только матеріальная сущность хлѣба, и принималъ на-равнѣ съ этою матеріальною сущностью и реальную сущность тѣла и крови Христовыхъ.

Гуссъ коснулся въ этомъ трактатѣ и другаго положенія Виклефа, утверждавшаго, что священникъ въ смертномъ грѣхѣ не способенъ къ совершенію Таинства. И здѣсь онъ былъ равно далекъ отъ голословной, бездоказательной защиты или опроверженія чужаго мнѣнія, и съ рѣдкимъ, свойственнымъ ему тактомъ останавливался на болѣе вѣрной серединѣ и чисто самостоятельномъ мнѣніи. Онъ считалъ грубымъ богохульствомъ дерзкія слова католическихъ священниковъ, утверждавшихъ, что они въ своей святой мессѣ каждый день производятъ Бога. Не священникъ, а Богъ, говоритъ онъ, производитъ присутствіе Свое въ святости; обя-

повторять ихъ въ частныхъ бесѣдахъ. Збинекъ спѣшилъ показать, что его постановленія не были пустою формою, въ родѣ декретовъ университета; еще въ томъ-же году онъ потребовалъ къ своему суду множество лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, подозрѣваемыхъ въ виклефствѣ. Всѣ допросы и формальности не повели однакоже ни къ чему; обвиненные должны были быть оправданы, за неимѣніемъ достаточныхъ уликъ. Подобныя мѣры, оставаясь въ сущности недѣйствительными, всего менѣе были способны утушить разгарающуюся вражду. Каноники и другіе католическіе фанатики обвиняли архіепископа въ явномъ потворствѣ и снисхожденіи еретикамъ; поборники Виклефа считали, напротивъ, его поступокъ враждебнымъ и ненавистнымъ ихъ сторонѣ, и перенося свою вражду отъ ничтожной капитулы къ болѣе опасному прелату, тѣмъ съ большею смѣлостью выступили на защиту своего мнѣнія. Не довольствуясь защитою осужденныхъ положеній въ академическихъ и частныхъ бесѣдахъ, они открыто стали теперь выражать свое мнѣніе съ каѳедры и защищать его въ ученыхъ трактатахъ. Немедленно же, послѣ изданія запретительнаго декрета, Гуссъ издалъ свое сочиненіе о Святомъ Таинствѣ причащенія. Просто и прямо выражаетъ онъ тутъ свое мнѣніе и, безъ всякихъ похвалъ и порицаній Виклефа, ставитъ вопросъ совершенно самостоятельно. Главная цѣль его въ этомъ трактатѣ — опровергнуть нѣкоторыя грубыя и матеріальныя понятія о Св. Таинствѣ, по которымъ, напримѣръ, самое отверженное животное могло бы проглотить христіанскаго Бога въ видѣ *гостіи*. Въ Св. Таинствѣ, говоритъ онъ, должно различать три вещи: во-первыхъ, единую святость, безъ ея содержанія, т. е. освященную гостію, которая, сама по себѣ, не есть ни тѣло, ни кровь Христова; во-вторыхъ, святость и ея содержаніе, и это и есть истинное тѣло и истинная кровь Христова въ Св. Таинствѣ; въ-третьихъ, содержаніе таинства, безъ его свя-

отреченія. Предшественникъ Гусса, въ виѳлеемской часовнѣ, магистръ, Стефанъ изъ Колина также заявилъ въ это время свою склонность къ Виклефу и нерасположенность къ католической іерархіи. Въ маѣ 1403 г., онъ проповѣдывалъ въ соборѣ и въ лицо упрекалъ духовныхъ, что они за-тѣмъ только втираются въ университетъ, чтобы, подъ личиною ученія, тѣмъ легче предаваться столичной роскоши и разврату. „Вы ненавидите книги, говорилъ онъ имъ, но за-то любите игру въ кости, предъ лекціями вы убѣгаете изъ школъ, охотнѣе проводите время въ публичныхъ зрѣлищахъ, нежели въ спасительномъ ученіи, больше ищете общества непотребныхъ женщинъ, нежели людей набожныхъ, склонны болѣе къ легкомысленности, нежели къ степенности нравовъ, преданы исключительно праздности и не хотите знать ничего, кромѣ вашей мессы и часовъ“. Гораздо важнѣе этихъ обличеній, давно уже сдѣлавшихся чѣмъ-то обыкновеннымъ, была дѣятельность другаго энергическаго поборника реформы, Якубка изъ Стрибра (Якобеллусъ изъ Миса). Это былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала, нежели Станиславъ изъ Знойемека. Съ желѣзною энергіею и непобѣдимымъ мужествомъ характера, онъ соединялъ рѣдкую неумолимую послѣдовательность въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Вступивъ разъ на реформаціонной путь, онъ уже навсегда распрощался съ прошлымъ, и каждый его шагъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шагомъ впередъ. Безъ сомнѣнія, первый толчокъ къ дѣятельности сообщенъ ему Гуссомъ, но дальнѣйшія его дѣйствія обнаруживаютъ въ немъ полную и зрѣлую самостоятельность. Въ то время, когда большинство занято было чисто догматическими вопросами и даровитѣйшіе умы напрягали всѣ свои силы на разъясненіе догмата причащенія, Якубекъ выдвинулъ на первый планъ вопросъ чисто практическій, но тѣмъ не менѣе имѣвшій громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе движенія: вопросъ о свѣт-

занность священника при этомъ чисто служебная, его личныя качества значутъ тутъ менѣе всего, и все подобаетъ единой силѣ и всемогуществу животворящаго Бога. Если Гуссъ является такимъ образомъ уже въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ яснымъ, сознательнымъ представителемъ самобытной чешской реформы, если его стремленія повсюду условливаются его глубокою, но въ то-же время дѣтскою вѣрою, и смѣлыя идеи Виклефа умѣряются въ немъ народно-религіозными преданіями, проникавшими его, какъ истаго чеха; то нельзя того-же сказать о другихъ современныхъ ему поборникахъ реформы. Чешское движеніе, уже при самомъ началѣ своемъ, обнаруживаетъ столько своеобразныхъ формъ и направленій, что, при внимательномъ разсмотрѣніи его, не можетъ быть и рѣчи о единствѣ идеи, проявлявшейся въ немъ, кромѣ развѣ только идеи народной. Въ одно время съ Гуссомъ и гораздо горячѣе его выступили на сцену другіе поборники реформы. Что касается до Станислава изъ Знойемека, то, какъ видно, онъ вовсе не стоялъ на твердой почвѣ народа и преданія и, по своей страстной натурѣ, легко увлекался и смѣлыми философскими идеями Виклефа и стройною системою католической іерархіи. Въ это время онъ былъ еще душою и тѣломъ за Виклефа и, не обинуясь, высказывалъ повсюду свое сочувствіе къ осужденнымъ положеніямъ. Съ каѳедры онъ гремѣлъ противъ недостойной, развратной жизни духовенства, и его нападки отличались какимъ-то яростнымъ ожесточеніемъ, въ противоположность спокойному, но твердому тону проповѣди Гусса. Въ своемъ ученомъ трактатѣ о причащеніи, онъ горячо и открыто бралъ сторону Виклефа и защищалъ его матеріальную субстанцію хлѣба, отвергая всякое пресуществленіе. Тѣмъ не менѣе, будучи позванъ къ суду архіепископа, онъ не имѣлъ смѣлости защищать своихъ отважныхъ положеній и, изъ страха наказанія, подвергся даже позору публичнаго

отреченія. Предшественникъ Гусса, въ виѳлеемской часовнѣ, магистръ, Стефанъ изъ Колина также заявилъ въ это время свою склонность къ Виклефу и нерасположенность къ католической іерархіи. Въ маѣ 1403 г., онъ проповѣдывалъ въ соборѣ и въ лицо упрекалъ духовныхъ, что они за-тѣмъ только втираются въ университетъ, чтобы, подъ личиною ученія, тѣмъ легче предаваться столичной роскоши и разврату. „Вы ненавидите книги, говорилъ онъ имъ, но за-то любите игру въ кости, предъ лекціями вы убѣгаете изъ школъ, охотнѣе проводите время въ публичныхъ зрѣлищахъ, нежели въ спасительномъ ученіи, больше ищете общества непотребныхъ женщинъ, нежели людей набожныхъ, склонны болѣе къ легкомысленности, нежели къ степенности нравовъ, преданы исключительно праздности и не хотите знать ничего, кромѣ вашей мессы и часовъ“. Гораздо важнѣе этихъ обличеній, давно уже сдѣлавшихся чѣмъ-то обыкновеннымъ, была дѣятельность другаго энергическаго поборника реформы, Якубка изъ Стрибра (Якобеллусъ изъ Миса). Это былъ человѣкъ совсѣмъ инаго закала, нежели Станиславъ изъ Знойемека. Съ желѣзною энергіею и непобѣдимымъ мужествомъ характера, онъ соединялъ рѣдкую неумолимую послѣдовательность въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Вступивъ разъ на реформаціонной путь, онъ уже навсегда распрощался съ прошлымъ, и каждый его шагъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шагомъ впередъ. Безъ сомнѣнія, первый толчокъ къ дѣятельности сообщенъ ему Гуссомъ, но дальнѣйшія его дѣйствія обнаруживаютъ въ немъ полную и зрѣлую самостоятельность. Въ то время, когда большинство занято было чисто догматическими вопросами и даровитѣйшіе умы напрягали всѣ свои силы на разъясненіе догмата причащенія, Якубекъ выдвинулъ на первый планъ вопросъ чисто практическій, но тѣмъ не менѣе имѣвшій громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе движенія: вопросъ о свѣт-

скихъ имѣніяхъ духовныхъ и о необходимости ихъ секуляризаціи. Въ началѣ 1407 г., Якубекъ проповѣдывалъ предъ огромною толпою простаго народа, въ костелѣ св. Михаила, въ старомъ городѣ, объ имѣніяхъ и свѣтскомъ господствѣ духовенства. Въ нихъ находилъ онъ корень всего зла, размножившагося въ церкви, благодаря духовенству. Пока ихъ не было, церковь пребывала въ мирѣ и согласіи, но какъ только начали священники обращаться къ тому, что̀ отъ плоти и свѣта, то тотчасъ-же впали въ различныя ереси, а согласіе и добрый порядокъ начали исчезать въ церкви. Необходимо, чтобы папа, епископы, прелаты и все духовенство отказались отъ своихъ свѣтскихъ имѣній и владычества, уступили ихъ свѣтской рукѣ, и, довольствуясь приличнымъ содержаніемъ, пріобрѣли бы опять свою прежнюю свободу отъ свѣта и могли дѣйствительно посвятить себя выполненію обязанностей своего духовнаго сана. Безъ этого искорененія первоначальнаго зла не возможна никакая реформа извратившейся церкви, и всякій священникъ, осмѣливающійся изъ корыстныхъ видовъ противиться этому, зараженъ смертнымъ грѣхомъ. Самъ Христосъ сказалъ: „и если соблазняетъ тебя правая рука твоя, возьми и отбрось ее отъ себя“. Правая же рука церкви есть духовенство, и отъ него выходитъ весь соблазнъ; отсюда ясно, что на свѣтскомъ сословіи, и прежде всего на верховной власти, лежитъ обязанность помочь ему и волею или неволею принудить духовенство отказаться отъ неприличнаго ему богатства. Право надъ всѣми владѣніями и безъ того уже принадлежитъ королю, его-же долгъ защищать слабыхъ подданныхъ своихъ отъ насилія духовенства, безправно присвоивающаго себѣ собственность. Наконецъ, обязанность истинныхъ пастырей—проводить эти идеи въ умы и сердца слушателей и заботиться о выполненіи необходимаго дѣла въ духѣ кротости и мира. Не въ одной этой рѣчи, но и во всей своей дѣятельности

Якубекъ является не столько слѣпымъ послѣдователемъ и ученикомъ Гусса, сколько смѣлымъ и энергическимъ продолжателемъ дѣла, начатаго осторожнымъ и умѣреннымъ реформаторомъ. Гуссъ возставалъ противъ разврата и безнравственности духовныхъ, Якубекъ указывалъ на первую причину и поводъ этого зла — свѣтское имущество и политическую власть церкви; Гуссъ говорилъ, что всякая ученость тщетна безъ свѣта истинной вѣры и откровенія божественнаго, Якубекъ прямо порицалъ внѣшнее формальное направленіе науки и считалъ университеты скорѣе языческимъ, нежели христіанскимъ учрежденіемъ; Гуссъ повсюду опирался на древнее религіозное преданіе, жившее въ народѣ, но нигдѣ прямо ни ссылался на него, Якубекъ смѣло указалъ на сущность и центръ этого дорогаго народному сердцу обычая, и выставилъ на знамена чешскаго движенія великія слова: причащеніе подъ обоими видами. Далеко уступая Гуссу въ глубинѣ и разнообразіи идей, Якубекъ далеко превосходилъ его энергіею и практическимъ смысломъ. Быстро усвоивалъ онъ себѣ теоретическіе выводы своихъ великихъ современниковъ, и съ изумительною логичностью выводилъ изъ нихъ чисто практическія положенія и требованія. Не будучи передовымъ вождемъ движенія, онъ тѣмъ не менѣе увлекалъ за собою его руководителей, и его неумолимая послѣдовательность, не менѣе мученической смерти Гусса, ускорила послѣднюю роковую катастрофу движенія. Но въ то время, какъ дружныя силы народно-чешской партіи такъ мощно двигали впередъ дѣло эманципаціи чешскаго народа, противная сторона также не оставалась праздною. Интриги нѣмцевъ и пражской капитулы успѣли наконецъ совершенно овладѣть архіепископомъ Збинекомъ, изгладить въ душѣ его всякое сочувствіе реформаціоннымъ стремленіямъ и сдѣлать его ожесточеннымъ противникомъ народной партіи. Видя, что декреты университета о-

стаются безъ всякаго замѣтнаго вліянія, архіепископъ рѣшился поразить виклефизмъ въ самомъ его средоточіи и обратился къ чешской націи, въ университетѣ, съ требованіемъ признать законность осужденія еретическихъ положеній Виклефа и строжайше запретить ихъ проповѣдь и защиту. Согласно желанію Збинека, собрались 28 мая 1408 г. всѣ члены чешской націи у Черной Розы, въ Прагѣ (гдѣ былъ домъ корпораціи чешской). Сходка была чрезвычайно многочисленна; на ней присутствовали: ректоръ Климентъ изъ Мниховецъ, магистръ Янъ Еліе, архидіаконъ Пилзенскій, магистръ Петръ изъ Знойма и Станиславъ изъ Знойма, магистръ Андрей изъ Брода, магистръ Стефанъ Паличъ, Якубекъ изь Стрибра, всего 64 доктора и магистра, кромѣ 160 бакалавровъ и тысячи студентовъ. И въ этомъ собраніи повторились сцены, характеризованныя нами уже разъ при общемъ собраніи университета въ 1403 г. И тутъ читались тѣ-же обвинительные пункты и произносились почти тѣ - же оправданія и нападки, какъ и тамъ. Защитники Виклефа снова возставали противъ осужденія всѣхъ положеній массою и, допуская ошибки и заблужденія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, указывали на правоту и неоспоримую вѣрность другихъ. Рѣшеніе, постановленное собраніемъ чешскимъ, однакожъ далеко не походило на декретъ 1403 г. Запрещено было, правда, проповѣдывать и читать о положеніяхъ; но запрещено только относительно ихъ еретическаго или ложнаго смысла. Кромѣ того, запрещено было бакалаврамъ читать въ университетѣ о трактатахъ Виклефа: „Dialogus“, „Trialogus“, „De Eucharistia“; магистровъ и докторовъ это послѣднее запрещеніе не касалось, разумѣется, нисколько. Понятно, что подобное запрещеніе не могло удовлетворить архіепископа. Не нужно было большой проницательности, чтобы понять, что чешская партія хотѣла лишь прикрыть себя подобнымъ декретомъ, но отнюдь не отказывалась

отъ своего прежняго мнѣнія, и вполнѣ сохранялъ свободу дѣйствія на будущее время. Збинекъ и самъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію въ полной несостоятельности всѣхъ подобныхъ мѣръ, и легко поддался на убѣжденія фанатиковъ, доказывавшихъ ему, что строгое судебное преслѣдованіе еретиковъ есть единственно вѣрный путь къ истребленію зла. Еще до собранія 28 мая, подана была новая жалоба Яномъ Еліе и Яномъ Чифрою, каноникомъ пражскимъ, на Матѳея изъ Книна, человѣка, какъ видно, еще молодаго, получившаго степень магистра свободныхъ искусствъ только въ 1408 году. Обвиненный въ распространеніи еретическихъ мыслей Виклефа о таинствѣ Св. Причащенія, онъ содержался въ тюрьмѣ при архіепископскомъ домѣ до тѣхъ поръ, пока торжественно не отрекся отъ своихъ заблужденій въ присутствіи архіепископа, капитулы многихъ докторовъ и магистровъ, собранныхъ для этой цѣли 14 мая 1408 г. Матѳей книнскій успѣлъ однакоже провести своихъ судей, представивъ немедленно, послѣ своего освобожденія, запись, за подписью трехъ писцовъ, присутствовавшихъ въ собраніи, и съ подтвержденіемъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, между прочимъ бывшаго ректора университета, Климента изъ Миховецъ, свидѣтельствовавшаго, что отреченіе и присяга были вынуждены у него страхомъ тюрьмы и пытки, которыми грозили ему архіепископскіе дворяне и викаріи. Еще не успѣло пройдти впечатлѣніе, возбужденное этимъ скандальнымъ процессомъ, какъ уже генеральный викарій, докторъ Янъ изъ Кбела, снова потребовалъ къ суду своему еще нѣсколькихъ лицъ, между ними Николая изъ Велеповицъ, называемаго также Авраамомъ, священника у храма Св. Духа, въ старомъ пражскомъ городѣ, Сигизмунда изъ Ястебницъ, бакалавра свободныхъ искусствъ. Особенно интересенъ былъ процессъ Авраама. Въ коммиссіи, судившей его, засѣдалъ въ числѣ прочихъ членовъ и Гуссъ. Ободряемый присутствіемъ вождя

народной партіи, Авраамъ смѣло выступилъ съ неслыханнымъ до того притязаніемъ, отказался присягать Евангелію и кресту, говоря, что онъ склоняется лишь предъ Творцемъ, а не предъ твореніемъ. Желаніе подсудимаго показалось Гуссу совершенно основательнымъ, и онъ потребовалъ отъ судей согласія на него. Генеральный викарій, Кбель, въ горячихъ словахъ возражалъ ему и прямо объявилъ, что онъ присутствуетъ здѣсь какъ простой членъ, а не какъ распорядитель. Послѣ того, Авраамъ былъ отданъ на охраненіе Ярославу, епископу сарептскому, тогдашнему инквизитору, и посаженъ въ тюрьму. Гуссъ ходатайствовалъ за него, и, доказывая его невинность, требовалъ освобожденія мнимаго еретика. Усилія его на первый разъ оставались тщетными, архіепископъ не только не смягчился, но даже приказалъ выгнать Авраама изъ своей діоцезы; тогда Гуссъ, съ своей стороны, рѣшился отбросить въ сторону всѣ свои личныя отношенія къ архіепископу и смѣло бросить перчатку въ лицо гордому прелату. Письмо Гусса къ Збиневу, написанное въ это самое время, было рѣшительнымъ объявленіемъ войны іерархическому началу, со стороны новаго направленія — такимъ шагомъ, послѣ котораго невозможно было уже возвращеніе назадъ. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ въ немъ Гуссъ своего прежняго покровителя за его непослѣдовательность и измѣнчивость, долженствующія принести такіе гибельные плоды для чешской церкви. Какъ-бы въ контрастъ прежнимъ добрымъ стремленіямъ архіепископа, онъ выставлялъ его теперешнее поведеніе и образъ дѣйствія; какъ онъ покровительствуетъ духовнымъ, оскверненнымъ всѣми неправдами и преступленіемъ, и преслѣдуетъ покорныхъ служителей Христа, борющихся противъ грѣховъ и охотно исполняющихъ повелѣнія своихъ начальниковъ, не стремящихся къ роскоши, а посвящающихъ себя священническому сану, единственно ради хвалы и послушанія Господу. Такихъ-то людей

обвиняешь ты въ ереси и заставляешь ихъ терпѣть изгнаніе за вѣрную проповѣдь Евангелія Христа". Отъ этого письма справедливо выводитъ начало не только личной непріязни между Гуссомъ и Збинекомъ, но и открытаго разрыва чешской партіи съ іерархіею вообще. Потокъ движенія дѣлается съ этого времени неудержимымъ, и личныя отношенія, самое вмѣшательство политическихъ моментовъ не въ силахъ удержать теперь болѣе его развитія. Вѣрность этого послѣдняго замѣчанія какъ нельзя болѣе потверждается неудачнымъ исходомъ попытки къ примиренію враждовавшихъ сторонъ, сдѣланной въ это самое время верховнымъ чешскимъ правительствомъ. Король Вячеславъ, весьма мало интересовавшійся догматико-философскими спорами пражскихъ профессоровъ, не могъ однако оставаться спокойнымъ, когда споры эти приняли такое опасное направленіе и явно вели къ разрыву съ высшими церковными властями католическаго міра. Допустить подозрѣніе въ ереси на свою страну считалось вообще въ среднія вѣка не только предосудительнымъ, но и въ высочайшей степени вреднымъ для интересовъ государства; у Вячеслава существовали, кромѣ того, еще особенныя причины, побуждавшія его выставить Чехію предъ всею западною Европою вполнѣ преданною католической церкви и чистою отъ всякихъ ересей. Въ своемъ спорѣ за нѣмецкую корону съ Рупрехтомъ пфальцскимъ, ему необходимо было прежде всего имѣть на своей сторонѣ мнѣніе всѣхъ духовныхъ и политическихъ авторитетовъ католическаго міра. Съ этою цѣлью соображались всѣ его тогдашнія и послѣдующія дѣйствія; для нея онъ принесъ въ жертву свою долгую преданность римскому папѣ и обѣщался присоединиться къ галликанской партіи, имѣвшей тогда на своей сторонѣ французскаго короля и выставившей на своемъ знамени слова: нейтралитетъ и соборъ; для нея же онъ готовъ былъ употребить всѣ усилія къ

прекращенію церковныхъ распрей въ Чехіи и къ очищенію своего народа отъ подозрѣнія въ гнусной ереси Виклефа, какъ называли тогда католики ученіе Виклефа.

Не думая долго, Вячеславъ формально потребовалъ отъ архіепископа объявленія, къ какому-же результату новели всѣ его изслѣдованія и процессы, и можно ли, на основаніи ихъ, говорить о существованіи ереси Виклефа въ Чехіи. Слабый архіепископъ спѣшилъ исполнить желаніе короля, и на соборѣ, 17 іюля 1408 г., торжественно объявилъ, что, послѣ произведеннаго строжайшаго изслѣдованія, не оказалось ни одного еретика во всей землѣ чешской. Совѣсть упрекала боязливаго прелата за это категорическое и не совсѣмъ вѣрное, съ католической точки зрѣнія, объявленіе, и онъ самъ съ обыкновенною своею непослѣдовательностью спѣшилъ ослабить его силу, разославъ предписаніе всѣмъ священникамъ излагать народу пресуществленіе, этотъ главный предметъ нападенія еретиковъ, въ самыхъ точныхъ и положительныхъ формулахъ, предписываемыхъ католическою церковью, и строго приказавъ всѣмъ магистрамъ, бакалаврамъ и другимъ членамъ пражскаго университета выдать ему на пересмотръ всѣ книги и сочиненія Виклефа, находящіяся у нихъ въ рукахъ. Такія мѣры Збинека не только ослабли силу и значеніе выданнаго имъ самимъ объявленія, но и дѣлали неизбѣжнымъ новыя сильныя столкновенія. Вражда и безъ того уже была такъ сильна, намѣренія и цѣли обѣихъ сторонъ такъ ясны, что достаточно было ничтожнаго повода для произведенія рѣшительной и окончательной катастрофы. Этою катастрофою мы считаемъ удаленіе нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ изъ Праги, разсмотрѣніемъ котораго мы и заключимъ наше изслѣдованіе о причинахъ и зарожденіи чешскаго движенія.

Случается нерѣдко, что событія, несущія на себѣ характеръ

чисто внутренняго историческаго процесса, подготовляемыя цѣлыми вѣками, развивавшіяся совершенно независимо отъ чисто внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ, вдругъ подвергаются внезапному вліянію извнѣ и достигаютъ, благодаря ему, неожиданной рѣшительной катастрофы. Вспомнимъ, что всѣ новѣйшіе, еще свѣжіе въ памяти, перевороты во внутренней жизни европейскихъ народовъ бывали часто ускоряемы и разрѣшаемы вліяніемъ извнѣ, и что знаменательнѣйшій переворотъ нашего времени—французская революція 1789 г., никогда бы не приняла столь громадныхъ, потрясающихъ размѣровъ, безъ этого побудительнаго толчка извнѣ. Чешское движеніе, разсматриваемое нами, было также приведено къ окончательной катастрофѣ, воздѣйствіемъ постороннихъ, на первый взглядъ чуждыхъ ему элементовъ. Это обстоятельство показываетъ намъ, какъ странно и ошибочно было бы разсматривать чешскія событія отдѣльно, не обращая вниманія на связь и отношеніе ихъ къ обще-европейскому движенію, которымъ они нерѣдко условливались и отъ котораго въ рѣшительный моментъ они получили рѣшительный толчекъ.

Въ то время, какъ, въ Чехіи, броженіе умовъ привело къ окончательному разрыву враждебныхъ партій, и на западѣ дѣла неудержимо приближались къ развязкѣ. Оппозиція галликанскихъ теоретиковъ, какъ ни слаба и ложна была она въ своемъ основаніи, успѣла однако-же взволновать повсюду умы и обратить вниманіе какъ народовъ, такъ и правителей, на единственное предлагаемое средство спасенія—вселенскій соборъ. Громче и громче раздавались отовсюду голоса, требовавшіе этого собора, и вскорѣ они нашли себѣ отголосокъ у самаго папскаго престола, въ коллегіи кардиналовъ. Изъ безчисленныхъ средствъ, предлагаемыхъ тогдашними публицистами и политиками, ни одно, каза-

лось, не должно было принести столько пользы разорванной церкви, какъ идея нейтралитета, пущенная въ ходъ изъ Франціи. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ можно было обезоружить схизматиковъ папъ, какъ не отнятіемъ у нихъ всѣхъ средствъ борьбы, какъ не ихъ полнымъ изолированіемъ среди христіанскаго міра. Усилія галликанцовъ, направленныя именно къ этой цѣли, долго оставались безъ большихъ результатовъ; для учрежденія нейтралитета необходимо было прежде всего согласіе, содѣйствіе государей и свѣтскихъ владѣльцевъ, руководствовавшихся своими исключительными, часто мелочными интересами. Но мало по малу и эти послѣдніе начали увлекаться потокомъ общаго движенія; чувство общаго, высшаго интереса начало брать верхъ надъ мелочными эгоистическими разсчетами.

Враждебныя куріи римская и авиньонская не могли также высвободиться изъ-подъ всеобщаго вліянія обстоятельствъ и волею или неволею должны были заявить свое сочувствіе къ прекращенію раскола. Папы Григорій XII, въ Римѣ, и Бенедиктъ XIII, въ Авиньонѣ, обязались при своемъ избраніи содѣйствовать всѣми силами уничтоженію раскола, и каждый изъ нихъ клятвенно обѣщался отказаться отъ престола св. Петра, по первому востребованію коллегіи кардиналовъ. Обѣщанія эти давались папами и прежде, разумѣется въ той надеждѣ, что они останутся пустою формою; но теперь дѣла приняли иной оборотъ, и при первомъ-же удобномъ случаѣ кардиналы напомнили имъ о ихъ клятвѣ. По ихъ настоянію, папы условились видѣться другъ съ другомъ на-половинѣ пути изъ Рима въ Авиньонъ, въ Савонѣ, и тамъ должны были идти переговоры объ умиротвореніи и объ единеніи церкви. Хотя свиданіе это не состоялось, благодаря интригамъ обоихъ вѣроломныхъ папъ, но тѣмъ не менѣе оно повело къ важнымъ послѣдствіямъ. Кардиналы, раздражен-

ные упорствомъ и узкимъ эгоизмомъ своихъ повелителей, открыто возстали противъ нихъ; оставивъ ихъ тайно, спаслись подъ покровительство флорентинской республики и, собравшись въ Ливорно (въ іюлѣ 1408 г.), оттуда издали воззваніе ко всему христіанству, приглашая всѣхъ къ нейтралитету и къ участію во вселенскомъ соборѣ.

Дѣло нейтралитета начало теперь быстро подвигаться впередъ. Его взяла теперь въ свои руки коллегія кардиналовъ, представлявшая собою, при жалкомъ положеніи папства, высшій авторитетъ христіанства, и ея убѣжденія и доводы дѣйствовали во всякомъ случаѣ на свѣтскихъ правителей сильнѣе, нежели ученыя доказательства и фанатическое рвеніе профессоровъ парижскаго университета. Французское правительство одно изъ первыхъ объявило себя въ пользу прекращенія раскола и соединило свои усилія съ усиліями кардиналовъ. Никто не скрывалъ отъ себя, сколь многое зависитъ отъ того, въ чью пользу объявитъ себя Германія и соединенныя съ нею земли. Вячеславъ чешскій, хотя уже давно не признаваемый большею частью нѣмецкихъ князей, но тѣмъ не менѣе имѣвшій еще не-мало приверженцевъ въ имперіи и располагавшій столь значительными наслѣдственными владѣніями, пріобрѣталъ при такомъ положеніи дѣлъ громадное значеніе, въ глазахъ нейтральной партіи. Она надѣялась склонить его на свою сторону тѣмъ легче, чѣмъ затруднительнѣе и запутаннѣе были, въ это время, дѣла Вячеслава, какъ въ Чехіи, такъ и въ Германіи. Угрожаемый въ имперіи своимъ энергическимъ противникомъ Рупрехтомъ пфальцскимъ, стѣсняемый въ самой Чехіи непріязненными дѣйствіями своихъ братьевъ и волненіями аристократіи, Вячеславъ какъ нельзя болѣе нуждался въ поддержкѣ извнѣ, въ признаніи и подтвержденіи своей упавшей власти и авторитета. То и другое при настоящихъ об-

стоятельствахъ могли ему дать лишь коллегія кардиналовъ съ своимъ соборомъ и могущественная приверженная ей Франція.

Интересы обѣихъ сторонъ сходились, такимъ образомъ, какъ нельзя болѣе. Вячеславъ охотно согласился приступить къ нейтралитету и отложиться отъ папы Григорія XII, платившаго ему неблагодарностью за всѣ его прежнія услуги и явно покровительствовавшаго противнику его, Рупрехту. Вячеславъ, разумѣется, далъ кардиналамъ обѣщаніе не только за себя, но и за свои наслѣдственныя земли, даже за Германію, въ-случаѣ возстановленія въ ней своего авторитета. Прежде всего ему необходимо было склонить на свою сторону Чехію. Для массы народа достаточно было его приказанія, изъявленія королевской воли; гораздо труднѣе было получить согласіе духовенства и университета. Неоднократно приходилось уже говорить намъ о вліяніи, пріобрѣтенномъ университетами на общественныя дѣла, во времена великаго раскола. Вліяніе Парижа превосходило, разумѣется, вліяніе всѣхъ другихъ, но и Прагѣ выпала на долю не менѣе важная роль. Ея университетъ успѣлъ уже на-столько выиграть въ общественномъ мнѣніи, что самъ папа Григорій XII счелъ за нужное обратиться къ нему съ особеннымъ письмомъ, въ которомъ объяснялъ свои добрыя намѣренія, въ отношеніи къ спокойствію христіанства, и старался склонить на свою сторону ученую коллегію. Понятно, послѣ этого, какъ желательно было королю Вячеславу имѣть за собою авторитетъ университета, тѣмъ болѣе, что, со стороны чешскаго духовенства, онъ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе. Согласно съ королевскимъ желаніемъ, тогдашній ректоръ Генихъ фонъ-Балтенгагенъ собралъ для совѣщанія всѣ четыре націи университета [1]. Чехи немедленно же и съ величайшею охотою изъ-

---

[1] См. хронику универс. пражскаго: Item eodem anno (1408), in rectoratu M. Heningi Baltehagen facta est dissensio inter nationem

явили своё желаніе исполнить королевскую волю и объявить себя за нейтралитетъ, но за-то три остальныя націи прямо объявили, что онѣ не могутъ нарушить клятвы, данной ими Григорію XII; рѣшеніе университета, разумѣется, состоялось въ смыслѣ большинства.

Король Вячеславъ предпринималъ въ это самое время путешествіе въ Силезію; на обратномъ пути оттуда, въ Кутной горѣ, къ нему явилось посольство отъ короля французскаго и отъ парижскаго университета, туда-же прибыли и депутаты пражскаго университета для поднесенія королю состоявшагося рѣшенія. Депутація состояла, какъ и всегда, изъ представителей всѣхъ народностей; отъ чешской націи выбранъ былъ на этотъ разъ Гуссъ. Чехи явились къ Вячеславу съ большими надеждами на успѣхъ; при этомъ случаѣ они надѣялись выставить себя вѣрными защитниками королевскаго авторитета и ревностными исполнителями его воли, въ сравненіи съ самовольными и упрямыми нѣмцами, покорными слугами иностраннаго іерархическаго авторитета, дерзкими противниками свѣтскаго, непосредственнаго правительства. При этомъ случаѣ Гуссъ и его друзья упустили однако-же изъ виду, сколько препятствовали они королю въ желаніи пріобрѣсти репутацію въ католическомъ мірѣ, своими опозиціонными, реформаторскими стремленіями, своею явною враждою къ іерархіи, своею защитою сочиненій Виклефа, объявленныхъ церковью еретическими. Пріемъ, сдѣланный королемъ депутаціи, обманулъ ожиданія всѣхъ. Вячеславъ, которому достаточно было ничтожнаго повода для того, чтобы пріийти

Bohemicam et alias tres nationes, scil. Bavorum, Saxonum et Polonorum, propter desiderium regis, qui optabat, ut sibi et cardinalibus ad abstractionem obedientiæ papalis assisterent. Itaque bohemis consentientibus, et aliis nationibus dissentientibus, propter eorum pluralitatem vocum rector non audebat contra desiderium concludere (у *Палацкого*).

въ ярость, едва только увидѣлъ Гусса и другихъ чеховъ, какъ тотчасъ-же забылъ все, кромѣ безпокойства и непріятностей, причиненныхъ ему ихъ спорами съ университетомъ и архіепископомъ. Не слушая ихъ представленій и жалобъ на нѣмцевъ, онъ обратился къ Гуссу съ самыми жесткими словами, упрекалъ его въ томъ, что онъ своими происками навелъ подозрѣніе въ ереси на короля и на страну и опозорилъ всю Чехію во мнѣніи иностранцевъ. Въ заключеніе онъ требовалъ отъ него перемѣнить поведеніе, исправить опять дѣло, въ противномъ же случаѣ грозилъ покончить съ нимъ огнемъ и пыткою. За-тѣмъ король обратился въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ къ нѣмцамъ и обѣщался ненарушимо охранять ихъ привилегіи и статуты университета. Гуссъ возвратился въ Прагу, совершенно пораженный пріемомъ, сдѣланнымъ ему въ Кутной горѣ. Имъ овладѣла жестокая болѣзнь, и, въ отчаяніи, онъ считалъ потеряннымъ дѣло своего народа; къ счастію, это дѣло всего менѣе зависѣло отъ личнаго мнѣнія и скоро-преходящихъ вспышекъ короля Вячеслава. За это дѣло стояли поголовно не только всѣ чехи въ университетѣ, безъ различія религіозныхъ и политическихъ убѣжденій, ему сочувствовала лучшая и благороднѣйшая часть народа, у него были защитники во всѣхъ сословіяхъ, и самые окружающіе Вячеслава были поражены неудовольствіемъ за пріемъ, оказанный королемъ депутаціи. Никто не принялъ такъ горячо къ сердцу обиды, нанесенной чешской народности, какъ одинъ изъ первыхъ любимцевъ королевскихъ, верховный нотаріусъ горнаго управленія въ Чехіи, *Николай изъ Лобковицъ*, человѣкъ одинаково опытный и въ военномъ и въ ученомъ дѣлѣ. Его доводы, высказываемые со всею силою и ясностію истиннаго, здороваго убѣжденія, могущественно подѣйствовали на слабаго короля и въ короткое время совершенно измѣнили весь образъ его мыс-

лей. Одно случайное обстоятельство, прибытіе уже упомянутыхъ посольствъ изъ Франціи, также способствовало не мало этой перемѣнѣ. Французы, разумѣется въ своихъ видахъ, должны были сочувствовать чешской партіи, въ пражскомъ университетѣ, объявившей себя за нейтралитетъ; они представили Вячеславу, съ одной стороны, высокомѣріе и несправедливость нѣмцевъ, съ другой — правоту и законность требованій чеховъ. Они говорили ему, что отецъ его Карлъ IV устроилъ пражскій университетъ, на-подобіе парижскаго, а въ этомъ послѣднемъ неоспоримый перевѣсъ и большинство голосовъ имѣютъ повсюду туземцы. Съ другой стороны, Лобковицъ объяснилъ королю, что перевѣсъ нѣмцевъ вовсе не основывается на какомъ-нибудь статутѣ, имѣющемъ законное основаніе, что происхожденіе его совершенно случайное и произвольное, что король имѣетъ полное право измѣнить эти отношенія и что этимъ онъ выполнитъ свой долгъ, не только въ отношеніи къ своему народу, но и къ покойному отцу.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ убѣжденій и представленій былъ королевскій декретъ, изданный Вячеславомъ въ Кутенбергѣ, 18 января 1409 г., и пріобрѣтшій такое роковое значеніе въ исторіи чешскаго народа. Имъ измѣнялись совершенно всѣ прежнія отношенія въ университетѣ; чехамъ, какъ туземцамъ, предоставлялось на вѣчныя времена право располагать во всѣхъ собраніяхъ и сходкахъ университета тремя голосами, нѣмцамъ же и другимъ иностранцамъ оставлялся всего только одинъ голосъ; другими словами: этотъ декретъ давалъ рѣшительное торжество народной партіи, а вмѣстѣ съ ней и дѣлу реформы, превращалъ университетъ въ чисто чешское національное учрежденіе. Приводимъ въ примѣчаніи отрывокъ этого замѣчательнаго документа въ подлинникѣ [1], здѣсь же сообщаемъ полное его содержаніе,

[1] Cum natio Teutonica, jure incolatus regni Bohemiæ, prorsus ex-

заимствованное изъ „исторіи пражскаго университета", *Томка.* T. I, 149 стр.

„Хотя каждый человѣкъ обязанъ любить всѣхъ людей безъ исключенія, но однако-же необходимо, чтобы эта любовь исходила изъ родственнаго расположенія; дать же предпочтеніе чужому предъ домашнимъ несправедливо, ибо всякая любовь обращена сначала отъ самого себя, а потомъ уже распространяется на родныхъ и другихъ пріятелей. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до короля, народъ нѣмецкій, неимѣющій никакого права жительства въ этомъ королевствѣ чешскомъ, присвоилъ себѣ въ пражскомъ университетѣ три голоса, тогда-какъ народъ чешскій, истинный наслѣдникъ земли, имѣетъ только одинъ. Король считаетъ несправедливымъ, чтобы чужіе, посторонніе люди пользовались въ избыткѣ трудами обывателей, а свои были удручены недостаткомъ, и повелѣваетъ ректору и университету, чтобы съ этихъ поръ народъ чешскій имѣлъ во всѣхъ собраніяхъ, судахъ, экзаменахъ, выборахъ и другихъ какихъ бы то ни было актахъ и совѣщаніяхъ университета, согласно обычаю, котораго держится народъ французскій и всѣ народы въ Ломбардіи и Ита-

---

pers, in singulis universitatis studii Pragensis agibilibus, ut relatio veridica ad nos deduxit tres voces sibi vindicaverit ad usum, natioque Boemica, ejusdem regni justa heres, tantummodo unica gaudeat et fruatur: nos (id) iniquum et valde indicens arbitrantes, — mandamus, quatenus nationem Boemicam in singulis consiliis, judiciis, examinibus, electionibus et quibuscunque aliis actibus et dispositionibus universitatis praedicate, ad instar ordinationis, qua gaudet natio Gallica ac ceterae in Lombardia et Italia potiuntur nationes, ad tres voces admittere modis omnibus debeatis etc. Сравн. *Іоанна Гельда:* «Tentamen historicum illustrandis rebus anno MCCCCIX in universitate Pragena gestis». Pragae. 1827, in-8.

ція, чехи владѣли, и онъ долженъ оставаться при этой привилегіи во вѣчныя времена, безъ всякаго измѣненія[4].

Послѣдствія декрета, какъ и слѣдовало ожидать, были громадны. Король прежде всего съумѣлъ объявить свою волю относительно нейтралитета. 22 января 1409 г. издана была во всей землѣ королевская грамота, запрещавшая всѣмъ и каждому, подъ страхомъ тяжелаго наказанія, признавать иначе папу Григорія XII за главу церкви. Вслѣдъ за тѣмъ королевскій декретъ былъ прочитанъ въ собраніи всѣхъ четырехъ народовъ, 26 января, и строго подтверждено всѣмъ членамъ университета — немедленно и безпрекословно повиноваться ему. Нѣмцы, крайне встревоженные такимъ оборотомъ дѣлъ, спѣшили отвратить грозившую имъ опасность просьбами и представленіями. Въ лицѣ Вячеслава 6 февраля они послали ему просьбу, за подписями и печатями трехъ народовъ — баварскаго, саксонскаго и польскаго, въ которой силились доказать ему незаконность и вредныя послѣдствія принятой мѣры. Раздѣленіе университета на четыре народа, говорили они, есть вещь старая, освященная давностію, и всегда эти народы пользовались одинаковыми правами. При жизни императора Карла, основателя университета, обычай этотъ оставался ненарушимымъ; ему обязано было учрежденіе своимъ блескомъ и славою; благодаря ему, стекалось въ Прагу, со всѣхъ сторонъ свѣта, безчисленное количество студентовъ. Но лишь только послѣ его смерти начался раздоръ между чехами и тремя остальными народами, окончившійся не малымъ ущербомъ для этихъ послѣднихъ, то тотчасъ-же начали упадать блескъ университета и уменьшаться число студентовъ. Если декретъ, изданный теперь королемъ, войдетъ въ силу, то послѣдствія его будутъ тяжки и не выносимы для нихъ; они поведутъ ко вреду и униженію трехъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ разру-

шенію самаго университета. Все вышеизложенное заставляетъ ихъ просить короля — оставить ихъ при прежнихъ обычаяхъ и статутахъ, а особливо при соглашеніи между ними и народомъ чешскимъ (1384), на которое присягали не только они, но и чехи; а что говорится въ королевскомъ предписаніи о трехъ голосахъ, долженствующихъ принадлежать чехамъ, то это дѣло неслыханное, необычное ни въ парижскомъ, ни въ другомъ какомъ-либо университетѣ. Наконецъ, если народъ чешскій считаетъ себя въ чемъ-либо стѣсненнымъ или обиженнымъ, то король можетъ вовсе отдѣлить ихъ отъ нихъ и позволить имъ составить отдѣльный университетъ, подобно тому, какъ въ Болоньѣ существуютъ два университета: Citra montana и Ultramontana.

Просьба эта, равно какъ и многія другія остались безъ всякаго успѣха. Король стоялъ на своемъ, и нѣмцы нашлись вынужденными взяться за крайнее средство. Въ средніе вѣка, университеты приносили громадную выгоду городамъ, въ которыхъ они находились. Число людей, составлявшихъ университетъ, или примыкавшихъ къ нему, было крайне велико; почти все народонаселеніе города было связано самыми чувствительными, матеріальными и нравственными интересами, съ ученою корпораціею. Не говоря уже о выгодѣ, доставляемой обывателямъ тысячами стекавшихся, со всѣхъ сторонъ, студентами, цѣлые ремесленные цехи, какъ-то — переписчики, переплетчики, существовали единственно благодаря университету.

Университеты, развившіе у себя въ сильной степени общинный духъ и корпоративную исключительность, очень хорошо сознавали всю выгоду своего положенія; знали, что не они зависятъ отъ городовъ, а города отъ нихъ, что, въ-случаѣ ихъ отбытія, вся невзгода падетъ на горожанъ, а что ихъ повсюду встрѣтятъ съ отверстыми объятіями. Прага, едва-ли не болѣе

другихъ городовъ обязана была университету, если и не въ нравственномъ, то по-крайней-мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи. Благодаря ему, она была, безспорно, богатѣйшимъ, славнѣйшимъ и величайшимъ городомъ на всемъ пространствѣ св. римской имперіи. Большое стеченіе чужезенцевъ приносило не мало жизни и денегъ въ городъ и страну. Между студентами и магистрами попадались коллегіаты изъ богатѣйшихъ капитулъ сосѣднихъ земель; почти всякій мало-мальски зажиточный монастырь имѣлъ одного или нѣсколькихъ членовъ въ университетѣ пражскомъ; проповѣдническій орденъ св. Климента постановилъ, чтобы всѣ члены его безъ исключенія занимались въ Прагѣ и получали тамъ академическія степени. Въ университетъ появлялись не-рѣдко лица изъ самаго высшаго духовнаго сословія; между ними упоминаются: одинъ епископъ познаньскій, одинъ аббатъ, множество архидіаконовъ и пробстовъ, безчисленное количество каноникоеъ. Наибольшее количество этихъ послѣднихъ относилось къ лучшимъ аристократическимъ фамиліямъ въ имперіи нѣмецкой, посылавшимъ сыновей своихъ для приготовленія къ высшимъ духовнымъ должностямъ въ Прагу. Между прочими, подъ 1380 г., упоминаются: князь ангальтъ-бернбургскій, два графа шварцбургскіе и графъ глейхенскій; двумя годами позже прибылъ въ университетъ герцогъ мекленбургскій, въ 1387 г. герцогъ штетинскій. Факультетъ юридическій имѣлъ между своими слушателями столь многихъ членовъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, что для нихъ опредѣлены были даже особыя, переднія скамьи (scamna nobilium). Богатѣйшіе купцы и негоціанты посылали также сыновей своихъ въ Прагу, правда не столько для ученыхъ занятій, сколько для завѣдыванія торговыми дѣлами, но тѣмъ не менѣе они вписывали ихъ въ университетскую матрикулу, доставлявшую столько правъ и такое вѣрное покровительство. Уже по

одному числу учащихъ и учащихся, которое въ періодъ времени 1372 — 1389 гг. доходило до 12,000, можно судить, сколько выигривала Прага отъ своего университета. Понятно послѣ этого, какъ много должна была потерять Прага, въ-случаѣ удаленія иностранныхъ студентовъ, и какъ могли разсчитывать нѣмцы на это обстоятельство. Но, съ другой стороны, и имъ самимъ не такъ легко было разстаться съ старымъ мѣстомъ. Студентамъ жаль было разстаться съ красивымъ и веселымъ городомъ, которому не было ничего подобнаго во всей Германіи. Тогдашніе студенты весьма мало походили на теперешнихъ. Хотя и тогда не было недостатка въ буйной и легкомысленной молодежи, гонявшейся болѣе всего за разгульными пирушками, да игрою въ кости, но велико было также и число другихъ студентовъ, людей уже возмужалыхъ, нерѣдко занимавшихъ извѣстные чины и достоинства, обладавшихъ значительною степенью жизненной опытности. Для такихъ людей было еще тяжелѣе разстаться съ такимъ удобнымъ городомъ и промѣнять спокойное и обезпеченное положеніе на невѣрное, а можетъ быть и на скитальческую жизнь. Такія соображенія не могли не прійдти въ голову нѣмецкимъ магистрамъ и студентамъ, когда смѣлѣйшіе изъ нихъ предложили своимъ товарищамъ, въ-случаѣ крайности, оставить лучше Прагу, нежели подвергаться неслыханному униженію. Большинство нѣмцевъ разсматривало это предложеніе, какъ крайнюю мѣру, какъ угрозу, которой непремѣнно должно уступить упорство Вячеслава. Предъ глазами у нихъ было уже не-мало примѣровъ успѣшнаго дѣйствія подобной угрозы. Всѣ помнили, какъ университетъ, оскорбленный городскимъ начальствомъ въ Болоньи, массою оставилъ этотъ городъ и отправился въ сосѣднюю Сіэну, съ какимъ восторгомъ и услужливостію встрѣчены они были тамошнимъ городскимъ совѣтомъ и народонаселеніемъ, и сколько хлопотъ, издержекъ и

уступокъ стоило Болоньи ихъ возвращеніе. Нѣмцы не сомнѣвались, что и тутъ то-же средство подѣйствуетъ съ такимъ-же успѣхомъ, и рѣшились прежде всего запугать своихъ противниковъ. Въ торжественномъ собраніи трехъ націй, каждый магистръ и студентъ обязанъ былъ торжественною клятвою, въ случаѣ неуспѣха всѣхъ представленій и ходатайствъ, оставить на-всегда Прагу. Присяга эта скрѣплялась не только собственноручною подписью, но и устною клятвою, въ присутствіи нотаріуса; въ случаѣ неисполненія, виновнаго постигало четверное наказаніе: наказаніе за ложную присягу, выключеніе изъ корпораціи, безчестіе, денежная пеня суммою въ сто копъ чешскихъ грошей. Однакоже надежды нѣмцевъ на дѣйствіе этой торжественной угрозы нисколько не оправдались. Зажиточные жители Праги можетъ быть и испугались при слухѣ о ихъ намѣреніи, но на сферы, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе, угроза подѣйствовала скорѣе возбудительнѣе. Король Вячеславъ, имѣвшій передъ глазами прежде всего достиженіе своихъ политическихъ цѣлей, ничего не хотѣлъ слышать объ уступкахъ нѣмцамъ, противникамъ нейтралитета. Чешскій народъ, въ университетѣ, всѣми силами стоялъ за выполненіе королевскаго декрета, и его представители неутомимо работали повсюду, располагая дворъ и всѣ сословія народонаселенія, въ пользу своего дѣла. Безпорядокъ въ университетѣ былъ все это время страшный; нѣмцы ничего не хотѣли знать объ исполненіи королевскаго декрета и повсюду придерживались стараго обычая. Никакъ не хотѣли они выпустить изъ рукъ управленія университетомъ и завѣдыванія всѣми дѣлами. Нѣмецкіе — ректоръ и деканы отказывались сложить съ себя свои должности и дать мѣсто новымъ выборамъ, чехи же, напротивъ, ничего не хотѣли слышать о повиновеніи старымъ властямъ и настойчиво требовали избранія новыхъ, по новому порядку. При такомъ по-

радкѣ, всѣ обычныя занятія и дѣла университета остановились; магистерскіе экзамены на философскомъ факультетѣ не состоялись вовсе; на бакалаврскіе были выбраны магистры, по старому обычаю, но они отказались отъ экзамена, ссылаясь на королевскій декретъ, требовавшій, чтобы три магистра были непремѣнно изъ чеховъ. Межъ тѣмъ обѣ стороны отправляли посольство за посольствомъ къ королю Вячеславу, каждая изъ нихъ доказывала ему свое право, представляла длинныя и ученыя доказательства его, но въ-сущности все это было лишнимъ, такъ-какъ на этотъ разъ воля королевская была неизмѣнна, а за этою волею стояла воля цѣлаго народа. Наконецъ наступила рѣшительная минута: 9 мая 1409 г. магистры всѣхъ четырехъ народовъ были собраны, по приказанію Вячеслава, въ Каролинѣ. Въ собраніе явился королевскій посолъ Николай Лобковицъ, за нимъ всѣ совѣтники стараго пражскаго города и большой отрядъ вооруженныхъ людей. Панъ Лобковицъ потребовалъ, именемъ короля, отъ ректора и декана знаки ихъ достоинства, ректорскую печать и матрикулу университета, ключи отъ казны и библіотеки, вслѣдъ за-тѣмъ онъ возложилъ ректорское достоинство на Зденка Лабоуна, деканомъ же философскаго факультета провозгласилъ магистра Симона Тишнова.

Теперь пришла пора нѣмцамъ исполнить свою присягу, и, надобно отдать имъ въ этомъ честь, они съ достоинствомъ и твердостью рѣшились на неизбѣжное; не прошло еще и нѣсколькихъ дней послѣ упомянутой сходки, какъ нѣмецкіе магистры и студенты толпами начали оставлять Прагу. Въ одинъ день вышло ихъ болѣе 2000, число же всѣхъ вышедшихъ далеко превышало собою 5000 ч.

Событіе это, извѣстное подъ именемъ удаленія нѣмецкихъ студентовъ изъ Праги, имѣетъ величайшее историческое значеніе.

Оно, съ одной стороны, представляетъ собою окончательный результатъ долговременной борьбы народности чешской съ нѣмецкою за преобладаніе въ университетѣ, долженствовавшемъ стоять во главѣ умственнаго движенія націи; съ другой — оно составляетъ исходную точку для новаго развитія. Имъ, можно сказать, порѣшенъ былъ въ-сущности основной вопросъ чешскаго движенія. Съ самого-же начала въ этомъ движеніи играло самую важную роль національное начало. Съ торжествомъ этого начала упрочено было торжество неразрывно соединенной съ нимъ религіозной реформы. Не безъ основанія заключаемъ мы имъ свое изслѣдованіе, имѣвшее цѣлью объяснить и показать причины и начало этого движенія.

Date Due
